

Магия нуля

В этом мире существует магия, силы сокрушаются друг об друга, а подлость блуждает по сердцам способных. В темном запутанном магическом мире, опершись на холодную стенку сидит тощий кудрявый юноша, способный уничтожить этот мир, не зная, какой тернистый путь ему уготован.

Глава 1

...Как вы знаете, наш мир наделен магией, а точнее людьми с необъяснимым даром, дарующий им запредельное могущество. Ни философы, предающие этому сакральный смысл, ни ученые, анализирующие магию, не способны найти ответ на всех волнующий вопрос: «Что такое магия?». Времена меняются, на дворе 21 век, агрессия угасает, а чудо срастается с рутинной. Как бы маги не грозили своими силами, человечество стало достаточно сильным, чтобы не бояться волшебных монстров. И история пойдет как раз о владельце этой самой магии, могущественном волшебнике, изменившем целую эпоху.

Оперевшись на ледяную кирпичную стену, молодой юноша взглянул в небо. Его ноги жалко растопырились на сыром асфальте, черные ногти уродливо устали на такой же уродливый переулочек. С головы свисли длинные пряди пепельных волос, невпопад раскиданных слипшимися от грязи локонами по юношеским плечам. Его бледно-голубые глаза, как капельки дождевой воды, уныло направились к облакам, пытаясь разглядеть неприветливое солнце. Его худощавое бледное тело укрывали лишь лохмотья, настолько рваные, что их можно было вообще не увидеть. Единственным не потрепанным атрибутом его внешности были бутафорские черные рога, нацепленные на вшивую макушку.

Он не был разговорчив, его словарный запас ограничивался «Да» и «Нет», так что и его историю никто не знал, хоть она и не загоняла в сон.

Из всех бед судьба подобрала для нашего героя, скорее всего, наихудшее прошлое. Он родился в полной семье, с любящими родителями, которые не увлекались ни наркотиками, ни алкоголем. Но так было лишь в первые 15 секунд его жизни.

Магия новорожденного заключалась в убийстве через касание. Прикосновение равняется смерти, с одеждой или без, умышленно или случайно, ничего не уходило живым, пересекаясь с его способностью.

Мать умерла при родах, все врачи, принимавшие роды, и отец, присутствующие при этом процессе. Никто не вышел из той палаты, и это было лишь его началом.

Малолетнего убийцу отправили в детдом, его держали в изоляторе, не подпускали ни к кому из взрослых, не говоря уже о детях. Выяснилось, что его способность таила в себе и положительные аспекты — прикосновение к трупам дарило жизнь, мертвецы вставали, как ни в чем не бывало после его контакта. Но и у этой монеты была обратная сторона: люди, убитые самим мальчиком не могли быть воскрешены.

Так прошли еще несколько лет его жизни. Иногда из-за неосторожности он уносил жизни своих сверстников или домашних животных, его не раз пытались убить, но как казалось, его собственная смерть была ему не подвластна, он был бессмертен.

Наконец, его вышвырнули из приюта, и он не нашел себе никакого другого места, кроме этого переулочка: люди не могли на него наткнуться, те, кому нужны были услуги воскресителя знали, где он находится, а бандиты не пугали мирных жителей, пытаясь в очередной раз убить «Дьявола». Хотя это чуть не стало его именем. Толпы прозвали его соответственно его репутации — Бруклинским Дьяволом, а не совсем тупой маг приобрел рога, чтобы окончательно дополнить свой облик и обезопасить остальных от своей силы.

А звали его Бром. Ни фамилии, ни отчества — лишь спонтанная кличка, придуманная в приюте.

Облака также уныло передвигались по голубой глади, не удосуживаясь порадовать их единственного зрителя увлекательными фигурами. Воздух, перемешанный с бензином и вонью неспешными волнами переливались из угла в угол, а солнце так не вылезло из-за кирпичных стен.

Неожиданно, в переулок ворвался высокий мужчина, схвативший себя за грудь. Локоны его белоснежных волос экстравагантно спадали на плечи, как грива льва. Одет он был также престижно: на нем был черный костюм, аккуратные коричневые брюки и большой золотой крест с красивыми узорами, спадающий на грудь и явно не подходящий под его наряд. Болезненно кашляя кровью, он поплелся к неподвижному Брому, попутно перекрестившись положенные три раза.

— Ни ты ли тот известный Дьявол,
Что бремя смерти превозмог?
О, юноша, скажи мне прямо,
Ты ли он?
— Да.

У незнакомца явно был очень певучий и приятный голос, но его стихотворные речи сильно пугали неразговорчивого Дьявола, от чего он сильнее прижался к ледяной каменной опоре своего существования.

— Услышь, мой друг. На землю скоро
Моя поникнет голова,
Тогда коснись меня, и вскоре
Я вновь смогу узреть тебя!
Не медли ж...

Он схватился за грудь и, издав приглушенный звук, больше похожий на икоту, упал своим элегантным лицом в потрескавшийся, покрытый грязью бетон.

Бром с максимальной осторожностью поднес свое ухо к груди мертвеца, пытаясь ни в коем случае ее не коснуться. Сердце уже не билось. Дьявол для пущей надежности посидел еще 15 минут в затишье, рассматривая знакомый им переулок и только изредка и с опаской поглядывая на труп незнакомца. Собравшись с силами, он докоснулся до края лакированного ботинка любителя изысканной речи. Несмотря на все его опасения, человек неспешно задышал и покрылся синей мертвенной краской. С тяжелыми вдохами и кашлем незнакомец возобновил свою тираду.

— О боже, как ты к людям к добр,
Что вновь даруешь Данте жизнь,
Не зря молюсь я дни и ночи,
Не зря сей отрок здесь сидит!
Он повернулся в сторону Брома.
— Услышал ты, что Данте я,
Такой же маг с нелегким бременем.
Тебе так благодарен я,
Что родилась в душе идея.
О ты, спаситель падших тел,
Иди за мной на поле чести,
Где все — такие же как ты,
И нет гонений и безчестья.

Ты нужен Богу! Нужен Свету,
Но ты сидишь в болоте этом,
Где от тебя сокрыт весь мир,
Прошу — не спорь, мой друг, пошли!

Хоть Бром и не получил должного образования, он все равно осознавал, что ему необходимы товарищи и общение, но его способность препятствовала этому.

Этот напыщенный мужчина был далеко не первым, выдвигающим похожие предложения, Бром был замечательным оружием, и каждый пытался его заполнить. Никогда в жизни у Дьявола не было альтернатив его существования, переулочек — больше ничего для него не существовало, но речь недавно погибшего мага чем-то его возбудило, он почувствовал что-то, и лишь эта незнакомая эмоция толкнула его на этот опрометчивый поступок.

— Да.

Напыщенный Данте весьма удивился столь лаконичной речи его собеседника. Схватившись за свою грудь, за которую он держался еще совсем недавно, он громогласно рассмеялся смехом уверенного в своей исключительности человека, и, улыбнувшись, повел Брома прочь из его мрачной обители.

..

История продолжалась, а Бром уже сидел в черной иномарке, рассекающей по бетонной трассе. Все пространство водителя было заполнено иконами. Главный герой забился в угол и с удивлением рассматривал виды за окном.

— Верно, ты хотел спросить,
Что я забыл в том месте темном,
Где мне главу пришлось сложить?

— Да.

Не удивительно, что опыт общения Дьявола был невероятно скуден, он банально не мог выстраивать ни вопросы, ни просьбы, ни нормальные ответы, страдая от невозможности повлиять на тяжелый для восприятия диалог.

— Есть маги те, что веру бросив,
Творят злодейства там и тут,
А я один из сил небесных
Был подоставлен под удар,
Не спас меня мой личный дар,
Ведь Данте бесы отравили,
Но я, молясь Ему тогда,
На вас лишь, друже, уповал,
И моим просьбам Боже внемлил,
Теперь я здесь, вопросы есть ли?

— Да. Да. Нет.

Это невероятно примитивное скопление звуков Бром выдавливал из себя дольше, чем Данте свои изречения.

— Мне прекратить разговаривать в стихотворной форме?

— Да

— Только для вас, мой друг. Простите мой язык, но мне так изъясняться гораздо легче. Надеюсь обычный склад речи облегчит вашу мыслительную ношу. Кстати, я так и не узнал:

как величать Бруклинского Дьявола?

— Бром.

— Довольно интересное имя. Меня зовут Данте Алигьери, для друзей просто Данте.

— Да?

— Конечно, друг. Я хотел бы, чтобы все люди были моими друзьями, но мир суров, пусть ими будут хотя бы те, кто спас мне жизнь. Уж врагов у меня предостаточно.

— Да?

— Меньше мыслей — меньше разочарований. Мы уже въехали в магический город Виззир, сейчас мы держим путь в оперативный магический пункт «Собака». Крайне глупое и примитивное название конечно, но наше начальство вряд ли прислушается к мнению скромного Божьего раба. Хотя, кто лучше защитник покоя, чем собака, не думаете?

— Да.

За окном мелькали обычные дома и магазинчики ничем особо от бруклинских не отличающихся. Проехавшись здесь, вы бы ни за что не заподозрили это место в наличии магии.

Наконец автомобиль остановился. Оперативный пункт оказался огромным на вид не достроенным складом, с которого были видны далекие высотки.

Внутри оказалось очень просторно и практически пусто. На расстоянии нескольких десятков метров друг от друга за столами в бумажной работе копошились люди в сплошь хорошей одежде.

На встречу вошедшему Данте подбежал менее солидный человек. Он сильно хромал, был одет в белую рубашку и коричневый плащ, который от неловкости движений развивался как-то по-особенному. Он был не высокого роста, с черной шевелюрой, прямым носом и уставшими бледно-зелеными глазами.

Он грубо схватил Данте за горло, на что тот ответил высокомерным и победоносным взглядом.

— Дьявол, спальня там, ложись немедленно.

Бром поспешно удалился в другой конец помещения.

— Твоя невероятная удача когда-нибудь тебя погубит, Данте. Как ты умудрился найти Бруклинского Дьявола и привести сюда. Это было задание максимального приоритета, ты же понимаешь, что было бы, если бы за тобой увязался хвост из Лиги. Миллиарды людей погибли бы из-за твоей безалаберности

— О чем ты, Байрон, Бог со мной

Я с ним невзгоды превозмог,

И, умирая в переулке,

Договорился об услуге

У нашей жертвы, между прочим,

Я вижу в это совершеньи

Лишь благодать — не преступленье.

И коль тебя Господь оставил,

Раскайся, грешный ты, скорей.

И пусть у Данте нету дара,

Но божья помощь есть у всех,

И мне сопутствует успех.

— В следующий раз тебе придется молиться Богу, чтобы я тебя к нему не отправил. Ты

худший напарник в истории человечества, ты вообще понимаешь принцип парной работы. Ты делаешь — я прикрываю или наоборот. Ради всех святых, которых ты так любишь, снизойди до своего жалкого напарника, И ПЕРЕСТАНЬ ВЕСТИ СЕБЯ КАК ПОСЛЕДНИЙ ПРИДУРОК! МЫ ВЫБЬЕМ ИЗ ТЕБЯ ВСЮ ДУРЬ, НЕ СОМНЕВАЙСЯ! ТВОЕ ДУРАК РЕБЯЧЕСТВО НЕ ОСТАНЕТСЯ БЕЗ ВНИМАНИЯ!

— Успокойся, не бесись,

Я пошел, ты — веселись.

Данте вырвался из захвата, повернулся и грациозной походкой направился к своему столу. Вместо бумаг там лежала огромная библия, все было обставлено иконами и свечами, а в шкафу у тумбы была коллекция крестов самых различных размеров и составов.

Байрон грустно вздохнул и поплелся в сторону спального помещения, куда недавно был послан Бром.

Дьявол сидел в самом уголку и тарачился в пол, рассматривая текстуру покрытия, делал он все это посреди мягких, аккуратно убранных кроватей.

— Один чуднее другого, еще один псих... Тебя как зовут хоть?!

— Бром.

— Твою ж, ты хоть разговаривать умеешь, скажи погромче!

— Бром.

Он ни капли не повысил громкость своей речи, но к этому моменту хромой подошел ближе, поэтому Байрон наконец расслышал его кличку.

— Бром, да? Я Джордж Гордон Байрон, но для всех просто Байрон, да ты моего полного имени то и не выговоришь.

— Да.

— Ладно, Бром, сядь на кровать, не зажимайся. Ты не один тут с придурьями, погоди, что я сказал? Причудами, твою ж, уже слова путаю. Не суть, этот расфуфыренный балабол посвятил тебя в нашу деятельность?

— Нет.

— Боже ж ты мой, зачем ты послал мне такого напарника! Короче говоря, хоть маги и неспособны уничтожить человечество в силу технического прогресса, но они способны нанести колоссальный (большой) ущерб. Для минимализации жертв (уменьшения) созданы специальные пункты по всему миру, где собирают магов по всему миру, защищающих спокойствие мирного населения на добровольной основе (если хотят). В основном мы ведем разведку за потенциально опасными магами и помогаем властям с теми делами, где задействованная магия. Ты даже не представляешь: насколько ты бесценен для нас. К сожалению, тебе придется таскаться поочередно с одним из членов нашего коллектива, так как такой ценный человек, как ты рискует быть похищенным различными группировками. Кстати о них, наш главный противник на данный момент это Лига — преступная организация, опирающаяся на магические способности. Хоть правительство и уверено в защищенности от магов, некоторые способности во истину пугающие, ты как раз такой пример. Мы не просим тебя кого-то убивать, твои силы нужны нам только в мирных целях. Естественно тебе будет выделено жалование (плата, понимаешь) и жилье, в принципе можешь жить и здесь, но тебе могут дать квартиру или дом.

Пока раздраженный хромой маг разъяснял аспекты своей работы, ему приходилось неоднократно пояснять словечки, которые он использовал в своей речи, с каждым раз ворча все больше.

— Магия?

— Чего?

Бром указал в сторону Байрона

— Моя способность?

— Да.

— Мне с собакой легче разговаривать легче, чем с тобой, ну да ладно, так и быть клоун покажет тебе фокус (ты и клоун, наверно, не знаешь, что такое, ну почему все самые тупые стекают именно ко мне). Смотри, моя способность «Чуждый миру» позволяет мне быть невидимым и бесплотным, что-то вроде телепорта, но до цели я добираюсь своим ходом, что сильно ограничивает мои действия.

Байрон исчез буквально на пару секунд, а затем дверь открылась, и он вошел в комнату, в которой только что находился.

— Вот, я прошел сквозь дверь и снова вошел внутрь. Меня взяли из-за идеальной совместимостью с разведкой и вскрытием дверей. Надеюсь, ты не будешь так же беспардонно спрашивать о способности других, воздержись хотя бы с Говардом и Агнией. А! Точно, я ведь так и не успел тебя представить. Пошли за мной.

Байрон хотел было протянуть руку, но вовремя одумался. Он вышел из комнаты и закричал, что есть мочи.

— Агния! Говард!

— Байрон, ты чо орешь, совсем скоро шарики за ролики заедут, тут и с дубу рухнуть не далеко. Говарда нет сегодня, а я вот она, чего ты так кричишь-то?

По близости сидела молодая или не очень женщина с кругловатым, немного женственным лицом, на котором лениво зыркали два простецких карих глаза, и пучком на затылке. Хоть голос ее еще и был звонкий, но разговаривала она совсем, как бабка. Рот у нее всегда был чуть приоткрыт, и в совокупности с ее сверкающими глазами всегда казалось, будто она чего-то ждет от собеседника. Роста была среднего, не стройная, но вовсе еще не обрюзгшая от своего возраста. На вид ей было сорок лет, а может всего лишь 20

— У нас же здесь такое происшествие, — Байрон указал на Брома, — Почему его нет?

— Ну видимо не совсем и происшествие,

А лишь святое шествие

По моему пути,

Что вам не превзойти.

Не трудно было понять, кто именно влез в разговор.

— Вот, Агния, согласишься же и ты, что его выходки ни в какие ворота уже не лезут, живая оплошность, а не человек.

— Ты в какой огород сейчас камень закинул, в Говарда аль Данте, тебя уж поймешь?! Боже ж ты мой, тьфу на тебя. Совсем уже окаянили.

Женщина начала разговор спокойно с надутой деловитостью, потом замаялась, а после уж и вовсе начала махать руками и выдвирать Байрона непонятно куда.

— Понятно все с вами. Так. Зачем же я выходил? А, вот. Агния, наш новый друг — Бром. Ни в коем случае его не трогай, усекла?! Ни одежды, ничего, а то на месте коньки отбросишь!

Байрон начал изображать руками, как именно «отбрасывают коньки», отчего ей стало совсем жутко, и она сжала руки на сердце. Видимо, у нашего хромого были выработаны методы общения с сотрудами.

Со вздохами и выдохами осмотрев нового подопечного, Агния сплюнула в сторону, махнула рукой с многозначительным «Ой» на выдохе и вернулась на свое рабочее место. Ее стол ничем особенным не отличался. Бумаги, офисное растение, огромная стопка газет и фотография в миниатюрной рамке.

— Ничего особого ты, к сожалению здесь не увидел, бездари бездарями. А я с ними в одной тарелке, как так произошло?

Неожиданно для себя Байрон сказал последнюю фразу слишком трогательно, от чего он сам невольно прослезился.

Бром отключился еще в самом начале с непривычки от такого несоизмеримого потока событий. Мозги кипели, а сердце сворачивалось в трубочку.

— Слушай, давай-ка ты приляжешь, выглядишь не очень. Не то, чтобы я сильно волновался, но, если ты грохнешься, мы тебя не поднимем.

В ответ на замечание хромого начальника Дьявол развернулся и ушел в свою спальную комнату, где в последствие упал на пол, погрузившись в сон.

..

Не прошло и часа, как в комнату снова вошел Байрон, Бром уже не спал, а таращился в потолок, наконец, усевшись на мягкую постель вместо привычного жесткого пола. Хромоногий начальник держал в руках ножницы и шампунь с полотенцем.

— Да, еще одну вещь надо с тобой обсудить, не обессудь, но от твоего недолгого присутствия уже появились существенные проблемы. Ах, ты ж не поймешь намеков, короче, ты воняешь, причем невообразимым для меня многообразием мерзостей. Первая дверь слева, сходи, помойся, и лохмотья свои с башки состриги, а то ими только пол мыть. Удачи.

Байрон растворился в воздухе, оставив себя без сомнительного удовольствия в присутствии в этой комнате. Бром не спеша поднялся и неуверенными шагами поплелся в указанное помещение, прихватив с собой непонятные предметы.

Это была обычная душевая, с кабинками, большой ванной в отдельном отсеке и кучей самых различных гелей и лосьонов. Посреди этого стояло одинокое ведро, которое предназначалось для волос Дьявола. Рядом Дьявол сложил вещицы, данные Байроном.

Бром встал в душ и повернул случайный вентиль. На него обрушился мощный поток кипятка, но он оставался под обжигающими струями. Пока его кожа краснела и покрывалась волдырями, его сознание растворилось в потоке текущих мыслей.

«Это чувство, оно такое странное, так не похоже на то, что я испытывал в переулке. Меня жгли один раз, но тогда я ничего не почувствовал, эта резкая боль и бешенное тепло проходящее по телу, будто я сейчас изменяю, превращусь во что-то новое, что-то прекрасное и правильное, я хочу удержать его в себе, пусть он заменит вечный холод, сковывающий мою жизнь, пусть он...»

Кто-то дернул Брома в сторону, и он упал на мокрый кафель. Перед ним стоял Байрон с деревянной тростью, которую он, видимо, и использовал при этом рискованным рывке.

— Так и знал, что нельзя оставлять тебя одного. Ты б хотя бы разделся, дикарь. Отойди от душа и не прикасайся к вентилям, таких процедур тебе достаточно. Постригись хотя б, раз даже помыться не можешь.

Проговорив все потерянному Бром, он болезненно вздохнул и исчез. Дьявол поднялся с пола, уверенно поднял (на этот раз знакомые ему) ножницы и уселся на табуретку, рассматривая себя в зеркале. Ожоги потихоньку исчезали, оставляя за собой бледную, как снег, кожу. Мысли вновь грубо и неожиданно вторглись в его голову.

«Что я? Зачем в этом мире магия? Какой смысл в моем даре, если он дан не случайно? Кто получает выгоду от моих мучений? Кто глядит сбоку, из-за спины, сверху, ликует и радуется, пуская слюну на мою боль. Не уж то есть в мире существо настолько злобное? Не уж то есть кто-то, кому я столь ненавистен? Кому так не нравится это бледное, запуганное лицо, без намека на счастье? Кто виноват? Я? Кто?»

На удивление, в этот раз размышления ему не помешали, теперь его волосы просто торчали на худощавой голове, а не висели до пояса. Он захотел что-то сделать, но этого «что-то» в его жизни не было ни сейчас, никогда либо ранее.

..

Был уже вечер, Бром давно закончил со своими делами и решил присесть на табуретку неподалеку от Данте. Все участники утреннего балагана были погружены в работу за исключением вечно пропадающего Говарда.

— Опять ты о своих притчах, бога нет, смирись.

— Да, Байрон ты довольно глуп

Как жаль, что светочи наук,

Хоть вам в начале и светили,

Но светоч веры потушили.

— Я тебя прошу: просто заткнись. Если бы не тот факт, что ты постоянно несешь бред, возможно, меня бы не так сильно, раздражала твоя отсталая манера речи.

Хоть это и был первый рабочий день Брома, перепалка эта была далеко не первая и даже не десятая за несколько часов его службы. Данте, раскинувшись на стуле, вальяжно вел разговор, а Байрон, огрызаясь, перебирал бумажки, иногда запутываясь из-за разговора. От этого он делал ошибки, бил по столу и начинал орать, что есть мочи на своего разговорчивого напарника.

— Хоть ты ругаться и умеешь,

Но правды ты не вразумеешь.

Ну что ж, раз ты не веришь мне,

Проверим Бога на тебе.

Представим кто-то не нарочно

Уронит что-то на тебя.

Ты полежишь вот здесь немножко,

А мы потом вернем тебя.

— Я...Черт...Я...Я СЕЙЧАС ПРАВИЛЬНО ПОНЯЛ, ТЫ, МОЙ НАПАРНИК, ХОЧЕ УБИТЬ МЕНЯ. ТЫ СОВСЕМ ОПОЛОУМЕЛ?! Я В ГРОБУ ВИДАЛ ТВОЮ ВЕРУ, Я Т СЕЙЧАС НА МЕСТЕ РАЗДАВЛЮ, ПАДАЛЬ НЕДОНОШЕННАЯ, ...

Дальше пошли совершенно новые для Брома ругательства, которые вам совершенно не следует слышать. Он взглянул на своего верующего наставника, тот с легким испугом громогласно смеялся.

Лишь мгновение сдавленного воздуха и плохого предчувствие обогнали вспышку.

Это был взрыв. От здания остались камни, а от магов растрепанная одежда и кровавые ошметки. Бессмертный Бром стоял посреди всего этого хаоса и никак не мог найти причину происходящего.

— АХАХАХА! АХАХАХА! Пух, АХАХАХА!

В нескольких десятках метров от одинокого выжившего доносились дикие насмешки.

— Бум, хаха, мы, наконец, нашли вашу «крайне секретную базу», не думал, что

получится так удачно снести всех разом. Ого, так ты выжил, это... это так весело. Знаешь, может ты поймешь меня, будучи моралистом, никогда не почувствуешь настоящей радости! Радость, она бывает только от убийства. Животная ярость, удовольствие от победы, единственная вещь, которую можно называть настоящим счастьем! Ахаха!

Дьявол двинулся в его сторону.

— АХАХАХА! Я пытаюсь поговорить, а ты приближаешься. Знаешь, закидывая порыве страсти руки и яростно смеясь... Хихихы. Я... Мне хочется все рассказать. Я неуязвим, понимаешь, я... Ахаха. Я вижу будущее, следующие 5 секунд, все твои попытки будут тщетны, я предугадаю все.

Бром продолжал приближаться.

— А что будешь делать ты? Хм... Коснешься пальцем и все? Ты коснешься меня и будешь стоять, как вкопанный, как будто мир застынет на месте, погоди...

Он упал замертво.

..

Наш герой не рассуждал о гуманности планируемого, пока приближался к нему. Вряд ли его разум обуял гнев, он просто знал, что так надо сделать.

Он не спеша переминался по кровавой пыли, разглядывая бетонные обломки. В его взгляд даже не попал рассуждающий подрывник. Злодей выглядел, как обычный парень, возможно, он был студентом или даже школьником. Русые волосы, карие глаза, неброская одежда — ничего необычного кроме бешеного взгляда. В его сузившихся зрачках плясало безумие и проглядывалось отчаяние. Глаза, повидавшие горе и радость, пролившие литры слез, глуповато тырились в багровеющее небо. Руки, что недавно изливали счастьем своими бессмысленными подергиваниями, нелепо распластались по земле. Да. Чтобы не сулила справедливость, а смерть — это ужасно.

Единственным логическим решением для Брома осталось воскрешение товарищей. По сути, он просто касался одного куска мяса и ждал, пока человек «склеится». Зрелище было отвратительное для рядового обитателя, но для нашего героя это было далеко не в новинку, что было неудивительно

— АААА! ...О...Я жив. Вторая смерть за день — это определенно рекорд. Ну как Байрон, увидел Бога.

— Тебе надо было всего лишь умереть, чтобы ты перестал говорить стихами? Я бы уже давно это сделал.

Маги начали очередную перепалку. Молчаливый Бром приблизился к трупам подрывника, и он совсем не заметил... Что ничего, что могло вызвать взрыв у него не было.

..

Не ручаюсь за вашу недалекость, но вы, наверняка, так и не догадались, кто же рассказчик этой истории. Я бы попытался сохранить тайну, но это вряд ли приведет к чему-то хорошему. Мое имя Джордж Гордон Байрон. Не трудно догадаться, что я являюсь участником всех описанных событий.

Если бы вы относились к моему рассказу не, как к старческому бреду, для вас бы не составило труда додуматься, что моя история звучит, скорее, как детская сказка, чем реальная история. Безопасность, в первую очередь, — это отсутствие риска. Парадоксально сильные маги не выгодны ни одной из сторон, а устраивать баталии между группами опасных магов — не лучший вариант обезопасить граждан. Собственно, и назначение Лиги и штабов совсем иное, чем я вам представил это ранее. В этом постановочном

противостоянии вычисляются и ликвидируются маги высокого уровня силы. Об этом знают единицы, я, как вы поняли, один из них. Бром, я — мы особенно опасные маги, но я охотник, а он жертва. Александр Черный, тот самый подрывник, в этой иерархии был такой же жертвой. Он не соврал со своей силой, но он мог, в теории, видеть будущее, которое он увидит в будущем, а это... Опасно. Я, то есть Байрон, в данный момент ищет способы убийства Брома и извлекает из его способности максимальную выгоду для своей черной деятельности. Моя задача — убить его.

Не смотря на крах штаба, его состав вел себя довольно спокойно. Наемные рабочие передвигали на навороченных кранах блоки нового бетона, складывая очередную коробку. Теперь Бром понял, почему штаб выглядел настолько пусто, видимо, он не раз подвергался разрушению.

Пока Данте и Байрон разбирались с обустройством нового здания, Агния, прихватив с собой нашего героя, собирала грибы и ягоды в близлежащем лесу. Бром с диким удивлением крался меж деревьев, боясь прикоснуться к шершавым сосновым стволам. Звери, кишачие там и тут, разбежались в сторону от него, чувствуя беду на уровне инстинкта. Несколько дней ранее как раз шел дождь, так что по всему лесу то и дело раздавались возгласы: «Ох ты, какой красавчик!»

Выйдя из леса с полной корзиной белых грибов, они наткнулись на ручеек, мирно текущий меж густых кустов и вековых деревьев.

— Запыхалась что-то я, дай-ка присяду, что ль.

Агния уселась на поваленный ствол, усеянный трутовиками, Бром же разлегся на камне у противоположного берега.

Она заговорила, тихо, почти шепотом. Ее слова разносились вместе с журчанием ручейка, перекликаясь с возгласами неумолкающей природы.

— Живехоньки батька с мамкой то у тебя, а?

— Нет.

— Жалко. А бабка с дедом?

— ...

— Не хорошо усе это. Всякому человек нужен своей кровушки, а то как на свете без семьи?

— ...

— Поищи их хоть. Не наречешься. Знамо, сидишь, бывало, думы всякие грешные в голову лезут: что тетя, что мамка — все одно, а любишь токо мамку. А от чего? Дети ладно, кровинушка родимая, а другие на что? Зря я с тобой о таких вещах разговариваю, токо на рану соль сыплю. Да... А знаешь, Бром, ты ж меня не спросил о магии. Дай хоть скажу, раз делать нечего. Родилась тысячу лет назад девка противная, а с даром — усе, что накопилось в ее дурной голове за годы, дочке в наследство, а как, черт его знает. И вот эти знания тыщи лет до меня перлись и наперлись. Я от того порой странно и говорю, что уж тут — сердцем тянет, слов много знаю.

Вода перестала хаотично колебаться и понеслась привычным темпом, сопровождаясь тишиной. Минута молчания перетекла в новую, пока слезы не запрыгали на морщинистых щеках Агнии.

— Бром, почуял ты верно, что что-то с ну не так с нами, что-то да не так. Кто для нас эту чепуху выдумал, не Боже, точно не он. Ему-то мы чего плохого сделали, да кому мы сделали то его с тобой? Уж силу нет терпеть.

— ...

— Доча была у меня, милая, сущий ангел, а может это лишь мне так казалось. На руках моих, на молоке моем выросла. По хате поможет, поговорим — порадуемся, поссоримся — поплачем, все складно и дружно. Да что ж я, держать ее что ль буду? Монстр я какой, что

ль? Решила я на нее эту силу не вешать, пускай, думаю, в счастье поживет. Пустила ее на волю, из-под крыла, так сказать. А поезд с рельс сошел...

Воздух будто засох от последних слов, а вода стала лишь водой, холодной и мокрой. Агния взглянула в эту прозрачную безжизненную гладь и зарылась лицом в коленях.

— За что оно нам, Бром?

Он не знал, не знал: узнает ли. Женщина на противоположном берегу, хранила в себе тысячелетние знания и не знала. Никто не знал.

— Пойдем. Засиделись мы что-то, уморила я тебя.

Агния молча встала и пошла в глубь замолчавшего леса. Через час они уже приближались к выходу из соснового бора. Петля меж полян, Бром заметил одинокую липу, благосклонно склоняющую свои зеленеющие ветви. У ее крон стоял камень с какой-то надписью. Бром мог прочитать ее, но он лишь безразлично повернулся и пошел дальше.

Там было написано Рая Барто.

Вечером грибники добрались до штаба, сопровождаемые той же неудобной тишиной. На удивление Брома все было уже построено. Агния попрощался с коллегами и отправилась домой, а Бром лег в новую, ничем не отличающуюся от прошлой спальню. Свет погас в магическом городке, и штаб окунулся в темноту. В непроходимой черноте, окутавшей мир, раздавался больной, ублюдский, сумасшедший смех. Он был чуть хрипловат, чуть сиповат и невероятно зол, бешен, мерзок, подл. Эхо тошнотворными волнами отскакивали от ледяных бетонных стен. Смеялся Бром...

..

Очередной день близился к вечеру. Говард с Агнией выполняли какое-то срочное поручение, пока Байрон с Бромом сидели в подземной библиотеке. По недавнему взрыву не трудно было догадаться причину такого расположения. После усердных рабочих дней (или как выразился он сам: «После мук и страшной боли, я хочу скорей на волю») Данте взял отпуск, отправившись в какой-то невероятно далекий храм на 3 дня.

Возвращаясь к библиотеке, хотелось хоть слегка затронуть это помещение. Она представляла собой огромный свод всевозможных произведений: от Библии до «Сборника матерных слов», в который в перерывах то и дело заглядывал Байрон, представляя, как он будет их использовать при разговоре со своим набожным напарником. Не учитывая этот факт, хромой учитель Брома, действительно был полностью занят чтением. Перелистывая уже десятую по счету книгу, он с раздражением захлопывал ее и, прихрамывая, шел за новой. Возможно, именно из-за Байрона бесчисленное количество полок практически не покрылись пылью.

Бром как всегда тупо пялился в стену. Прямо перед ним лежала волнующая его книга, но он не решался ее открыть, да и ее название он разбирал около часа, чего стоило ожидать от его чтения?

Отвлекаясь от своих изысканий, связанных с большим количеством книг, томящихся на пыльных полках, Байрон нервно поглядывал в сторону своего несообразительного друга.

— Ты что-то хотел прочитать?

— Нет.

— Да... А что это за книга перед тобой?

— Ма... Гия... Для... Продвинутых.

— Ужас, так что, тебя в ней что-то интересует?

— Продвинутых. Магия. Измена?

— Можно ли изменить магию?

— Да.

— 5 слов в лексиконе вместо 2, Бром, ты, как я посмотрю, эволюционируешь. Кхм, неважно. Если я правильно понял, ты в чтении не блещешь, что ж — могу помочь. Основа продвинутой магии заключается в довольно примитивной вещи — лазейке. То есть почти большинство магии имеет лазейку. Опишу, как это появилось.

Древний маг Гомер, живший несколько тысяч лет назад, занимался поиском ответов по магическим вопросам. Он мог перемещаться в любое место, которое он видел, соответственно он не мог подниматься вверх или передвигаться в темноте на большие расстояния. Как-то раз, обыскивая древнее захоронение, Гомер со своим учеником наткнулись на останки еще более древнего мага. Ученик хотел забрать оторвавшуюся руку мертвеца с собой, но, прикоснувшись к ней, превратился в золото и замер навеки.

Как ни странно, из этого трагического происшествия Гомер вывел два новых магических понятия

Во-первых, части тела проецировали способность хозяина, воспроизводя ее непрерывно.

Во-вторых, путем ухищрений, можно было усовершенствовать свою магию.

Гомер после долгих приготовлений вытащил свой глаз. Вставив его в трубу, наделенную большим количеством линз, он создал что-то наподобие ракеты, способной с огромной скоростью в любое время суток двигаться в любом направлении.

Так и была открыта лазейка — усовершенствование способности путем каких-то воздействий на ее условия и возможности. Анализ и воображение — главные факторы, сопутствующие нахождению лазейку. Хотя ее и тяжело обнаружить, еще труднее воплотить ее в жизнь, некоторые маги тратят на это годы, а другие так и умирают, не достигнув прогресса.

Спустя несколько лет Гомер исчез, некоторые полагают, что он улетел в космос и умер, сгорев в стратосфере, а другие же — что он заблудился, двигаясь на бешеные дистанции. Тем не менее, он является основоположником...

— Ты... Лазейка?

Байрон замолчал, с грустью посмотрел на свой костыль и, немного поразмыслив, с улыбкой произнес.

— Разве, что от Данте прячусь да от дождя, какая уж там лазейка. Ты, я думаю, тоже чего сносного в своей магии не найдешь.

— Тело... Люди... Почему?

— О, ты хоть и туповат, но сегодня у тебя котелок варит. Ученые не используют части наши тел, чтобы не породить конфронтацию с нашими соплеменниками, это устоявшийся закон, принятый после Гомерских времен.

— А...

— Это не важно, — Байрон с удовлетворенной улыбкой посмотрел на свои часы, — Время близится к ночи, сегодня ты работаешь с Говардом.

— Утро?

— Нет, этот балбес здесь сидит только ночью, познакомься хоть с ним.

Он громко захлопнул многотомное издание и, поставив его на полку, растворился. Бром сомнительно посмотрел на пол.

— Магия. Польза?

Потаращившись в пустоту, он, наконец, покинул библиотеку.

..

Как ни странно, Байрон успел покинуть Штаб, и Бром в первый раз остался в полном одиночестве. Ожидая своего неизвестного товарища, он измерил в шагах длину стены, столов, стульев, дверей, окон, корпусов, трещин, блоков, кроватей, теней.

Глубокой ночью появился Говард. У него была одновременно пугающая и успокаивающая внешность. Его левая рука отсутствовала, сутулое тело согревалось черной кофтой неизвестного бренда, а на ногах были обычные коричневые брюки и поношенные ботинки. С его головы свисали густые черные волосы, оставляющие на макушке плешь. Его глаза были мертвенно спокойные, без капли сомнения или ужаса, но в то же время без намека на доброту или жизнерадостность. О его странном образе жизни свидетельствовали объемные мешки под глазами и щетина, также уныло застилающая его подбородок.

Он входил в здание медленно, очень медленно, его движения были естественными, но настолько ленивыми, что казалось, будто он может и не дойти до своего стола. Хотя он действительно физически не мог это сделать. Вместо рабочего места, описание которого заняло бы несколько строк рассказа, в углу стояла одинокая деревянная табуретка.

Он сел.

Следующие несколько часов прошли без изменений: Бром смотрел в пол, расхаживая вдоль стен, а Говард таращился в тот же пол, перебирая в руках упаковкой зубочисток.

Луна с недоумением рассматривала две безжизненные фигуры сквозь окно, переливаясь мертвенно-бледными красками. Все вокруг утихло, оставив место лишь мерным шагам Брома.

Бром думал: «Я убиваю. Я воскрешаю. В чем лазейка? Мою руку или глаз нельзя вырвать, моя сила не поддается исчислению. В чем ее условия — прикосновение, в чем ее способности — смерть. Возможно, я не правильно понимаю, один из этих пунктов. Почему одежда не препятствует смерти? Почему я бессмертен? Почему, прикасаясь к себе, я не умираю? Может дело не в смерти, а в чем-то другом. Может все намного проще или наоборот сложнее, может...»

Говард, наконец, на него посмотрел, Бром же не изменял своего маршрута движений. Первый тихонько вынул зубочистку и разломал ее на 2 части.

Наступила гробовая тишина, Дьявол собирался сделать очередной шаг, а сутулый молчун перебирал в ладони половинки острых деревяшек.

В мгновение ока он выпустил одну из них в голову Брома легким движением пальцев. Она прошла насквозь, элегантно просверлив череп и стену за Бромом. Урон и скорость были настолько огромными, что он даже не понял, что произошло и происходило ли что-то в принципе.

Говард усмехнулся и всадил вторую половинку себе в лоб.

..

Луна не перестала светить, и деревья все также нервно перешептывались между друг другом. Ничего не изменилось, все осталось таким же спокойным и беззвучным. Ничего не изменилось кроме Говарда.

Он лежал мертвый, из его черепа обильно вытекала алая кровь, окрасившая бледно-серый пол яростными оттенками. Его ноги остались на табурете, а остальное тело распласталось на бетоне. Его безжизненная исхудалая рука напоминала крыло падшего с отвесных скал ангела.

Он определенно не дышал, Бром это понял, даже не приближаясь к однорукому.

«Стоит ли?» — единственное, что пришло ему в голову. Мало эрудированный Бром все-таки знал о понятии «суицид», как говорилось ранее, он сам пробовал различные его вариации. У него был обширный опыт. Когда Бром, листая учебник по биологии в течение месяца, узнал о нервных окончаниях и, что их можно уничтожить, он решил попробовать убрать тем самым боль. Бром резал себя, вешался, сжигал, бил током, просто вбивал гвозди в череп, руку, шею.

Не помогало — клетки регенерировались.

Отложив воспоминания, Бром продолжил расследование по делу смерти.

— Пистолет? Нож? Виселица? Записка? Слово? Нет. Суицид? Нет.

Он облегченно коснулся ноги Говарда, сложив все факты воедино, и отошел на свою прежнюю позицию. Суицидник поднялся и сел на табуретку. Вместе с жизнью к нему вернулась и левая рука. Одно лишь слово прозвучало в полуночной тишине, и больше беседа не возобновлялась.

— Спасибо.

Первые лучи солнца выглянули из-за горизонта, вышныривая темноту из суетливого дневного мира.

Говард уставился в глаза своего спасителя, его зрачки были хладнокровно безумные, печально радостные, небрежно решительные — ничего нельзя было понять в этих темных глазах. С непонятной интонацией, с неизвестным акцентом, неопределимым тембром эти глазами ничего не спрашивали, ни о чем не кричали, не было в них ни огня, ни холода. Они говорили: «Прощай».

Говард исчез.

..

Здесь солнце беспощадно сверлило раскаленный песок. Посреди пустыни в десятке шагах друг от друга стояли две суровые фигуры.

Неказистый сутулый мужчина в домашней одежде с холодным спокойствием глядящий на оппонента, и взволнованный маг, одетый в пальто и серые брюки, придерживающий свою жесткую трость.

— Что все это значит, Говард?

Последний решил проигнорировать его вопрос, рассматривая золотистые дали. Он прекрасно понимал причину их встречи. Байрон, почувствовав, запредельную опасность от своего подчиненного, переместил его в отдаленное место, чтобы покончить с неожиданной выскочкой.

— Мне повторить?!

— Я знаю, Байрон. Знаю о тебе, селекторах, знаю даже то, чего не знаешь ты и никогда не узнаешь.

— К примеру?

Говард приложил пальцы к подбородку, будто, действительно, перебирая неисчислимые кладези информации.

— Ты умрешь. Ты думаешь, что нет, но это так. Ты умрешь.

— К делу.

— Я собираюсь покончить с вашей убогой игрой. Сейчас никто и ничто меня не одолеет.

Байрон заметно испугался, но продолжил разговор, вытерев пот со лба.

— Ха, хаха. Действительно? Ну, давай, продемонстрируй свою силу, ще...

Не дав противнику договорить, Говард уже в миллиметре от лица Байрон заносил кулак для удара. Рука стремительно пронеслась, сметая все на своем пути, ударная волна заметно изменила волнистый рельеф песка, оставив кратер.

Байрон находился в десятке метров за спиной Говарда, похлопывая в ладоши.

— А ты быстрый. Приблизительно 6 махов (7421 км/ч). Жаль, что ты не проявил того же рвения на заданиях, было бы больше пользы, а теперь твоя судьба — это сгнить в этом забытом богом месте.

— Ты надеешься меня убить?

Говард до сих пор, несмотря на свои действия, не проявлял агрессии ни в своем странном взгляде, ни в речи.

— Я бы с радостью, но ты слишком сильный. Для этого ведь и нужны друзья, я прав?

Рядом с хромым появился другой человек. Он был высокого роста с короткими кудрявыми волосами и уверенным лицемерным взглядом. Его глаза были кошмарно черные, большие зрачки в слегка суженных глазах вызывали страх, смятение, желание сдаться, убежать — настолько ужасна была его аура. Он всем своим видом показывал, что все вокруг лишь пыль по сравнению с ним.

На нем была расстегнутая клетчатая рубаша и бежевые шорты с потертыми надписями. Его руки были обвязаны нитями. От самого плеча до кончиков пальцев обычные черные нитки сдавливали и без того худые руки, не оставляя ни единого свободного места на его бледной коже. Из-за этого его буквально бескровные руки нелепо, но до сих пор устрашающе, болтались по низу.

Он пристально разглядывал Говарда, диагностируя разницу в их силе.

— Странно, я ничего о тебе не знаю.

— Меня зовут Гегель. Не мог бы ты просто сдаться, не тратя мое драгоценное время на этот сумасбродный бред.

— Так что, начнем без прелюдий? Если честно, у вас нету шансов, мне безразлично: умрете вы сейчас или подождете еще часик.

— Хорошо.

Гегель медленной походкой подошел к Говарду, затягивая торчавшие из пальцев нити.

— Бей.

Не прошло и мгновенья, как оглушительный взрыв мощи разнесся по пустыни. Молниеносная атака разверзла воздух, сопровождаясь искрами, которые впрочем, никто за долю секунды и не заметил.

Гегель не дрогнул.

— Теперь я.

С ядовитой ухмылкой на лице он отвесил необычайно могущественному магу щелбан, воспроизводимый мизинцем. Огненной полосой тело Говарда с необычайной скоростью устремилось вдаль пустыни, оставляя за собой колоссальные кратеры от скачков по безжалостному песку. От такого напала, в пустыни стало гораздо жарче, а песок начал плавиться, превращаясь в стекло. Говард приземлился на босые ноги и тут же с бешеным смехом устремился к врагу.

Небо покрылось огнем. Бесчисленное количество ударов все росло и росло. Пока Говард, сопровождаемый дикой улыбкой, наносил серии разрушительных ударов, Гегель, фактически сторающий заживо, отвечивал щелбаны и толчки с пинками. Воздух перестал

существовать, из-за такого количества взрывов они сражались почти в вакууме.

— Получай, сука!

Говард выждал момент, когда Гегель начнет свой коронный удар в виде щелчка пальцем и, подпрыгнув на несколько метров, обрушился руками на и без того поврежденную поверхность. Пустыня не выдержала. На месте золотой дюны образовалась огромная трещина, ведущая в мантию Земли. Ничего не подозревающий надменный друг Байрона свалился в пучину лавы.

— Фух! А он ничего. Остался только Байр...

В тот же момент из-под земли нанес апперкот Гегель. словно пуля, ошеломленное тело недавно ликующего Говарда понеслось вверх. Гегель бил, бил и смеялся, отправляя Говарда в очередной полет. Продвигаясь по безграничному небу, они приблизились к стратосфере. Гегель поймал жертву за голову и произнес последнее, что он мог услышать.

— Ты проиграл, потому что не знаешь, что такое сила. Твоя сила — это твоя слабость. А моя слабость —...

Они приблизились к космосу.

— ...—моя сила

Нежно планируя в невесомости, огибая отблески звезд, они летели, будто в ритме вальса, оставляя грациозный кровавый след. Дико страдая, Говард пытался дергать ногами, но все его попытки были тщетны. Гегель в последний раз взглянул в глаза своего противника. В них не осталось прежнего спокойствия или бешенства, только холодный безжизненный страх. Взгляд победителя устремился в эти отчаявшиеся зрачки, зрачки того, кто действительно решил, что он сильнее Гегеля. Никто не слышал и никогда не услышит этот злорадный смех, поглощенный пустотой вселенной. Аккуратным нажатием на виски он раздробил ему череп.

Спустя секунду, победитель вместе с трупом проигравшего вновь стояли в недавно спокойной пустыне. Земля и воздух, наконец, успокоились, лишь лава и кратеры напоминали о недавнем столкновении. Посреди этого беспорядочного хаоса, на фоне размеренных дюн, стоял Байрон.

— Ты узнал о его способностях, пока меня не было?

— Да, я зря его недооценивал.

— Неужто? Меня он не сильно впечатлил.

— Он значительно усиливал сломанные предметы, находившиеся у него в руках. Больше времени — больше силы. В попытках сделать себя тоже сломанным, он отрезал себе руку, но успехом это не увенчалось. Последним шансом осуществления лазейки была лишь смерть. Если сломать карандаш, а потом склеить, он останется сломанным, просто слой клея будет удерживать половинки вместе. Видимо, способность Брома послужила неким «духовным клеем» в его случае. Получается, что каждую секунду он усиливал себя в количестве, равное числу клеток в его организме.

— Как он о нас узнал?

— Это неизвестно. Он просто знал, и все, я понятия не имею: откуда у него информация.

— Я же правильно понимаю, уничтожив тело, мы не покончили с его силой окончательно.

— Подождем неделю, душа должна исчезнуть к этому моменту.

— Хорошо, Байрон.

Некоторое время они стояли молча, рассматривая бескрайний горизонт.

— Зачем ты меня позвал?

— В смысле?

— Ты бы и сам спокойно справился, Байрон, я не понимаю, к чему это. Я считаю тебя другом, без шуток, но твое поведение в последнее время пугает, постарайся больше не тревожить меня попусту, прощай.

Они исчезли, оставив ошеломительный хаос и один жалкий безголовый труп. Над раскромсанным кровавым месивом, валяющимся на песке что-то нарастало.

..

Да. Гегель не был сильнее Байрона, он проиграл бы и ему и Брону и даже Данте. Он не был всемогущ или влиятелен. Гонимый вечным страхом он прятался в горах, каждое утро, перевязывая руки, а вечеров делая кровопускание на этих же руках, меньше всего он думал, что он лучше всех. Он постоянно трясся и мечтал, что когда-нибудь станет сильнее. Все, чего он желал в жизни — это наступления этого «когда-то». Вся его жизнь делилась на мечты о силе и страхи из-за слабости.

Его способность называлась «Силу слабым». Ее трудно объяснить языком не математическим. Вступая в схватку с любым противником, он приравнивал их силы, домножив силу на нужное число, а после снова умножал на это число. Проще говоря, большая разница между силами сторон означала гарантированную победу Гегеля. Он делал все, все, что можно, дабы воплотить лазейку в жизнь. Разбираясь в «магической математикой», которая используется только для объяснения лазеек и других магических аспектов, любое число, делимое на ноль давало бесконечность, так как 6 делить на 2 равно 3 значит, что 6 это сумма 3 двоек. Соответственно, сколько нулей в условном числе 10? Бесконечность. Именно к этому и стремился Гегель. При встрече с абсолютно любым соперником, он хотел быть непобедимым, не чувствовать пресловутого страха, не ощущать горечь поражения. Гегель был чрезвычайно силен, но он был катастрофически слаб.

Прошла неделя.

В штабе сидели все члены магической организации. Агния копалась в бумагах, охая от огромной стопки неотсортированных документов, стоящей на краю стола. Данте вдохновенно читал Брону Библию, положив ноги на опустевший стол. Его молчаливый слушатель, в свою очередь, каждый раз останавливал чтение, требуя разъяснения непонятных ему церковных слов.

Байрон же, в свою очередь, бился головой об стол. Его лоб уже покрылся красным, а глаза устало захлопнулись. Уже 2 часа глухими ударами и иногда яростными стуками начальник магического штаба «Собака» думал о проблемах, свалившихся на его бедные плечи.

Изначально, больше всего он боялся расспросов Брома, но выдумки о самоубийстве хватило сполна. На этом все осложнения должны были закончиться, но шквал проблем только вырос. Душа Говарда отделившаяся от его тела, должна была находиться в пустыне чуть менее, чем неделю, после этого она бы беспрепятственно исчезла, но душа приобрела настолько колоссальную силу из-за постоянного увеличения, что даже астральные законы на нее больше не действовали. Невообразимая сила не могла напрямую влиять на кого-либо, да она и не обладала никаким разумом, но ее аура разрушала окружающую ее пространство. С учетом того, что эта мощь росла в геометрической прогрессии, через месяц она могла уничтожить всю пустыню, а вскоре и Землю.

Это не то, что было посылно Байрону и его знакомым, он лично запустил бомбу замедленного действия, угрожающую мирозданию.

Он слишком сильно стукнулся об стол, и на мебель разлилась его кровь.

— Гениально.

Придерживая платок у кровоточащего носа, он встал и вышел из суетливого штаба. До вечера он больше не возвращался.

..

В бетонном здании, полюбившемся Бруклинскому Дьяволу, снимал свою одежду запыхавшийся Бром.

За неделю он, довольно, успешно обучился повседневной жизни. Он начал спать под одеялом, раздеваться перед сном, чистить зубы, мыться под теплой водой, он постригся, помылся, срезал черные уродливые ногти, и почистил их от грязи. В ежедневной беседе с Данте он, незаметно для себя, но улучшил как навыки общения, так и чтения. Он заметно похорошел, теперь его пепельные кудри не свисали, как половая тряпка, а аккуратно спадали на плечи. Он узнал о туалете, пище, ванне, стирке, питье, узнал о спокойствие, тепле, покое и уюте.

Он не стал человеком и близко не приблизился к этому званию. Просто Бром поднялся с уровня “малолетний” до ранга ”подросток”. Сейчас он разбирался с самым непонятным для него объектом — телефоном. Он пытался зазубрить последовательность нажатий для звонка Байрону, но каждый раз ошибался на иконке “Контакты”. Максимально сосредоточив свои отсталые извилины, он снова взял треклятый агрегат и начал воспроизводить заученное. Наконец-то, он попал в эту кнопку. Бром улыбнулся — эмоции были еще одним его драгоценным приобретением. Все, что ему оставалось — это найти слово “Байрон”.

Встав с кровати, Бром победоносно нажал на зеленый значок трубки.

— Алло, а это ты, Бром. Поздравляю, у тебя все-таки получилось. Ты не согласишься, но я как раз собирался тебе позвонить. Собирай свои вещи и жди меня у входа в штаб, возьми побольше, но только необходимое, усек?

— Да.

— Хорошо, я скоро буду.

В ушах разнеслись противные гудки, знаменовавшие конец столь долгожданного звонка. Бром вздохнул и, захватив с собой книгу, направился к назначенному месту, не забыв, естественно, одеться.

..

Байрон ждал его у автобуса, припаркованного у штаба. В одиноком желтом транспорте сидел лишь один усатый водитель в усатой кепке.

Хромой маг одел непривычные для него толстовку и джинсы, дополнительно нацепив на себя красный рюкзак. Его левая рука печально сидела в кармане, скучая по изящной трости. Из-за веса вещей и отсутствия любимого предмета Байрон хромал намного сильнее, иногда матерясь от спотыкания.

-** твою *****. Мы едем в кома... Твою ж, ты, наверное, и слова то такого не знаешь.

— Да.

— Короче говоря, командировка, люди куда-то едут, чтобы работать.

— Куда едем?

— Далеко. Пошли.

Оставшись без ответа, Бром последовал за Байроном и уселся на одно из кожаных сидений. В салоне включился свет, и автобус тронулся с примерзшей ночной земли. Разбрасываясь оранжевым светом, он направился по старой дороге в северном направлении.

Байрон держал в руках дорожный справочник и карту области. Прищуривая глаза, он высматривал ближайший аэропорт, в который и направлялась машина. Наконец, он бросил это занятие и посмотрел на увлеченного чем-то Брома. Тот читал единственную взятую с собой книгу. Хорошенько присмотревшись усталыми зрачками, Байрон распознал заинтересовавшее его глупого друга произведение.

— Ты читаешь Библию?

— Да.

— Дай гляну.

Бром аккуратно вставил закладку в виде черной ленточки и осторожно кинул книгу своему товарищу. Не раздумывая и секунды, Байрон выкинул Библию в окно, оставив священное чтиво в одной из грязных лесных канав.

— Еще одного святоши мне не хватало, дай хоть от того идиота отдохнуть.

— Как раз для случая такого

Ношу писанье про запас.

Я невзначай залез в автобус

И саму малость слышал вас.

Неожиданно появившийся из под незанятых сидений Данте кинул Бромю новую толстую книжечку с крестом на обложке.

— За что? ... Что я тебе сделал? Я всего несколько часов назад заказал транспорт, как ты вообще в него влез?!

Байрон закрыл лицо руками, будучи готовым заплакать. На удивление, его трогательные

вопросы восприняли за риторические, и каждый углубился в свои дела, игнорируя смену состава.

Пока Байрон с печалью рассматривал непроглядные дали, заслоняемые темнотой, Бром с Данте вновь погрузились в обсуждение столь ненавистной хромому магу книге.

— Ты знаешь всех потомков Ноя?

— Естественно, мой друг, что тут сложного: Иафет, Гомер, Магог, Мадай, Иаван, Фувал, Мешех, Фирас, Аксеназ, Рифат, Фогарма, Елиса, Фарсис, Киттим, Доданим, Хама, Хуш Мицраим, Фут, Ханаан, Сева, Хавила, Савта, Раама, Савтеха, Шева, Дедан, Нимрод, Ассур Ресен, Лудим, Анамим, Легавим, Нафтухим, Патрусим, Каслухин, Кафторим, Сидон, Хет Иевусей, Аморрей, Гергесей, Евей, Аркей, Синеи, Арвадей, Цемарей, Химафей, Елам, Ассур Арфаксад, Луд, Арам, Уц, Хул, Гефер, Май, Сала, Евер, Фалек, Иоктан, Алмодад, Шалеф, Хацармавеф, Иерах, Гадорам, Узал, Дикла, Овал, Авимаил, Шева, Офир, Хавил, Иовав...

Бром не успевал сравнивать сказанное с первоисточником, растерянно бегая глазами по слегка обветшалым страницам.

Автобус, пытаясь сероватыми выхлопными газами, переминал резиной по песчаной дороге. Лучи исходившего из него света обличали ночной мир, порой задевая вечно стрекочущих кузнечиков и ночных хищников, испуганно сверкающих глазами в ответ не прошеным огням.

Транспорт выбрался из лесной суматохи, приближаясь к далеким городским огням. На выходе из чащи над огромным оврагом воздвигались два кирпичных моста, пересекающих друг друга под углом в 80 градусов. В это место сходились многие дороги и тропки, как-то подозрительно маня путника к глубокой впадине. На пересечение мостов одиноко лился лунный свет, выделяя каменный крест, зияющий среди таинственных лесов.

Колеса осторожно вскарабкались на брусчатку строения и покатались над пропастью. За скрывающей что-то тьмой послышалось подозрительное гудение.

«Больно» — именно так думал Бром, когда в них втараился на огромной скорости грузовик. Прочный железный каркас иронично сжался, распадаясь на возмущенные куски печальной стали. Громоздкое пространство будто сомкнулось в одном кудрявом юноше, раздробивая его кости, протыкая кожу, внутренности, не оставляя ничего помимо кровавой каши. С обескураженно ошалевшим выражением лица Байрон исчез за мгновение до аварии, а Данте, уверенно глядящий в Библию, остался сидеть на месте, отвлеченно рассматривая железный град, чудесным образом огибающий его тело. Раскромсанный автобус, переминая самого себя и раскручивая пируэты в посыревшем воздухе, соскочил с моста и обрушился в молчаливую мглу.

Пережевав свой же салон, он, наконец, упал на землю, окропив ее своей черной кровью, готовой зажечь эту беспокойную ночь.

Вальяжной походкой из груды горящего железа, осматривая своих напарников, вышел Данте с той же уцелевшей Библией в руке. За ним вышел и еле шагающий окровавленный Бром. Байрон, подперев бока руками, разглядывал неутешительные итоги происшествия.

— Водителя уже не спасти. В огне его не воскресить и вытащить его не под силу ни мне, ни вам. Надо разобраться, что произошло.

— Нас сбили.

— Спасибо, Данте, а я и не понял. Твоя удача, как всегда не подвела, всю свою жизнь мечтал быть сбитым.

— Прости, но скуден твой сарказм.

Ты жив, и нет на теле ран,
Твой сердобольнейший обман
Не стоит торжества фанфар...

— Нашел время для порицания, сейчас главное — понять, кто стоит за аварией.

— Лига?

— Вряд ли, Бром, они хоть и любители неожиданных нападений, теракт не нацелен на наше убийство. Даже Данте выжил, что уж говорить о нас с тобой, с учетом того, что они все-таки осведомлены о нашей магии.

— То есть это совершенье,
Не для магов убиенья,
А для нашего смещенья
В лоно темного ущелья.

— Это значит, что кто-то ждет нас здесь, надо быть готовыми к засаде.

К сожалению, они не успели. Маги стояли посреди пологого каменистого оврага, освещаемого лишь сумасшедшим бензиновым пламенем. Фигуры в черном незаметно для обсуждающих планы накинули на их ничего не ожидающие шеи лассо и мгновенно их затянули, приблизившись к жертвам.

Байрон глуповато разглядывал свои ладони. Его магия не работала. На проволочных орудиях нападавших были установлены серые камни, слегка освещающие руки напавших.

— А. АААА! ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ, УРОД! СНИМИ СВОЮ ГРЕБАННУЮ ПЕТЛЮ!

Хромой маг с неистовым бешенством вцепился в железные нити, неистово крича на безразличные фигуры. Из его рта брызгала слюна, глаза непонятно когда успели покраснеть, а зрачки болезненно дергались во все стороны. Бром с недоумением оглядывался по сторонам, а Данте поднял руки вверх, показывая, что он сдается.

Один из напавших подошел в плотную к уже хрипящему Байрону и впечатал его вопящее лицо в землю, отчего налившиеся кровью глаза хромого мага закрылись.

..

И открылись лишь через несколько часов. Они сидели в какой-то тюрьме, скорее всего, это было не здание, а подземелье. Байрон, Бром и Данте абсолютно голые, одетые лишь в кандалы на ногах, сидели на холодном каменном полу, освещаемые лишь одинокой свечкой, торчавшей за решеткой. Пока только что очнувшийся Байрон пытался различить что-то в темноте, Данте играл с Бромом в кулачки. Последний получал непривычное удовольствие от контактных игр.

— В смысле?

— Проснулся, Байрон. Оковы запрещают магию, мы пользуемся моментом

— Где мы?

— Не знаю.

Бром отвернулся от избитого голого мага и вернулся к игре.

Байрон терялся в своих напрыгивающих друг на друга мыслях, одни идеи сжевывали других и разливались в лужу, а другие будто шило втыкались в голову, вызывая боль.

«Мои крылья» «Я беззащитен» «Почему ангел еще не прилетел» «Я могу убить Брома» «А вдруг я последний ангел» «Тут Данте» «Неужели я умру» «Почему Данте нас еще не вывел» «Крылья» «Он меня обманул» «Мне плохо» «Смерть» «Так» «Близко»

Последняя мысль сокрушающе опрокинула его голову, и он потерял сознание. Бром и

Данте продолжали играть. В блеклом свете можно было различить только торчавшие бледные ребра Брома и тревожный взгляд Данте.

— Он снова спит.

— Неудивительно, мой друг, его так сильно уже давно не избивали. Наше дело — ждать.

Давай попробуем новую игру.

Они перехватились руками и начали эпичный поединок большими пальцами.

Так прошло еще несколько часов безудержного веселья.

..

— ...именно так и появляются дети.

— Понятно.

В комнате ничего не поменялось, Байрон бездвижно валялся на полу, через решетку им принесли поесть. Ничего ужасного или хорошего: хлеб и молоко. Хромой маг очнулся и схватился за кусок буханки, ему было очень плохо, его глаза еще бешенее дергались, веки не могли подняться на должный уровень, а все лицо будто исхудало. Теперь ничего не втыкалось ему в мозг, ни рвало душу, он был мертв и мысли воронами пели над его костлявым разумом.

«Я умру» «Ангела нет» «Данте — лжец» «Бром выживет» «Миру конец» «Все ангелы да и после, все они так глупо и бессовестно умрут, вотрутся в эту уродскую грязь. Величественные создания будут затоптаны свиньями» «И такова моя судьба?»

Он упал на спину, сильно стукнувшись отяжелевшей башкой, и, распластавшись, ждал своей смерти. От страха все его мысли и стремления сдавились в один кровавый пузырь и лопнули. По истине, в темнице валялся живой труп.

— Он еще не готов, может, еще о чем-нибудь поговорим?

— Да, Данте.

— Позволь мне хорошенько поразмыслить над темой повествования. Хм, даже не знаю.

— Как вы познакомились с Байроном?

— Восхитительный вопрос мой друг, как я сам до него не додумался. Начнем с сущности моих способностей. У меня их нет. Абсолютно. Я попал в магические организации по божьему велению, и да я вижу, что ты заметил, именно несколько организаций. Первой, в которую я вступил, была Лига. Да не взирай ты на меня столь ошеломленно, за свою жизнь я еще, слава богу, никого не убил. Дело было довольно смехотворным: как-то раз, идя по переулку родного города (я родом из Бенедика) меня окружили члены вышеупомянутой организации. Естественно, в их планы не входила богословская беседа с каким-то юношей, они признались, что хотят меня убить. Молодой Данте не знал что делать, поэтому его окончательным решением было сесть на колени и молиться. Не магам, а Богу, Всевышнему. Узрев мою искреннюю молитву, аморальные убийцы и воры не только помиловали меня, но и привели к своему начальнику, который без всяких разборов принял 15-летнего юношу с короткой стрижкой и в рваных штанишках на темную службу. Да, да. Ты удивишься, но будучи ребенком, я уже успел стать чуть ли не профессиональным магом, при этом самой магией, собственно-то, и, не владея. К сожалению, я не столь слеп и понимаю свою силу: мне просто-напросто невероятно везет, загадай любое число. Четыре, не так ли. Я угадал, а почему, понять, довольно тяжело. Я объясняю все Божьим вмешательством, но сам надеюсь в обратное. Возвращаясь к Лиге, я почти ничего не делал, странным образом все кровавые обязательства преступного мира обходили меня стороной, я уже препонятнейше объяснил — почему. Как-то раз все-таки Псевдобог послал мне задание, в котором, видимо, он нуждался

категорически и неотвратимо и поэтому полагался на свою силу, заключенную во мне. Цель была одна — убить Байрона, ненавистного этим Богом. Мы встретились на заводе, он не был ни заброшен, ни занят трудом. Это был вечер, и тогда одному из нас было суждено увидеть алый закат в последний раз. Тогда Байрон ничем, особенно, от нынешнего не отличался: те же угрюмые брови, эта удивительная хромая походка, только не было в нем этой усталости, глаза горели, понимаешь, неистовым амбициозным пламенем, такого я еще в людях не видел, он был, словно ангел. Уверенно и грациозно, угрожающе и грозно, он сражался со мной. Он махал своим белым ножом, ловил отражения моего подбородка, но каждый раз промахивался. Я отступал назад, и, казалось бы, зашел в тупик. И он сказал: «Очень жаль». К его сожалению, балки с потолка уже летели на его голову, из-за моего везения они летели бесшумно и через секунду точно бы забрали его жизнь. Тогда, в тот безобразно удачный день, я подумал: «Я не хочу того, что хочет этот Бог». Я протянул руку этому ангелу и прижал к себе. Нож отошел в сторону, а груды металла не задели и волоса наших шевелюр. В тот день я потерял зрение. Я стоял, стоял и плакал, я взирал на всю жестокость, бездушие Псевдобога, даровавшего мне этот идиотский дар. И ангел, незримый, непостижимый сказал такие детские, глупые слова: «Давай дружить». Так я и вступил в «Собаку». Я с Байроном уже 13 лет. На момент нашей встречи, ему вроде было столько же, сколько мне сейчас, какое удачное совпадение.

— Байрону 41 год?

— Да, а он тебе не говорил, его сила парадоксально влияет на его тело, отчего он, практически, не стареет.

— Хорошая история.

Байрон задумался. «Я уже умер тогда, но воскрес, отчего мне не воскреснуть сейчас. Что мешает мне смастерить себе крылья из чужих перьев, пока свои потеряны?» «Смерть» «Пошла ты»

Он в первый раз широко открыл глаза, Бром с Данте продолжали разговаривать. Решетка была сделана из железа, но стены состоят из булыжника, свеча всего одна, и других камер не видно. Все не так плохо, как казалось.

— То есть ты вообще ничего не видишь?

— Да. Я просто угадываю, сплошь и рядом, угадываю: где стоит Байрон, где сидишь ты, в каком углу стола лежит Библия, угадываю ее страницы, удачно вспоминаю весь текст дословно. На этом угадывании строится вся моя жизнь, и больше всего я боюсь, что угадаю чью-то смерть. Ты думаешь, что я просто так поиграл с тобой именно в кулачки и пальчики. Это не магия, это что-то похуже, что-то беспощадное и безрассудное, раз даже эти оковы не способны ее сдержать.

— Не время грустить, у меня есть план.

— Ты, наконец, очнулся, Байрон.

— Да, Бром, и у меня есть шикарный план.

Пока Байрон рассказывал, ходил по комнате, расписывал их действия, Бром с Данте неотрывно смотрели ему в глаза, жадно ловля каждый раз, когда свет свечи задевал его зрачки.

«Они действительно горят», — думал Бром.

..

Гюстав Флобер был довольно упитанным человеком средних лет, его желтую сальную кожу украшали массивные черные усы, лоб блестел, как блюдо, а волосы закругленными

гроздьями усеивались назад, не доходя до широких плеч. В коричневой бабочке, белоснежной рубашке и плаще, засунув руку в свои чистенькие белые брюки, он шел по темным коридорам. Все пальцы были усеяны различными кольцами с неброскими разноцветными камнями, под бабочкой прятались ожерелья, а под рукавами скрывались браслеты. Достоинства ему хватило, чтоб хотя бы не прокалывать уши.

Как говорил он сам: «В магии, все, как в службе: почести обещецивают, высокое звание унижает, должность оглушает. Нет магии — нет глупцов, расставляющих свои трясущиеся пальцы по миру, давя обычных людей» Сам он был как раз таковым, его сила была чрезвычайно сильна для постепенного уничтожения всей существующей магии. Он мог создать любое ювелирное изделие (оно, буквально появлялось в воздухе и падало ему в руку) и придать любую способность. У него было кольцо, манящее всех магов к пересечению мостов, кольцо, создающее еду, кольцо придающее ему сил, ожерелье, не позволяющее ему или кому-либо еще снять с него какой-либо аксессуар. Он подпольно ловил магов, а после, в попытках изучить природу способностей, устранял угрозу для спокойного существования мира. Своим солдатам он раздал кольца, делающие их неуязвимыми к любой магии кроме самого Флобера. Сейчас Гюстав направлялся в излюбленную столовую и заодно хотел проверить новоприбывших узников.

С мыслями об обеде он подошел к коридору, где сидели новые заключенные, он сразу же заметил отсутствие света, поэтому над его ладонью материализовалась цепочка, которую он волнительно нацепил на руку. Теперь он прекрасно видел все в темноте. Решетка осталась нетронутой, но стена была вся разбита, хотя никаких инструментов у заключенных не было. Свечку беглецы успешно потушили.

— Нам хватило удачи, чтобы сломать эту стену, Гюстав Флобер.

Перед ним появился голый паренек с кудрявыми волосами, следующие события произошли в несколько секунд, но требуют много описания.

Бром направился в сторону своего надзирателя, а тот отступив всего на полшага, использовал золотой перстень с фиолетовым на правой руке, чтобы от одного взгляда понять способность мага, стоящего перед ним. Он понял, что дела плохи, и, если он ничего не предпримет, ему конец. «Надо кольцо, нельзя рисковать, используя цепь, он сорвет ее и пиши пропало» Над запотевшей ручонкой толстяка появилось темное кольцо с ярко-белым кольцом внутри. В это время опасность, представляемая Бромом находилась в трех полных шагах, так что Флобер не был готов к неожиданной уловке. Из неоткуда ладонь Байрона послала кольцо в полет, это все было так быстро, что Гюстав не успел отреагировать, как на его ноге красовались сделанные им же кандалы. Обычный человек преспокойно бы их снял одним рывком ноги, так как перерубленные камнем цепи были связаны несколькими человеческими волосами, но сила его собственных аксессуаров не позволяла кандалам и шанса слететь с ноги. Спустя секунду, Гюстав, наконец осознал, свой провал и уже было замахал руками, но не Байрон стоял перед ним, а Бром равнодушно смотрящий на его сжавшиеся руки, пропитанные силой. Из темноты с небольшой скорости в лоб Флобера прилетел маленький камешек от сломанной стены. «Голиаф» упал. С пойманным кольцом из мрака вышел Данте, он нацепил на себя темный перстень и, подойдя к бездыханному телу Гюстава, громко шлепнул Брома по плечу.

— Как я и думал: его кольца замечательно работают и при потере способностей, отличная работа Байрон, Бром.

Данте прижал руку к своей обнаженной груди.

— Бессилен град, бессильна буря,
Бессилен жгучий ураган,
Когда плечом к плечу 3 друга
Друг друга берегут от ран.
И пусть мы грешны,
Пусть неверны,
Ни вы, ни я не добродетель,
Но мы грешны хотя бы вместе,
И в этом счастье у меня.

— Когда ты говорил в камере, было лучше, опять твои стишки. Поищите пока одежду, а я посмотрю, может еще, кто здесь сидит.

Бром с Данте довольные удалились в другие коридоры, ликуя от своей шикарной стратегической победы.

— Я жив. Мои крылья при мне, и я счастлив, я, действительно, как будто воскрес.

С огнем в глазах, с диким счастьем в отягощенном до этого сердце Байрон схватил небольшой камень и подошел к потерявшему сознание Флоберу. Его не было смысла убивать, он был нейтрализован. Но почему нет?

Байрон нанес один удар, потом другой, он все ускорялся и ускорялся, с одним стуком за другим, все его лицо уже усеялось кровавыми ошметками мозгов и костей. Он смеялся и бил, бил и смеялся — в его глазах играла жизнь.

Прохладный ветер недружелюбно встретил усталое лицо Брома, спускающегося с перрона. Люди уже давно разошлись по аэропорту, разбредаясь, как глупые мышки, по пропускным пунктам. Серые облака недоброжелательно взирали на пришельцев, собираясь в шумную толпу и снова расплзаясь по голубоватому небу. Вдали мелькала среди холмов неприметная речонка, боязливо огибающая скопления домиков. На Бруклинском Дьяволе были его привычные рога с сошедшей пластмассовой краской, купленная в дьюти-фри клетчатая рубашка взамен порванной одежде, найденной в закромах подземельной темницы, и розовые шорты с кривой бордовой надписью «Sunshine». На его лбу еще нацепились солнцезащитные очки, но встреченная пасмурность не оставляла им и шанса на использование. Его по-детски лысые ноги слегка дрожали от холода, а уши потихоньку краснели, как и миниатюрный нос. В руках у него была та самая, Библия, выжившая в катастрофе, а на шее висел, купленный по совету Данте, крестик из серебра, который из-за холода также прижигал нежную кожу под абсолютно не теплокровной одеждой.

Байрон же с удовольствием озирался по сторонам, почесывая свой живот сквозь теплую кофту, на нем был тот же рюкзак, конечно, не оставшийся без прорех после злобного нападения. Ноги также заботливо согревались дутыми штанами с большими карманами, правда ступни были не в сапогах или ботинках, а в сандалях, так как только эта открытая обувь не заставляла его спотыкаться на каждом втором шагу. Данте перед их отъездом громко похлопал Брома по плечу и вручил свое темное кольцо со светлым камнем Байрону, которое сейчас поблескивало на среднем пальце его правой руки.

Они летели в пустом бизнес-классе: на весь самолет хромому богачу государственных денег не хватило. Байрон спал после утомительного дня, а Бром вдохновенно рассматривал облачные поля и горы, простирающиеся под чистым лазурным небосводом.

— Твою мать, и это погода? Если бы с нами полетел Данте, наверное, солнышко бы улыбнулось, да звездочки посыпались. И этот ветер.

Говорящий начал переминая ногами, одетыми в сандали, попутно подергивая заочеченными пальцами и поливая невинный ветер ругательствами.

— Там кто-то бежит, не могу разглядеть, глаза стынут.

— Не у тебя одного, там какого-то ассистента прислали, самим, мол, в падлу выйти, приеду — я им зубы начищу, ей богу, тв...

Он хотел что-то сказать, но стучащие зубы прикрыли его речи. И это было крайне вовремя, к дрожащим туристам подбежала молодая девушка, одетая в коричневое пальто и несущая с собой какую-то сумку (не сумочку).

К сожалению, этот персонаж не умрет в этой же главе, поэтому он требует подробного описания. Звали ее Марина, она была невысокого роста, но далеко не коротышка, ходила и бегала, будто вприпрыжку, хотя иногда, как лебедь, равномерно плыла в обзоре других. У нее были коричневые волосы, постриженные в каре, довольно, мягкие, аккуратно уложенные, но не пугающиеся развевания. На овальном лице был такой же миниатюрный нос, как и у Брома, слегка задернутый вверх своим кончиком, глаза блестели салатным светом, часто пристально останавливаясь на одной точке. Уши были такие же маленькие и их, по сути, никто и не видел за слоем волос. Грудь у нее была небольшая, талия не узкая, а таз не широкий — одним словом, моделью ее никто бы не назвал. Она не была ни красивой,

ни уродкой, она была девушкой, что уж с нее взять.

— Вы, наконец-то, прилетели, ничего в дороге не произошло?

Ее слова звучали звонко, впивались в уши, их нельзя было прослушать. Она подошла вплотную к не успевшему ничего сказать Брому и протянула ему ладонь, что было неожиданно, как для него, так и для его старшего напарника. Непонятно от чего и непонятно зачем, сложилась традиция, что женщины не жмут руки, хотя ничего такого мужского в этом нет, кроме разве того, что они этим не брезгают. Бром, естественно, об этом феномене не знал, а удивился лишь этому жесту, не виданный им доселе. Спустя мгновение оба мага уже осознали, почему Марина так простодушно потянулась к своей смерти, Байрон исчез и появился между ними, вежливо, но, всё равно, сильно оттолкнув дружелюбную девушку. Она с недоумением смотрела на грубого и хмурого мага, отходя назад.

— Тебе, серьезно ничего не сказали, или ты дура?!

Байрон все-таки был гораздо старше, поэтому имел полное право на восклицательные упреки. Ему не верилось, что ей, действительно, могли ничего не сообщить о, буквально, смертельной угрозе, поэтому его вопрос был, скорее, риторический, хотя и не оправдался.

— О чем, дядя?

Ее вопросительный взгляд с легкой обидой указывал на правдивость вышесказанных слов.

— Кто тебя отправил?

— Энн Бронте.

— Теперь все понятно, эта слабоумная опять творит что хочет. Тебя как звать?

— Марина, а вас?

Она впиалась своими изумрудными глазами в парня, выглядывающего из-за спины хромого мага.

— Я Джордж Гордон Байрон, для тебя никаких поправок нет, а это просто Бром. И если что, если ты коснешься его или его одежды, то мгновенно умрешь, усекла?

— Да, Байрон.

— Я же сказал: «Для тебя поправок нет»

— Хорошо, Байрон.

— Похоже, я зря вмешался, пошли Бром.

Байрон презрительно оглядел недавний объект его спасения, а после снял свое кольцо.

— Боже, надень, уж я то поумнее тебя буду. Пока кольцо на пальчике — принцесса может щупать мальчика.

Он хотел еще раз подчеркнуть ее тупость, но лишь дважды смутился. Сначала от значения своих слов, а, что самое ужасное, что он начал говорить, как Данте. Он перекрестился от страха, снова смутился, сплюнул на асфальт и направился на подготовленный пункт.

— Забудь.

Мария отвлеклась от грубого Байрона и снова уставилась на уже не спрятанного Брома.

— Ну, так что? Приятно познакомиться, я Марина.

Она повторно протянула ему руку, но уже с кольцом. Бром, нервно, пожал ее ладонь. Его сердце сжалось от происходящего, ее рука была очень мягкая и нежная, хоть и сдавила она ладонь хилого юноши, довольно, больно. Вряд ли бы он отреагировал иначе на рукопожатие с любой другой женщиной, да, в принципе и с любым человеком.

— Ну?

— Что?

— Я...Марина! Ты...?

Этот, казалось бы, прямой намек поставил неопытного Брома в самый настоящий тупик. Он перебирал все слова, которые он вообще узнал за последние полторы недели, но никак не мог найти подходящего для такой опасной ситуации. Жизнь вот-вот кончится, молчание мертвым грузом ложится на мозг, кровь уже не поступает в сердце. Он не думал, что так нелепо умрет. Последний вздох.

— Ну, скажи ты: «Бром», что сложного?

Байрон с незлой усмешкой наблюдал за этой нелепой сценой. Марина беспробудно заняла стойку и не меняла ни выражение лица, ни местоположение руки, уже изрядно намоченной от потных ладоней Брома (он нескоро узнает, что такое «пот»).

— Б...Бром.

..

Улицы, слава богу, хоть как-то сглаживали неприятную встречу, как с ветром, так и с Мариной. Все было красиво убрано, дома, хоть и представляли из себя все те же бетонные коробки, но были украшены всякими узорами и красками, так что в городе, наверное, не было ни единого переулочка, похожего на другой.

— Вам, наверное, рассказали о нашем городке?

Маги отрицательно покивали головами в ответ на слова идущей рядом девушки.

— Оу, не только меня, значит, обманули.

Байрон посмотрел на это волосатое убожество своей прежней ухмылкой, оставленной, казалось бы, в аэропорту, и остановился, увидав лавку с книгами. Не успел он войти, как послышался ор — между ним и продавцом сразу завязался горячий спор. Пока Байрон махал своими руками, доказывая, что: «Вы думаете: я совсем тупой, что не определю «Сан-Нуар», что это за шлак! В ней как минимум 700 страниц, малыш, какие, к черту, 356?!», на что оскорбленный усатый мужик армянской внешности кричал: «Я твой рот наоборот, опять ты! В каком болоте ты 700 страниц там видел, дурень! Я те не шалашовка на блошином рынке, катись к черту со своими многостраничниками!», Марина рассказывала Бромю о городе.

— Наш город называется Санмортилонгиандроаплъ.

— Сан...

— ...мортилогиандроаплъ.

— Как ты его вообще произно...

— Легко, что тут такого. Наш город произошел от деревни, но я не думаю, что тебе что-то это скажет.

— Гово...

— Ее звали Миртиславозулбодартинополь.

— Что не так с жителями этого горо...

— В наших землях просто традиция — переименовывать город после смены правителя, а длина слова зависит от величия и вклада этого человека в развитие поселения.

— Вот почему Байрон не смог найти Сан... что-то на карте.

В первый раз растерянного Брома не перебила восторженная рассказчица, он до сих пор чувствовал себя крайне неудобно рядом с ней, отчасти из-за ее странного для него поведения.

— А река, которую вы видели из аэропорта, называют Юз.

— Ты серьез...

— О, Байрон! Пойдемте скорее в штаб.

Хромой маг, действительно, вышел, разочарованно таща в руках 356-страничную книгу. Он без какого-либо участия оглядел молодых собеседников и без помощи Марины пошагал в каком-то направлении. Сделав несколько шагов, он исчез, оставив после себя лишь неприятный осадок на сердце.

— Вечно он так?

— Да.

К Брону вернулась его старая привычка отвечать на все вопросы «Да» и «Нет», но, если раньше он не мог говорить нормально, то теперь ему было просто страшно что-то сболтнуть этой неумолкающей девушке.

..

Сопровождаемые разговорами обо всех названиях города за последние 500 лет, истории края, предпочтениями Марины в музыке, моде, книгах (она их не читала), еде, цвете, питомцах, видах мебели, орехах и даже рогах (ей больше нравились олени рога, но не те, что у оленей в лесах, а у ланей в далекой саване), по луговым тропкам они, наконец-то дошли до штаба «Лиса» (о чем она Брону, к удивлению, не сказала).

Главная проблема по их прибытию был уже разрушенный штаб. Бетонная коробка, как сыр, была усеяна идеальными дырами, размерами с голову Брома. Из здания, как из дискошара, выходили лучи, каждый раз протыкая бетон насквозь. До того как Бром осознал опасность их положения, в его оголенное колено стремглав врезался разъяренный белый луч. Ног унесло куда-то в кусты, а юноша равнодушно остался стоять, внутренне благодаря Данте за совет купить шорты. Марина, увидев струю крови вытекающую из бледного обрубка, упала в обморок, приземлившись на руки Брома, кое-как успевшего ее подхватить. Он скорее запрыгал, а вскоре уже и побежал с девушкой в более безопасное место, световые выстрелы еще несколько раз проткнули его плечи и левый локоть, но ни одежда, ни Марина, слава Данте, не пострадали. Он положил девушку на траву в километре от места происшествия, оставив рядом с ней свою одежду и вещи, единственное, что на нем осталось, были его пластмассовые рога. Он взглянул на (непривычно) молчаливую Марину и абсолютно голый побежал в раскромсанный штаб. В этом не было никакого хитрого умысла или проявления извращения (если оно вообще могло существовать в его пустом разуме), он просто решил не портить недавно купленные вещи с крестиком и Библию в пылу сражения. С учетом разрушительной мощи, враг, должно быть, был крайне силен.

Войдя в уже несуществующий дверной проем, перед Бромом открылась, совершенно, уникальная сцена. Женщина, примерно, 30 лет в красном платье посылала светящиеся лучи во все стороны из своих руках.

Она была полной противоположностью Марины, разве, что она тоже была женщиной: у нее была строгая грация, слегка длинная шея, роскошные золотые локоны, спадающие на нежную спину. Ее талия была как раз-таки узкая, грудь большая и правильной формы, а таз был достаточно широк для звания писаной красавицы. Нос был строго правилен, лоб, уши, скулы, брови — все было грациозно и величественно, воистину красиво, даже глаза были идеально каштановые. Ее платье было сплошь и рядом усеяно бисером, бусинами, стразами, на плечике красовались мудрёные рюши, а подол образовался в волнистый волан. Правда, по ее нышнему лицу вряд ли бы кто-то сказал, что она так же красива и внутри, ее восхитительные черты слились в гримасу гнева и наимногозначительной ненависти.

Причиной этой ярости, как ни странно был Байрон, который обычно исполнял другую

роль в процессе гневаиспускания. Сейчас же он с улыбкой бегал вокруг разъяренной женщины, выкрикивая что-то и каждый раз смеясь на ее яростные вопли. Он непринужденно подпрыгивал и каждый раз исчезал за миллисекунду до мгновенной смерти, что еще более вспыхивало негодование на лице его противника.

Байрон остановился и, повернувшись лицом к своему напарнику, направился к нему вальяжной походкой. Он, несмотря на нападающего, уворачивался от лучей, летящих в затылок. Его речь прерывалась из-за исчезновений, но все равно оставалась понятной.

— Бром, ты б хоть... спрятал. Пришел, ... наружу, здесь все-таки женщина, хоть и ..., конечно. Знакомься, главная ... этого города — Энн Бронте. Ужас, ... уже, Успокой эту ..., ей богу.

В этот же момент он вовсе исчез из обзора, оставив Брома наедине с летящим в его лицо лучом. Он полностью аннигилировал его, не среагировавшую башку, оставив лишь тупую кровоточащую шею с обвисшим кадыком. Тем не менее, его обезглавленное тело пошлепало в сторону раскидывающей выстрелы Энн.

Ее это абсолютно не смутило, она продолжила расстреливать Байрона, а точнее его мелькающий силуэт. Голова Брома снова невозмутимо встала на окровавленные плечи, он направлялся к разъяренной даме, все более приближаясь к ней свои голым телом, из-за чего его бледная фигура стала еще одним объектом тщательного расстрела. Женщина вовсе не отвлеклась от своей прежней жертвы — она расставила руки и начала палить еще чаще в сторону двух магов из «Собаки». Байрон насмешливо отклонялся от выстрелов, комментируя действия Брома, тупо шагающего на противника, а также попутно раскидывающего свои внутренности по посыпанному полу.

— Может, ты уже остановишься мини-Бронте, хватит тебе баловаться.

Он засмеялся, что есть мочи и начал мелькать еще чаще. К этому момент Бром подошел достаточно близко к Энн, чтобы нанести завершающий удар.

— Стоять, Бром, она не враг.

Строгие слова мага разнеслись по разряженному пространству громко и четко, но в этот момент у раненного Брома ушей не было, как и мозга, да и, в принципе, всей верхней части головы. Женщина запаниковала и начала ретироваться, но она и так зашла в тупик. Время для нее сжалось, смерть находилась на оторванном от головы Брома волоске. Из пустоты появился Байрон, он схватил измученную даму и, снова исчезнув с ней, появился далеко от Брома. Безголовый маг глупо провел пальцами по пустоте и упал.

— Ты успокоилась?

— Убери свои грязные руки! Пошел вон!

Она продолжала орать, но выстрелов за криками не следовало.

— Ну, назвал разок маленькой, ну беда что ль? Я просто подчеркнул, что ты молодо выглядишь, и все?

— И все?

Она уже перестала злиться, но пыталась сохранить гневные нотки в своем голосе.

— Ладно, так и быть, я тебя прощаю.

..

Это был первый раз в жизни Брома, когда он потерял сознание. До этого, сколько бы боли он не терпел, рассудок не покидал его разорванное тело, но, похоже в этот раз его конкретно потрепало, что было очевидно.

Юноша очнулся в наполненной горячей водой ванне, находившейся, по-видимому, в том

же шабе, где произошла та ужасная битва, судя по дыре в потолке. Спиной к нему стояла Марина, она была в том же пальто, в котором они встретили ее у перрона. Девушка стирала кровавые тряпки, которых после Брома осталось очень много, вся комната пропахла ледяной кровью, и вентиляция, созданная Энн Бронте, не препятствовала распространению этой отвратительной вони.

Бром не двигался, ни единый мускул измученного тощего тела не пошевелил воду, но Марина всё равно каким-то образом узнала о его пробуждении, она обернулась на него, глаза были сухие и немного красные, она смутилась и вернулась к своей работе. Если бы Бром знал, что показываться людям голым неприлично, он, возможно, смутился бы в ответ, но цивилизованные чудачества были ему неизвестны.

— Спасибо.

Это сказал и Бром, и Марина, их голоса прозвучали в унисон, отчего юноша засомневался, сказал ли он, вообще, что-либо. К сожалению, как и говорилось ранее: Бром все еще не достиг понимания всечеловеского осознания жизни — его знания ограничивались самым необходимым, а чувства пересекались примитивной радостью и разочарованием. Возможно, он уже любил Марину или ненавидел Энн, но понять этого он никак не мог. Даже то «спасибо», что сейчас прозвучало, был лишь одним из необходимых аспектов жизни, поясненным Данте и Байроном, никакой искренности пока что не было ни в одном движении Брома. Он мог убить человека, потому что «потому что», спасти по той же причине, простить или осудить. Бром был ничто, и это ничто наполнялось тем, что его окружало, а основным его окружением был Байрон. Кто знает, кем стал бы наш герой, сколько людей он убил бы без раздумья, сколько боли протерпел бы ради незнакомой цели, если бы не эти слова?

— Почему ты спас меня?

Голос естественно был женским, он был немного прерывистым от готовности заплакать, но, действительно, искренним — трогательным и требовательным. Ответов можно было придумать кучу: от банального желания до высокой цели, но Бром просто не задумывался над причиной своего действия до этого. Почему он не спас того мужика из подземелья, почему он безразлично отреагировал на историю Агнии, и зачем он, действительно, спас Марину, почему так аккуратно и заботливо уложил ее на мягкую траву в километре от базы, а не кинул в 100 метрах на грязный песок? Он не знал или не хотел знать.

— Зачем ты жертвовал собой в битве с Энн Бронте. Тебя кто-то просил?

Он не знал. Хотя он и был сильным, все, что он мог, — идти напролом, подставлять свое восстанавливаемое тело под удар, касаться противника, который мог легко увернуться, зная о его магии. Он ничего не мог. Он не мог защитить Марину, не мог защитить шофера в автобусе, не мог защитить друзей от нападения. Он не мог и не знал, что можно научиться мочь.

Девушка подошла к нему сзади с расческой и ножницами, чтобы постричь и причесать волосы. После разрыва плоти локоны его кудрей, конечно, отрастали, но распределялись черт знает как, да и ложились ужасно, хорошо хоть были одного цвета.

— Ты не хочешь мне сказать или не можешь?

— Не могу.

Гробовая тишина сопровождалась лишь щелканьем ножниц.

— Зачем тебе были нужны рога?

— Чтобы люди узнавали меня и обходили стороной.

— Тебя все боялись?

— Да.

— Ммм. Понятно, а где они сейчас?

— Их уничтожила Энн.

— А зачем ты одел рога, а одежду оставил в лесу вместе со мной?

— Я оставил там, то, что мне дорого, потому что не хотел потерять.

Именно в этот момент границы Бромовского восприятия взорвались. Он сам не понял, что признался Марине в чувствах, но он осознал что-то наиболее важное, что эти колебания в сердце, эти побуждения разума, снедающие голову — они есть те самые чувства, именно из-за них люди не мыслят одинаково, не рассуждают исключительно логически, терпят счастье и горе, что-то выбирают в жизни и становятся уникальными. «Дорого. Не хочу потерять. Я, правда, не хочу потерять ее, я не хочу потерять Данте, Байрона, Агнию, но я так спокойно забыл о Говарде и Флобере. Как называется это чувство. Привязанность? Нет, я не потокаю всем их словам. Что же?»

— Любовь?

После предыдущего ответа девушка и так вся стояла красная, как помидор, отрезывая уже не те волосы задумавшемуся Брому, но эти слова окончательно ее добились, и она снова упала в обморок, уже третий в их дуэте за день.

...

— О, Джордж, ты все же прибыл? Присаживайся, дорогой, как же мы давно не виделись!

— Никак не могу привыкнуть, чтобы меня кто-то звал по имени, черт. Рад с тобой повидаться, Оноре.

Перед вошедшим в кабинет Байроном приветственно раздвигал руки Оноре де Бальзак мужчина 35 лет в джинсовке и белой футболке. Он был прямо-таки пухлым. Хоть его серо-коричневатый взгляд и был суров, и выразителен, но толстые щеки и маленькие ручки придавали его фигуре что-то детское. Густые черные волосы были чем-то средним между вояжем и канадкой, второй подбородок спрятался от первого в закрамах шеи, а брови умиротворенно сложились под широким лбом. Глядя на него, никто бы и не подумал, что он состоит в организации, убивающей магов.

— Как поживают сестры Бронте?

— Ах, разъехались все от меня. Шарлотта в командировке где-то под Бенедиком, а Эмили и вовсе не видать, пропала и все тут, Энн — сам видел. Не повезло мне с составом, не то, что тебе. У тебя и Данте, и Бром — ну прям загляденье.

— Ты ничего не слышал о Говарде?

— Лавкрафте? Есть у тебя такой, вот это и помню, а что еще, неужто уже не есть, а был?

— Он узнал о нас.

Лицо Бальзака переменилось.

— Ты его... того?

— Гегель.

— Фух, слава богу! От этих знатоков чего хорошего не жди.

Улыбка с его вновь обрадовавшегося лица исчезла, он серьезно впился своими не содрогающимися зрачками в расслабленную физиономию своего потрепанного друга.

— За тобой охота, Джордж.

— Что за охота? Будто на меня в первый раз объявляют охоту, что ты напрягся, кто ж сможет победить селекторов, если что уж подсобите.

— В том то и проблема...

Он глубоко вздохнул, ему было тяжело такое говорить своему старому другу.

— ...Селекторы ее объявили.

Байрон встрепенулся и занял боевую стойку, в его глазах отражался тот же испуг, что затмил его разум в подземелье Флобера.

— Ты... тоже?

— Да, Джордж.... Но я не собираюсь тебя убивать, да и вряд ли смог бы. Я решил предупредить тебя и защитить, пока ты у меня. Остайся здесь, пожалуйста, тебя найдут везде, но только не в моем штабе.

— Неизвестный объявил награду за мою голову?

Ему было тяжело. Байрон сел на стул в углу комнаты, его руки тряслись, а голова невольно кивала в такт сумасшедшему биению сердца.

— Да.

— И сколько же?

Неизвестный был неизвестен, абсолютно никто кроме него не знал его внешности, способностей, имени, все, что знали селекторы, что он был невероятно силен, и, что их сила ни за что с ним не сравниться.

— Все, что угодно.

Байрон засмеялся, ему, действительно, было смешно, но из кровавых глаз лились жгучие слезы.

Байрон паниковал. С одной стороны угроза всему миру, а с другой его личная. Селекторы были как раз теми, кто и устранял отличившихся магов, они были как раз той организацией, в которой состоял сам Джордж Гордон Байрон. Все членов было 6: 4 главы магических штабов, вождь Лиги и Неизвестный, являющийся лидером этой могучей кучки. Гегель тоже был начальником одного из штабов, а именно «Демона», находящегося в далеких Гималаях, контролирующий чуть ли не всю Рахию (огромный материк на северо-востоке планеты), Байрон осуществлял контроль за Дектором (меньший по площади, но больший по населению материк), под Бальзаком был Жонмуан (небольшой по сравнению с предыдущими, включающий в себя множество островов), а неизвестный доселе читателю Федор бродил по заснеженному кольцу, огибающему конец южного полушария. Лига находилась везде, от того ее лидер, Мэри Шелли, перемещалась вместе с ее подопечными по всему земному шару, якобы досаждая мирному населению. Даже, если представить, что Байрон среди своих сообщников самый сильный, банально, уничтожить его количеством, невероятно просто, и это не говоря о Неизвестном, держащем самых сильных магов в вечном страхе.

В таких условиях, оставаться у своего старого друга — вполне логично, но каждая секунда на счету, и неизвестно, когда душа Говарда укрепитя настолько, чтобы разрушать пространство. Дело в том, что маршрут их путешествия лежал через все материки, исключая территорию Гегеля, что еще сильнее увеличивало риски.

«Подожду ангела, если он не появится в эти 5 дней, останусь, а так поеду, что уж!» — уныло заключил Байрон.

Никогда его дела не шли так плохо.

..

Бром уложил Марину в спальную комнату, в которой было меньше всего дырок, а сам, самостоятельно одевшись и помыв кровавые тряпки, решил побродить по улицам Санмортилонгиандроапля, или Сана, как он сам решил его называть. Вряд ли он хотел повеселиться или удостовериться в рассказах спасенной им девушки — он просто хотел подумать, чего до этого в одиночку сам не делал.

Сам центр хоть и был достаточно хорошо обустроен, находился не так уж и далеко от деревень, встретивших героев по приезде в аэропорт. С обоих боков мерцали витрины с различными вещами: от понятных Бромю продуктов до неосознанной бижутерии, фонарные столбы раскидывали белые пятна по уже потемневшему вечернему городу. Редко где появлялись люди, только кошки лениво переминали лапами от одного карниза к другому. Голубей и ворон, окружающих Брома в Бруклине, вообще, не было в этом месте, может где-то и сверкнет своим острым хвостом ласточка, да и только. Эта пустая умиротворенная обстановка была той самой, которую искал Бром. Пройдя все улицы, он вышел к деревянной арке с очень длинным названием, настолько, что надпись продолжалась в течение всего ограждения, знаменовавшего парадный вход в парк. Пройдя мимо нескольких лавочек и тропинок, пустеющих в ночное время, Бром вышел на гордость этого места — беседку с видом на Юз. Речка все также не выглядела величественно, но все же была рекой. Вода огибала, все, что можно было огибать, образуя невероятно волнистую линию, которая, парадоксально естественно смотрелась меж полуночных холмиков.

Звезды трепетали в бескрайнем космосе, а луна, сопровождающая Брома от самого Бруклина, сонливо смотрела на такой же ленивый облик города.

«Любовь... Так что же это? Предпочтения, так или иначе, рождаются эти чувством, но разве это все? Вроде да. Хотя, я могу объяснить, почему люблю свою одежду, почему люблю тепло, Библию, штаб, это все понятно. Но, почему я люблю Данте, Байрона, Марину? Байрон не дает мне знания, не согревает и не дарит уют. Он ворчит, обзывается, иногда дает, действительно, мудрый совет — но разве за такое любят? Данте — просто хороший человек, его приятно послушать, у него печальная история, и.... Все? За что любить? А Марина — она падает в обморок из-за непонятных мне причин, слишком болтлива, да. И всё. Представим, что я просто предпочитаю их из-за привязанности, но это значит, что кто-то остается без любви: его не выбирают — таких людей, как Агния или Говард. Но ведь Иисус любил всех, ему некого было обделять предпочтением. Тетя из приюта говорила: «Тебя никто не любит!». Она говорила это, чтобы я не подходил к другим детям и ненароком их не убил — значит ли это, что она любила и меня и их? Скорее всего, да. Значит, она снова не предпочитала ни кого другому. Что же это, любовь? Мне, определенно, жалко порвать вещи или потерять книгу, но гораздо тяжелее представить мертвого Байрона, раздавленного Данте, разорванную в кровавые клочья Марину...»

Из его девственного рта вырвалась мерзкий смешок, хрипло злорадствующий придуманной беде. Это был все тот же омерзительный гул с нотами гнева и подлости, посетивший Бруклинского Дьявола после признания Агнии, смех, действительно, был неопишимо зол. Бром скорее закрыл рот руками и прикусил язык, пустив горячую кровь себе по горлу. Его собственным ушам было невыносимо слушать эти уродские скрипы бездны, доносившиеся из его обычно спокойной глотки.

«Опять! Это происходит всякий раз, как я думаю о плохом. Это какая-та часть моей магии? Прочитав несколько книг и встретив столько успешных волшебников, я так и не продвинулся ни на йоту в распознавании своей силы. Но в отличие от загадочной силы Данте, моя способность определенно магическая, это доказывает кольцо»

Он покрутил названный им аксессуар в руке. Бром решил снять его с Марины на время его отсутствия, чтобы попробовать одну давно задуманную идею. Из его кармана вылез кинжал, купленный им по дороге к парку.

«Да, я кого-то полюбил, и сам, вероятно, стал любим, но это не делает мою жизнь краше. Я научился плакать, мое сердце гораздо лучше, чем раньше, мой интеллект необычайно возрос за какие-то полторы недели. Но что мне это дало? Я стал рыдать вместо глядения в одну точку, мое сердце разрывается на части от уныния, а не слегка сдавливается, как было в переулке, научившись размышлять, я лишь глубже осознал мою безысходность. Все, что у меня есть, — это кольцо. Оно никогда не даст мне спокойной жизни, касания одного человека не покроют смерти тысяч. Кольцо может предложить мне лишь смерть. И я принимаю ее»

Бром, не спеша, продел темный атрибут через бледный палец. Белое сияние камня ничем не отличалось от вальяжного лунного света. Лезвие резко влетело в центр горла, распоров шею надвое. Кудрявому юноше было невероятно больно, из кровоточащих глаз потекли вперемешку слезы, хрипящая глотка жадно хватала воздух в попытках выжить, а руки и ноги произвольно дергались в такт бешеному сердцу.

«Не помогло»

Боль прошла, а горло заросло новой кожей. Бром рассматривал кольцо, расстроено

лежавшее в его ладошках.

«Даже блокировка магии не отпускает меня отсюда. За что мне все это? Меня, будто кинули в комнату без выхода, накидали углей и решили ждать чего-то»

— Чего?

Бром заплакал и уснул в беседке, покачиваясь на прохладном ветру, уже не сулящем враждебность, как при их первой встрече.

..

Его разбудил чей-то настойчивый шёпот. Заря требовательно палила в лицо Брома, а парк предательски зашумел после такой тихой ночи.

— Дядь, вы проснулись?

Его в бок подталкивала какой-то мальчик. На вид ему было около 11 лет, на резвых ногах висели где-то порванные синие шорты, а плечи держали лямки помятой майки, на ногах были сандалии подозрительно похожие на обувь Байрона. Рыжий мальчишка рассерженно спихивал сонливого Брома с беседки на утреннюю траву, покрытую не до конца высохшей росой. Позади стояла маленькая девочка, такая же рыжая, как и настойчивый пацан, очевидно, она была его сестрой. Девчушка была совсем крохотной, примерно 7 лет, нос пуговкой, косичка, платице — обычные атрибуты девочек, одеваемых заботливой мамой.

Бром приподнял голову и уселся в угол беседки, уставившись на грубого ребенка.

«Он не умер»

К счастью, он обнаружил кольцо все на том же пальце, одетое скорее для предотвращения воровства в предыдущую ночь.

— Ты что не знаешь, кто я такой?

— Дядя, откуда мне вас знать, я с бездомными не общаюсь — мама строго-настрого запретила.

— А так?

Бром поднес свои указательные пальцы к макушке, изображая рога. Мальчик презрительно взглянул на откровенное проявление слабоумия и отрицательно потряс головой.

— Ты нас козой рогатой не пугай, мы те не малолетние! Дай нам сесть.

Брат посадил свою немножко испуганную сестренку на другой угол беседки, а сам уселся меж подозрительным типом и девочкой. Малявка чуть ли не сразу забыла об этой неудобной сцене, погрузившись в рассмотрение реки и озвучивание всех вещей, которые ей могли напомнить облака. Пацан пытался строить из себя серьезного взрослого, но даже Бром своим ничуть не вооруженным взглядом заметил в нем ту же детскую любознательность и простодушность. Да он и сам не далеко от них ушел, спустя минуту он аккуратно влез в обсуждение утреннего неба, что дети даже не заметили в пылу воображения.

— Смотри, там коняшка!

— Больше похоже на вилы.

— Выглядит, как человек...

— Нет, коняшка! А вот там котик!

— Не, ну это точно машина.

— Выглядит, как голубь...

— О, а это прямо, как наша беседка!

— Согласен.

— Да, выглядит именно так...

Облака кончились, отсутствие ветра печально сказалось на полете мысли трех детей. Девочка устало зевнула, а Бром удовлетворенно взирал в проанализированное небо.

— А как вас зовут, дядь?

— Бром.

— Чудное у вас имя, дядь. Меня вот Дима зовут, а ее Наташа.

Девочка одобрительно кивнула головой.

— Бром, ты часто сюда ходишь.

— Да я проездом здесь, вот решил заглянуть.

— И поспать заодно? Все с вами понятно!

Парк залился детским смехом, Бром было совершенно не смешно, но он невольно просмеялся, что сильно его удивило. За всю его жизнь смех из его уст раздавался только злобный, природу которого он не знал.

— Может, пойдем, дядь, нам домой пора.

— Идите.

— Не, дядь, ты с нами, мы тебя маме покажем. А может она разрешит его дома оставить.

— Да!

Дети радостно закричали и похлопали друг другу в ладоши, предвкушая появление нового питомца. Бром этого не понял, так что энергично встал и покинул место, подарившее ему безысходность и радость. Деревья трогательно провожали его, маша своими густыми ветками.

Они вышли из парка и пошли в противоположную к городу сторону, обходя кочки на неровной тропинке, огибающей парк.

— Скажи, Дима, а ты любишь Наташу?

Посреди разговоров о маминой выпечке Бром задал тревожащий его вопрос детям.

— Конечно.

— А почему?

Выражение мальчика снова приняло ту неутешительную брезгливость к тупым людям, выраженную в многозначительном поднятии маленьких рыжих бровей на детском лице.

— Потому что она моя сестра, почему еще?

— А если бы она перестала быть твоей сестрой?

— Дядь, ну вы глупый, она был бы моей подругой.

— А этого достаточно?

— А что вам еще надо?!

«Действительно, мне что мало? А разве одного плюса достаточно, чтобы любить? Или я настолько жаден? Все настолько просто? Семья и любовь. Агния что-то говорила про это. Она говорила, что человек обязан любить родственников, какими бы они ни были. Но друзья — это что-то другое. Их не дают тебе при рождении, ты сам выбираешь с кем войти в эти отношения. То есть, есть люди любимые — это друзья, и люди ненавистные — это враги. А что делать с остальными, не входящими ни в одну из одних групп? Игнорировать? Относиться дружелюбно или враждебно? Вопросов не стало меньше»

— Скажи, Дима, ответ всего на один мой вопрос. А что ты делаешь, когда любишь сестренку?

— Как что? Помогаю — не видно?

«Помощь. Действительно, я помог Марине, помог Байрону, помог Данте. Но ведь ; помог и Говарду. Наверно. Если бы я помог Флоберу, полюбил бы я его? Нет»

— Ладно, неважно. А, что это?!

На нос почему-то пугливого Брома вскочила желтая божья коровка, провокационно подергивающая своими крыльями. Они остановились посреди разноцветного поля уже далеко от города. Васильки, одуванчики и прочая цветная и не очень растительность благоухала и развевалась на усилившемся ветру.

— Не двигайся, Бром, или тебе кранты. Подожди, пока она сама слезет.

Противное насекомое не слезло ни через минуту, ни через пять. Она как будто смеялась над бессмертным управленцем жизнями своим невообразимым могуществом. Наконец, Бром не выдержал и встряхнул надоедливую букашку. Чего все и боялись, божья коровка улетела, оставив на носу желтую кляксу, издававшую неприятную вонь.

— Фу, вонючка!

Дети снова засмеялись и убежали вперед, оставив помеченного мага с туповатым выражением лица. Он тяжело вздохнул и устремился вслед неугомным сорванцам, тщетно пытаясь вытереть по пути пресловутое пятно. Догнав их, он схватил Диму, чтобы отдышаться после длительного ускорения. Сами дети же ничуть от погони не запыхались.

— А! Отпусти! Мы почти до дома дошли! Ну, ты чего, дохляк?! Пошли уже!

Наташа подошла к Брому и схватилась своей крошечной ручонкой за его бледную ладонь.

— Если тяжело — я подержу, идем.

В окружении своих умственных сверстников, Бром направился в неизвестном направлении по тропинке.

..

Анна как всегда готовила обед на небольшой кухне своего дома. У входа в комнату у левого угла покойно томилась теплая печь, у окон, пропускающих свет на вход, стоял небольшой стол, окружаемый деревянными стульями с вышитыми спинками коричневого либо синего цвета. На столе разместились тарелки с борщом, разносящим приятно-теплый аромат по комнате, блюде с мясом, наверное, бараниной — один кусок которой был дотошно нарезан для детей. За печкой, ограждаемая от остальной комнаты кухня представляла из себя неширокое пространство с раковиной, бесчисленными полочками и дверцами под продолговатым прямоугольным столом, на котором стоял большой ковш, набитый картошкой с грибами и прикрытый розовым полотенцем, пригодным только для такой грязной работы. Под разноцветным же ковром пряталась дверь в подпол, в котором хранились остальные драгоценности сельской жизни от соленых помидоров до осетровой икры от далеких родственников.

Домик, в котором находилась описанная выше кухня, стоял в деревне Терка, находившейся в 8 километрах от города. Сам Санмортилонгиандроапль находился на небольшом островке, так что такое расстояние между каменными джунглями и селами не было чем-то странным. Люди преимущественно жили на блага земли, некоторые уезжали в город или даже за его пределы. По идее, главная проблема деревни, а именно плохая инфраструктура, отсутствовала, так что никто из жителей не горел идеей перестройки этого уютного места.

Солнце светило пуще обычного, от чего хозяйка иногда жмурилась. Она была высока,

одета в фартук и обычное синее платье с какими-то цветами, черты возможно изысканного когда-то лица стерлись в один всеобъемлющий образ матери — ни красоты, ни уродства не было в этих заботливых голубых глазах, самую малость обвисших щеках и прямом носе. Она была педантична в хозяйских делах и сентиментальна в делах душевных. Нельзя было сказать, что она просто держит свой дом в порядке, а детей в сытости — у нее были свои страсти, увлечения, взлеты и полеты. Анна не хотела быть ключевым персонажем, но внимание ей всегда доставалось, как это было и сейчас.

Бром, сопровождаемый детьми, шел мимо деревянных домов с шиферными крышами и пластмассовыми игрушками, которые якобы были куплены в качестве флюгеров, и огородов, на которых либо бегали игривые дети, собирая опадшую сливу, либо копошились в неполютой земле бабки. Увидав мать своих маленьких спутников, он обомлел — росший без матери Бром не знал, как должна выглядеть мать, все, что он знал, что у него ее нет. Ему никогда не рассказывали про материнский образ, но, посмотрев на нее, он тут же понял.

«Мама»

Дети оторвались от задумавшейся сироты и попрыгали на Анну, которая, смеясь, отталкивала их от себя. Она погладила их и позвала скорее обедать, но Дима что-то закричал, указывая на Брома. Мать тревожно загнала детей в дом и поспешно закрыла дверь, пообещав пустить дядю после разговора. Она осторожно подошла к остолбеневшему Брому и прошептала.

— Идите в амбар.

Она отвернулась и, открыв калитку, устремилась в деревянное помещение, оборачиваясь после каждого второго шага. Бром понял в чем дело и уныло проследовал за ней.

Двери закрылись на засов. В амбаре было темно, половину пространства занимало сено, заполняющее своим запахом весь воздух, а другая часть была пуста, а точнее занята одним кудрявым юношей и хозяйственной женщиной.

— Ты же Бруклинский Дьявол, да?

— Да.

— Что ты с моими детками хочешь сделать, убивец?! Не трогай их, прошу! Меня лучше убей, дуру, раз детей одних спозаранку отправила в парк. Прощу, только их не трогай.

Анна опустилась на колени и опустила голову, рыдая в ноги Брому.

Он понимал причину такого поведения: он мог преспокойно убить всю деревню, и абсолютно никто не встал бы у него на пути. Логично, что приход такого чудовища сопровождался неопишуемым страхом. Тем не менее Бром в данный момент думал совершенно не об этом, смотря на сгорбленную у его ног Анну.

«Вот она любовь! Она готова пожертвовать своей жизнью ради других, перенести боли и страдания. Это не обычная помощь, это что-то за ее пределами. Эти дети никак не отплатят труп, не принесут ему пользы, но она идет против выгоды, против самой себя, и все ради них. Бескорыстность, незаменимость, искренность — вот, что такое любовь, я, наконец-то понял!»

Восторженный Бром поднес свою руку к склоненной женской голове и, наперекор ее ожиданиям, погладил по волосам.

«Ради нее я бы тоже умер»

Анна радостно посмотрела на улыбающегося Брома.

— Так вы помиловали нас? Слухи врут — вы хороший человек, спасибо вам большое!

Спасибо! Боже ж ты мой! Ну, давайте, я вас накормлю, пройдемте. Слава тебе господи, какой вы оказывается хороший! Идемте, идемте.

На кухне его встретила дружная семейная компания, не было только отца. Он хорошенько поел борщ, обменялся номером телефона с Анной (Диме еще рано телефон) и покинул деревню ближе к вечеру, взяв с собой гостинцы в виде пирожков и дав обещание вернуться на следующий день. К сожалению, сюда он больше никогда не вернется.

..

Марина проснулась позже, чем Брома растолкали детишки, в комнате лился сквозь дыры торжественный утренний свет, поднимающий пыль ворошащимся столбом. Ее кудрявый спаситель не додумался снять верхнюю одежду или хотя бы расстелить кровать — она лежала на голубом покрывале во вчерашнем грязном пальто. Разочарованным взглядом она осматривала как пустоту в комнате, так и отсутствие кольца. Первой неутешительной мыслью был уезд Брома и Байрона из города, но немного раздраженный голос из другого помещения говорило об обратном.

Стоит оправдать девушку, валяющуюся на кровати, — она вовсе не влюбилась в Брома, как могло это показаться со стороны. Определенно, симпатия не могла не возникнуть к человеку, спавшему тебя от смерти, перенёвшему ради тебя муки (по крайней мере, она так думала) и признавшемся тебе в любви, но это чувство было лишь порождением какого-то удивления и спонтанности. Сама она это, конечно, не понимала, по части любви далеко от Брома она не ушла. Проблемой была ее крайняя чувствительность, выраженная за один только день двумя обмороками. Суммируя с этим ее бесполезность, вывод не заставлял долго ждать — ее обычно не любили, не только в романтическом, но и в обычном ключе, что хорошо отразилось в ситуации с ее опасным приветствием главных героев в аэропорту. Как раз таки мощь была последней вещью, привлекающей ее к Брому. Прямо сейчас Марина не томилась по своему спасителю, не надеялась в агонии о его возвращении. Здесь ей были не рады, и она решила уйти.

Слава богу, спальня, выбранная кудрявым юношей, была как раз таки ее. Ничего заурядного в комнате не было. Кровать с названным выше цветом, тумба, в которой, скорее всего, ничего и не лежало, полка с несколькими книгами (детективы, на обложках которых обычно маячит какая-нибудь расфуфыренная дама), да шкаф с тремя нарядами по сезонам. Эта скудность не являлась следствием скудности самой хозяйки комнаты, на все были свои причины.

Возможно, ее выгнали из дома. Возможно, она нигде и никому больше не нужна кроме этого разрушенного штаба. Возможно, да и только. Возможно, у нее и есть магия, что, вероятно, подтвердил Бальзак, но она, скорее всего, не умеет ей пользоваться, что точно ставит ее в ранг «мусора» в магической иерархии. Возможно, эта унылая оторванность от успеха, безысходная череда провалов — действительно, последняя причина симпатизировать Брому, не ставящему ее ниже других.

Тем не менее, она переделась в другой наряд, состоящий из легкого желтого платья и бордовых туфель, вымыла запачканное пылью, кровью и слезами лицо и направилась в город, безразлично отвечая на расспросы взбешенного Байрона насчет исчезновения Брома.

Спустя несколько часов бесцельного шатания по выученному ей городу с уже посеревшими в ее глазах улочками и старыми, по ее мнению, домами, она обнаружила Брома в совершенно неожиданных обстоятельствах и положении. Сбежавший маг восседал на лавочке у входа в парк. В руках у него покоилась корзина с пирожками, один из которых

он понемногу откусывал, наслаждаясь мясной начинкой и рассматривая так полюбившееся ему небо. В отличие от предыдущей их встречи, теперь он выглядел, как живой человек. Он не перестал быть худым и бледным, но его глаза перестали тупо и угрюмо топорщиться в одну точку, а его губы и щеки, даже в перерывах от еды, складывались то в улыбку, то в удивительную букву «О». Теперь Бром не только по мышлению, но и по поведению отличался от того Бруклинского Дьявола, валяющегося на ледяном асфальте в закромах человеческой сущности, в преисподние своего безнадежного сознания, скованного цепями ужаса.

— Доброе утро, Марина! Не хочешь пирожка?

Невероятно радостный по сравнению с прошлой ночью, он протянул ошарашенной девушке лакомый кусочек своего богатства.

— Уже 6 часов вечера, какое утро?

Марина под села к нему на лавку, приняв сердечный подарок из его руки с надетым кольцом.

— Я смотрю: ты зря времени не терял, не расскажешь, где добыл эту корзину?

— Да тут такое дело! Я заснул в беседке, а меня утром дети разбудили. Они добрые, их Дима и Наташа зовут. Они меня к маме своей отвели, в Терке, ты должна знать. Мы хорошо поговорили, поели, семейство дало мне пирожки, а я им обещание вернуться.

Бром неожиданно для себя понял, что использовал описанный Данте «каламбурчик».

— Говоришь: разбудили?

— Ну да, а что?

— Прямо руками?

— Да, вот такими.

Инфантильный дурачок с кудрявыми волосами вытянул руки, согнув пальцы, для наглядности миниатюрности детских ладоней.

— Ты не понимаешь, Бром?

— Что?

— Ты теперь можешь не носить рога.

Да, Бром был крайне тупой. Он был так расстроен неудачным суицидом, так увлечен детьми и так возбужден осознанием любви, что даже не заметил, как все его проблемы, в лице невозможности контакта с людьми и крайне ограниченного количества лиц, способных его касаться, исчезли благодаря этому кольцу.

Бром был и так противно для окружающих рад, а теперь его детская натура стала вовсе неуправляемая, так что промолвив тихим голосом: «И правда», он с торжеством крепко обнял Марину, как, если бы их команда заняла первое место в каком-нибудь соревновании.

— Это же и правда, хорошо!

Марина очень сильно хотела вырваться из этих дурацких объятий, но ни опьяненная хватка Брома, ни какое-то внутреннее желание не позволяли ей это сделать. Опять возможно. Возможно, она в первый раз почувствовала от кого-то тепло, возможно в первый раз ее кто-то так искренне и крепко обнял. Это ей тоже было трудно осознать за то приятное мгновение неожиданной нежности.

«Я люблю, ее, как Дима любит Наташу — значит, моя цель помогать ей, а точнее защищать, как это делает Дима. Да? Наверно, я все правильно понял»

Мысли обоих запутались и не хотели заканчиваться в отличие от объятия, прервавшегося через несколько секунд. Как ни странно, ни в обморок, ни в раздумье никто

не упал, они еще немного поговорили о вторичных вещах и направились в штаб с уже пустой корзинкой пирожков. Все было слишком стремительно.

..

На улицах потемнело, окна многоэтажных домов загорелись, а шум прекратился за исключением пьяной тусовки, раздававшейся откуда-то издалека. Оранжевые огни поблескивали на тротуарных полосках, износивших все видимые просторы. Все такой же унылый, но теперь как-то по-доброму, лик луны виднелся в бескрайнем скоплении разбежавшихся точек. Светящееся миллионами этих звезд небо было одним из главных достояний Сана, что было необычно для городов.

Две худые фигуры равномерно перетекали меж желтых световых полос, обсуждая планы на несуществующее будущее.

— Ты же теперь можешь ходить по улицам, ресторанам, кафе, магазинам — считай, весь мир открылся для тебя.

— Ага, а еще чт...

— Можешь завести новых друзей вне штаба, как те дети из Терки, устроиться на работу, завести семью, найти родственников, да ты можешь вообще больше не работать на Байрона, терпеть все эти мучения и боль, мучить...

— Самого се...

— Себя, и я об этом. Ох, как мы с тобой заживем, Бром.

— Как....

Бром знал, что она хочет сказать: «Как нормальные люди», поэтому специально замолчал после начала фразы, как и делал в течение всего диалога. Но Марина ничего не сказала, она посмотрела на Брома, поняв его трюк, и только улыбнулась в ответ такому вежливому жесту. Уже не возможно, а точно, в этой улыбке, в этом счастливом выражении лица Бром увидел настоящую Марину: чувствительную, напуганную и уставшую от всего этого девушку, он смог разглядеть то, что она, возможно и сама не заметила. Из-за этого Бром тоже улыбнулся не радостной, не натянутой, а именно смирительно счастливою улыбкой, как будто нарисованной на его не подходящем для этого сердобольном лице.

— Подними корзину, Бром.

Остолбеневший Бром заметил, что корзина в порыве их разговора выпала на асфальт, и его собеседница прямо сейчас еле удерживалась от смеха. Он удрученно пошел за упавшей вещью, пока Марина сдерживала свои злодейские мотивы осмеять неудавшегося переговорщика. Потянувшись за потерянной корзиной, Бром взял ее в левую руку, так как правая подло его предала.

Марина исчезла.

...

Байрон в бестелесной форме наблюдал, как его подопечный метался по ночному городу в поисках своей пассии. Зрелище было неутешительное: корзина тут же вернулась на прежнее место, оставшись на тротуаре, а Бром понесся по дороге, поворачивая попеременно голову в обе стороны. Он истошно орал: «Марина», и зачем-то махал руками.

Спустя 2 минуты беготни, он услышал протяжный женский вопль, доносившийся из переулка неподалеку. Он обнадеживающе помчался в ту сторону.

Там на протяжении всего этого времени девушку рассматривали два члена Лиги: Карл и Фридрих. Первый был высоким мужчиной с небольшой седой бородой, слишком спокойными для такой волнительной работы глазами и короткой стрижкой. Второй же

наоборот выглядел молодым, у него были черно-русые волосы с небольшой челкой, чуть ли не оранжевые зрачки и резвая походка. У стены сидела связанная девушка с самодельным кляпом во рту, сделанного из куска ее платья.

— Ты вообще тупой, Карл? Ты чуть не переместил сюда Дьявола! Черт, что нам делать, эта тупая дура еще и заорала. Нам еще надо доложить все Боссу!

— Все в порядке, я не думаю, что он нас найдет, мы закрыты в этом переулке, бежать нам некуда, но это не значит, что мы проиграли.

— Карл...

Похитители оглянулись в сторону прохода, ведущего с основной дороги.

Там стоял Бруклинский Дьявол, не Бром, недавно смеющийся с Мариной, его зрачки потеряли какую-либо жизнь, они лишь с мертвенной яростью уперлись в лица невезучих преступников. Кольцо угрожающе переместилось в карман, освободив невероятную силу Брома.

— А! Не подходи!

Молодой маг выпустил в Брома огненный шар, расплавивший все правое плечо и руку. Дьявол продолжал идти.

— Дико извиняюсь, Фридрих, я обязан так поступить.

Вторая потенциальная жертва неминуемой смерти устремилась в небо с бешеной скоростью, в мгновение, исчезнув из переулка.

Никогда сила Бруклинского Дьявола не была настолько неоспорима и могущественна, как в этот момент. Враг распластался в молящей позе у его ног, роняя слезы на холодный асфальт. Одно касание, и его жизнь будет отобрана, варварски похищена и растоптана, всего одно касание. Оставалось только довести уже движущийся палец до цели.

«Умри»

— Стой, Бром!

Марина кое-как выплюнула и без того хлипкий кляп и заорала что есть мочи.

Пустые глазницы Бруклинского Дьявола вопросительно уставились на перебившую его девку.

— Он враг. Я убью его.

— Нет, не надо, прошу! Не будь таким, не уподобайся им, Бром, Бром!

— Почему я не должен его убить? Я же защищаю тебя, оказываю помощь.

— Мне уже ничего не угрожает, отпусти его!

— Он сделал плохо тебе, а, значит, сделал плохо и мне. Я обязан его убить.

— И чем мне поможет его смерть?!

Дьявол исчез, оставив после себя онемевшего Брома. Маг заметил изменение в нападавшем и поскорее убежал из переулка.

«Убийство — не помощь. Как так? Все, что я могу делать — это убивать. Я не могу помочь. Почему бы мне его не убить, он же очевидно плохой, он схватил Марину. Разве Дима простил бы обидчиков своей сестры. Нет, почему я это сделал? Почему?»

Он одел кольцо на трясущийся палец и сел рядом с Мариной, он не понимал, что происходит — случившееся еще не переварилось в его глупой голове

..

— Так, ну это совсем дохляк.

Байрон презрительно смотрел на оторванную голову Фридриха, которую он держал за челку. Глаза застыли в форме ужаса, из горла и шеи прыскала фонтаном кровь, разукрашивая

не насытившееся лицо хромого мага.

— Посмотрим на второго.

Он переместился в другое место. Байрон стоял позади Карла, пытавшегося отдышаться после побега. Стояли они посреди какого-то поля. Скрытое убийство не входило в планы Байрона.

— Твой друг мертв, теперь твоя очередь.

— А, ты еще кто такой? Осторожно. Ух. У меня очень сильная способность.

Он отдышался после небольшой паузы, и его черты лица приняли прежний невозмутимо спокойный вид. Маги были готовы к дуэли.

Байрон появился за его спиной и тут же с молниеносной скоростью провел лезвием ножа по воздуху. Карл рывком оторвался в противоположную сторону, а клинок отбросило неведомой силой вбок.

— Хм, гравитация, значит.

Он сразу раскусил способность убийцы из Лиги и продолжил наносить такие удары. Апперкот, удар слева, правое колено, живот, голова, пах, спина — после движения ножа в каждую из этих областей Байрон находил лишь гравитационное сопротивление.

— Ты меня утомил.

Карл устремился в воздух, как он прежде делал это в переулке, и начал сжимать пространство. За секунду гравитация давило все под магом, Байрон же каждый раз, чувствуя минимальное давление исчезал. Трава усеялась оврагами, битва не имела логического продолжения — Карл не мог разом уничтожить Байрона, хорошо реагирующего на его силу, а тот, в свою очередь, не мог допрыгнуть со своей хромой ногой до левитирующего мага.

Наконец, хромой маньяк исчез и перестал появляться. Его противник был довольно опытен в боях, поэтому не понижал уровень внимания ни на секунду, игнорируя вражеский блеф. Минута за минутой, Карл глупо висел в воздухе, ожидая засады от Байрона.

В его затылок полетел шарик. Он с легкостью вонзил его в землю, впечатав тем самым в, и без того, поврежденную почву. Следующий шарик устремился в колено. А сразу за ним в грудь, голову. После в ногу. Бесчисленное количество маленьких предметов из неопределимого в битве металла с разных сторон, из абсолютной пустоты летели в Карла. Земля усеялась ими, шаров становилось все больше, а их скорость постепенно увеличивалась. Маг больше не мог спокойно сдерживать поток выстрелов, шары уходили в землю в миллиметре от его тела, еще один рост темпа, и ему был бы конец. Но шквал снарядов затих. Тишина восстановилась на поле сечи. Карл не потерял хватки, но слегка вздохнул. Именно в этот момент в его горло на большой скорости устремилась маленькая пулька. В порыве адреналина он запустил ее в землю, подняв огромный столб пыли, вызванной разрушительной мощью.

Перед Карлом стоял довольный Байрон, его глаза покрылись слезами, а на лице играла улыбка. Четыре невообразимо быстрых точки вонзились в летающего мага, оторвав ему руки и ноги, он понял об этом только после случившегося. Кровавая сопля, недавно хвастающаяся своей силой, больно грохнулась на ковер из металлических шариков, окропив поле боя невероятным количеством крови.

— Bravo, действительно, белисимо! Ты так долго держался! В награду я убью тебя не так медленно, как твоего друга.

С бешеной ухмылкой хромой маг занес кинжал над головой. Все мускулы лица Карла сжались в несоизмеримую маску страха. Не зная, что он делает, расчлененный маг

втарапился в землю и пронесся куда-то глубоко под почву, оставив Байрона без удовольствия.

— Ненавижу людей, находящих лазейку, когда я их убиваю. Черт! Твою мать! Черт!

Байрон забил головой по окровавленному ковру, сделанному его противником. Из лба уже текла кровь, хромым псих плакал и дубасил башкой по железной земле.

— Беги, Байрон.

Из неоткуда кто-то появился. Он нежно потянул Байрона, чье лицо было все в крови и слезах, тот жалостно посмотрел в лицо говорящего, как грудной ребенок смотрит на свою мать, и крепко его обнял. Кроме Байрона в поле никого не было.

Мир не спас красоту: Часть 1

Падал снег.

— Опять деревня.

По слоившимся снежным хлопьям шагал старичок в оленей шубе, скрывающей его престарелое чахлое тельце. На морщинистом лице уже совсем не сидели волосы, и только голова не стала овальной, чтобы завершить образ лысого мудреца. меховые сапоги еле-еле перетаптывали через кучи блестящего снега. Его глаза посветлели, став чуть ли не белыми, а фигура заметно сгорбилась по сравнению с молодостью. Хотя делал он одно и то же.

Падал снег.

Повсюду расстилались бескрайние снежные равнины, нарушаемые разве что редкими холмиками, да маленькими елочками, боящимися расти из-за мороза. Голубоватое небо и огненный шар из-за облаков вовсе спрятались от неприхотливого народа, черноватые домики которых оставались последним препятствием Кольца утонуть в пустом белом цвете, пожирающим всю неприязненную тьму.

Падал снег.

Старичок давно перестал замечать в этом просторе какой-либо красоты, терзающей поначалу его простодушное сердце. Холодом заволокло все ощущения, которые мог вызвать ледяной душ ландшафт, унесло прочь вместе с полужримой вьюгой.

Падал снег.

Сугробы кончились, и дед зашагал по натоптанным тропкам, оставшимся от жителей. Из ледяных шалашей, укрытых шкурами, доносилось лишь сухой кашель, да сопение — днем все спали. Только в одном из жилищ горел свет, чуждый обывательской белизне, и лилась струя дыма, окропляющая бездонное молочное озеро, устилающее небосвод. Из-под свода тканей, знаменовавших вход, не доносилось ничего.

Падал снег.

Внутри, на постели из всё тех же оленьих шкур лежал бледный мальчик. Он был русоват, невысок, одет в легкое песцовое одеяние, его руки были сложены на груди, глаза не открывались, а сузившиеся и потрескавшиеся губы пытались что-то пролепетать.

— Да.

Старик не протянул это в изумлении, или в огорчении, он, будто на что-то отвечая, кратко буркнул: «Да».

Он достал из закромы железную флягу, чем-то похожую на маленькую версию чайника. Необходимое содержимое уже было внутри, оставалось только разогреть. Старик не без труда присел у трескучего огня и, напевая себе под нос, поставил псевдо-чайник над бледноватым пламенем.

Падал снег.

Струйка зеленоватого дыма потекла из железной трубки, тщетно просачиваясь сквозь белую пелену холода. Старец налил лекарство в глиняную кружку с деревянной, стершейся за года ручкой. Болотная жидкость мерно разлилась по желудку юноши, не реагирующего на вставшего лекаря. Дыхание больного стало глубже, а кашель теперь разносился по хижине намного реже.

— Это все, что я могу сделать, Ник.

Старичок приподнял согрешшиеся шкуры и вернулся в холодную обитель снега.

Состояние полумертвой апатии не спало с деревни — на, как будто гнилые, хижины наваливались белоснежные мухи, а ветер неумолимо уносил чернеющие волны дыма на север. И, несмотря на все это...

Падал снег.

Непонятно, когда он начался, делал ли он вообще перерывы в своей бессердечной жатве, и как долго он собирался грести жизнь с Кольца. Снег падал, и это был самый плачевный из всех вариантов, способных настигнуть эти покинутые земли. Кольцо представляло собой подобие пояса планеты, но эта белоснежная ткань не укрывала плечи Земли, развиваясь плащом — это была постыдная повязка, закрывающая своим тощим раздавленным телом весь срам хваленного шара. Люди умирали, звери умирали, растения умирали — вся жизнь как таковая умирала. Ну а снег?

Снег падал.

Старичок заскрипел по шероховатому полю, перебирая меж сугробами своими окоченевшими ногами. По пути в деревню его сопровождал лишь голодный вой вьюги, но на дороге обратно, он что-то задумчиво бухтел себе под нос.

— Белой хвори все больше и больше. Мало что ли бед этой земле? Так скоро вся деревня помрет, а все равно, остолопы, не съедут, хоть на коленях стой. Как я приехал сюда, все уже было белым бело. А теперь что? Куда дальше? Эти детки бледнеют и бледнеют, срastaются с этим кровожадным снегом, превращаясь в белый мусор. А я ничего не могу сделать. Который год...

Под раздумья и изнывания старик добрался до избы, стоящей на заснеженном, как и все вокруг, холмике. Дубовые бревна крепко держались под напором стужи не одно десятилетие, защищая своего бессменного хозяина. Он с натугом отворил дверь и, постучав друг об друга сапогами, вошел внутрь. В умиротворенном пространстве стояла печь малинового цвета, стол синего окраса и зеленый диван. Краски всех вещей были абсолютно разные, переплетаясь в сюрреалистические узоры, и из всего разнообразия цветов в доме отсутствовал только белый. "Цвет смерти," — так посудил хозяин избы. Он уселся в желтоватое кресло рядом с диваном и, как это свойственно пожилым людям, увлекся воспоминаниями, погружаясь в безграничные просторы накопившейся жизни, сложенной в одну кучку на этом потертом кресле.

— Дико извиняюсь, Достоевский, могу ли я с тобой поговорить?

Неожиданно для задумавшегося старика у входа объявилась немолодая дама. Она была очень высокой, сохранившей к 40 годам безупречную осанку печальной женщиной, по крайней мере, она так выглядела. Ее немного поседевшие каштановые локоны волос спадали из-под шапки на круглые плечи. На овальном лице томно вздыхали два широких глаза, с опустившимися, будто в знак смирения, желтоватыми зрачками. Под ними самими не образовалось постыдных для женщины мешков, но зрачки все равно настолько впали, что, казалось, вот-вот выпадут из опущенных глазниц и разольются по полу, как горькие слезы. Помимо этого картину дополняли узкие губы и такой же неширокий подбородок, укрывающий короткую шею. Сама по себе она была очень худа, одета в серую шубу без каких-либо сумок или карманов.

— Конечно, что тебе надо, Мэ...

— Мэри, тебя уже совсем подводит память, неужели я настолько неважна для тебя?

Ему хотелось сказать «да».

— Нет, что ты, в мои годы и собственное имя забудешь, что уж твое. Ты лучше присядь,

побеседуем.

Она опустила на диван, устало сложив на коленях руки. Все ее движения были необычайно плавные и не хаотичные — каждый смотрящий не заподозрил ни одного непредугаданного движения в ее походке. Как и не заподозрил бы, что она глава Лиги и член Селекторов.

— Тебе уже говорили про Байрона?

— Да, слышал.

— Собираешься его убивать?

— Придет — подеремся, а так зачем? Мне нынче не до путешествий.

— Опять что-то с жителями?

В ответ он угрюмо молчал.

— Сколько ты о них уже печешься, не всю ли жизнь? Сочувствую я и тебе и людям твоим, что им судьба уготовит после твоей смерти, только Бог один и знает.

— Да, только Бог.

Наступила пауза. За окном молочное небо стало сереть, предвещая близкую ночь, что не было удивительно для здешнего края, хотя время не доползло и до 5 вечера.

— Я побуду пока в Кольце, Достоевский, хорошо? Я пока у себя посижу, к тебе лезть не буду — у тебя свои дела, а у меня свои.

— Я не против, живи сколь душе угодно, на Кольце свободного места много.

Он иронично подчеркнул особенность этой злосчастной пустыни, отчего по сердцу заскребли кошки, а тело вновь захотело тишины.

— Ну, я тогда пойду.

Старик уже не слушал уходящую даму, откинувшись на кресле, воображая его бывший облик, физиономию этой вульгарной женщины и их общие злодеяния.

— Привет, Федор, я как посмотрю, я уже не первый в твоей опочивальне?

У порога стояла уже другая, более молодая фигура — это был Байрон.

— Зачем ты ко мне пожаловал, Бай...

— Я думал ты прикидываешься, но походу деменция не обошла стороной и тебя, как дела, старик?

— Ты пришел убить меня?

—

—

— Да. Твое участие в охоте крайне для меня опасно, извини, Федор, но я не могу оставлять тебя в живых.

— Давай хоть выйдем.

..

Два мага стояли напротив друг друга у избы Достоевского. Он одел свою прошлую шубу, в то время как Байрон стоял в описанной еще в Сане одежде.

— Перед началом, Байрон, я бы хотел сказать, что. Снег.

Тело старика мгновенно распалось на малейшие снежинки и разнеслось по ветру. Хромой дуэлянт ошарашенно смотрел на финал самой быстрой драки в его жизни. Он весь трясся и плакал, но Федор этого уже не видел.

..

— Учитель!

В нескольких километрах от деревни, меж еле проглядных елок, радостно покрикивал

молодой юноша. На его бледном лице светились едва заметным блеском два карих глаза, и густые черные брови, дергались вверх вниз, будто пытались стряхнуть снежинки, рассеящиеся по волосам, как кусты по лесу. Несмотря на холод, он не носил капюшона, и поэтому мороз обдувал его черноволосую едва заросшую прическу, представляющую из себя короткое скопление волосков, что даже не могло классифицироваться в парикмахерских. У него была энергичная и подтянутая фигура, стремительная походка и звонкий голос, что для его возраста не было удивительно. Посреди снежных топей, рядом с самодельным столбом, сложив голову на землю и не заваливаясь на бок, лежал олень с красным пятном на шерстяном боку. Это больше походило на краску, чем на кровь.

— Подождите, сейчас все будет!

Юноша нервно перебирал ладонями в воздухе, будто за что-то цепляясь. Это выглядело бы крайне глупо, если бы не собирающаяся из горстей белого песка фигура сгорбившегося старика. Снежинки сплетались воедино перед взором мага, скрепляясь в подробную физиономию. Наконец, фигура была готова, а юноша уже формировал новый объект. Мельчайшие частички замороженной воды, лежавшей повсюду, сдавливались в его руках, преобразуясь в прочную ледышку. Спустя 15 секунд ледяного воздушного вальса в руках мага зиял полупрозрачный кинжал с удивительно острым лезвием. Он подошел к оленю и метко перерезал ему толстое горло. На белом поле разлился красный неприятель. Кровь потекла по снегу, вдавливаясь в его глубины, пробираясь к запертой почве.

В следующее мгновение ледяная фигура старца испарилась, оставив на своем месте живого человека с такими же чертами.

— Спасибо, Джек. Не зря я тебя тренировал.

— Благодарю за похвалу, учитель!

Перед Федором Достоевским стоял его ученик, а также член одного из магических штабов — Джек Лондон.

Воскресший старик провел трясущимися пальцами по своему лицу, после чего на месте Федора уже стоял совершенно другой человек. Перед Джеком выпрямилась молодая девушка с рыжими распущенными волосами и умиротворенным взглядом, она была чуть ли не карликом, фигура была очень худой, но до уродливой ей не хватало безобразия лица, что-то в ее взгляде притягивало, манило к себе своей глубиной и таинственностью. Женщина обернулась к замороженному юноше и заговорила слегка певучим голосом

— Отныне я буду выглядеть так, Джек. Времена нынче тяжелые, не хочу подвергать никого из Кольца опасности своим присутствием. Байрон подумает, что я мертв, а вместе с ним и все остальные. Наконец-то я покинул хотя бы один порочный круг моей жизни.

— Да. И куда мы сейчас, в штаб нам нельзя идти, там узнают, что вы живы.

— Есть одно место, Джек, я его тебе еще не показывал, пойдём. Девушка помахала рукой в каком-то направлении и поплелась с неестественной для ее возраста походкой.

..

К счастью, способности Федора и Джека не являются тайной или достоянием общности, так что их можно преспокойно раскрыть.

Первый из них — один из членов Селекторов, вступивших чуть ли не случайно, исключительно из-за своей мощи. Сам Федор был обычным сыном рабочего и ткачихи, жили не бедно, ему досталась невообразимая для заработка средств способность, но он променял ее на помощь слабым.

Его магия лаконично знаменовалась «Красотой», суть ее была в изменении материи

путем прикосновения. Говоря проще, коснувшись до слитка меди, он превращал его в золото, гору снега в песок и так далее в бесконечной вариации возможных комбинаций. Тем не менее, суть его изысканий, а именно изменение Кольца, было невыполнимо. Он мог превратить весь снег материка в почву одним прикосновением, но от этого не было толка, так как тучи продолжали заметать окрестности и уничтожать все старания Достоевского.

Говоря о трюке, который он применил в битве, маг на протяжении многих лет представлял как материализовать духовный мозг. Проще выражаясь, любое тело имело душу, что было наглядно приведено в примере с Говардом, и эта субстанция оставалась в мире на протяжении недели, а после исчезала навсегда. К сожалению, это была не последняя возможность человека посмотреть на своих близких, а тупое условие, что выражалось в отсутствии каких-либо поступков со стороны душ, фактически, у них абсолютно не было разума и какого-либо мышления. Через ужасные ухищрения, что не уместились бы в моем рассказе, он создал духовный мозг и прикрепил к своему телу, тем самым гарантируя разумность своей души. Таким образом, он создал первый астральный механизм, а после изобрел еще несколько, позволяющих ему в форме души вселяться не только в свое тело. Если уж говорить о снежной фигуре, то душа сохраняла способности физического тела, соответственно, снег превратился в кожу и плоть, став новым сосудом для его престарелого сознания. И несмотря на все вышеперечисленные ухищрения и открытия, самым невообразимым его достижением была абсолютная секретность, что и вызвало панику Байрона, воспринявшего это явление, как суицид.

Джек Лондон, в свою очередь, родился непосредственно в Кольце и умел управлять снегом. Несмотря на низкое положение в магической иерархии он знал о Селекторах, убийствах и тайне Федора, в которой сам принимал участие.

Таков был дуэт оторвавшихся от основного конфликта магов, задумавших как-то исправить неудавшийся материк.

..

— Опять деревня.

По слоившимся снежным хлопьям шагала низкая девушка в оленей шубе, скрывающей ее неказистое бледное тельце. Румянец уныло тускнел на замерзших щеках. меховые сапоги еле-еле перетаптывали через кучи блестящего снега, хотя сидели на довольно здоровых ногах. Ее глаза потемнели, став чуть ли не черными, а фигура заметно выпрямилась по сравнению с вчерашним днем. Хотя делала она одно и то же.

Падал снег.

Шероховатые клочья особенно разъяренно налегали на белоснежные поля в этот день. Даже столбы густого черного дыма, изрыгающиеся из деревни, метались между серым и белом оттенком, расчерчивая на небе вскакивающие темные молнии, разрывающие пустоту горизонта. Вся оскорбленная и обличенная ранее белизна с новой силой обрушилась на и без того однообразные просторы Кольца, тем самым чрезвычайно потревожив шагающую девушку.

Падал снег.

До деревни осталось несколько шагов, потихшие хижины также изнывают кашлем и сопением, но громких кряхтений не доносится из одного из жилищ. Шубы у входа так замерзли, что не гнутся вовсе, их приходится поднимать за нижний край и протаскивать над собой, осыпая себя запыленным снегом. Костер потух.

Тупые серые угли раскинулись по каменной пластине, изображая трупов. На полу

раскиданы щепки от стоявшей недавно стопки дров, несколько полен лежит в углу, безысходно взирая на комнату. В воздухе нету того мороза, что гуляет на улице. Нет. Это мертвенный холод, убогий, раздирающий внутренности и сцепляющий их в замерзшую точку ужас. Он охватил своими белыми щупальцами всю комнату, обложил своими смердящими морозом потрохами полы и стены. А сам он засел на лице. Лице того самого юноша, который недавно принимал лекарство от Федора.

Его бездыханные глаза захлопнулись, рот остался открытым, поглощая вьющиеся в комнате снежинки, а брови немощно расплылись по лбу. Его лицо побледнело, превратилось в один овальный снежный ком, готовый вот-вот облокотиться на пол, сорвавшись с отошавших плеч. Юноша лежит смиренно, как солдатик в могиле, скрестив руки на груди и выпячив ноги.

— И тебя холод прибрал, Ник. И тебя. Ты единственный, кто меня послушал, что уходить сюда надо. Вот. Не дошел.

Женщина пытается собрать растрепанные волосы юноши в челку, сместив их одним движением ладони, но локоны непослушно торчат на одном месте, как шкуры при входе. Они тоже замерзли.

— Что я не делаю. Как я не стараюсь, кто-то уносит ваши жизни с собой, кто-то измывается надо мной. Над красотой. Над жизнью...

Федор в женском обличии сидит у трупа, из его глаз медленно вытекают слезы, неумолимо превращающиеся в малюсенькие ледышки. В комнате пусто, тишина поглотила ее границы. А на улице бессердечно, бессовестно, злорадно, высокомерно, подло, мерзко...

Падал снег.

— Ступай, мой друг. Ты родился частью этого уродливого места, ею и останешься навеки. Надеюсь: среди неумолимых вьюг, бешенных метелей, кровожадных снегопадов ты отыщешь меня и одаришь бесценным теплом, что я не смог тебе дать, пока ты был еще жив. Ступай.

Девушка все это время унылой походкой выносила мертвеца из хижины. Белизна под ногами, перед глазами, над головой — повсюду окружала их странные фигуры. Это выглядело так, как будто кто-то там, на небесах включил волшебный кран, усеивающий этот мир, и забыл его выключить. Еле заметное из-за бывалой желтизны солнце сегодня окончательно слилось с небом.

Достоевский приподнял юношу, и его мертвое тело распалось на мельчайшие снежинки. Они понеслись вместе с бегущим ветром и улетели далеко за отсутствующий горизонт. Вихри белых точек разметались по земле, смешавшись с пресловутой белизной. Красота окончательно умерла в этот момент.

..

— Наша следующая цель — Крапогорье. А дальше на запад.

— Зачем, Учитель?

Достоевский с Джеком обсуждали что-то за дубовым столом, на котором лежала огромна карта с черными пометками. В избе стоял кирпичный камин, кровати и шкаф с вещами Федора. Кроме нескольких свечей больше ничего в этой пустоватой узенькой комнате не было.

Это помещение располагалось в подземелье, невероятно глубоко под землей. В обычных условиях, никто и вовек не нашел бы в абсолютно засыпанном Кольце хоть какого-то объекта, напоминающего пещеру, так как все возможные ходы давно закрыло. Тем не менее,

Достоевский был не обычным человеком, поэтому ему удалось кое-как найти и обустроить одну из них, заблаговременно проведя обширный туннель сквозь пучины снега. Девушка стояла в привычной шубе, но теперь волосы были заплетены в косу, чтобы не вызывать подозрений своими растрепанными локонами.

— Я многого еще не рассказал тебе Джек. Хм. Я думаю, время настало. Видишь ли непрекращающийся снегопад и Белая хворь только первые составляющие ужасов Кольца. Одной из других основных проблем являются упыри.

— Вампиры?

— Нет, скорее, магические звери, но бывает, что они рождаются и кровососами. По тамошним легендам некий бог Льюис «рождает из-под своей длани тварь мирную, а из-под левой руки тварь страшную». И делает он это на протяжении нескольких тысяч лет, что особенно ужасно. Упыри — звери, представляющие из себя совершенно невероятных существ, обладающих неповторимыми свойствами, на родине магическим. Они настолько идентичные, что один и тот же вид упыря появляется раз в 150 лет, опять же, все по этим мифам. Они появляются непонятно откуда и распространяются по всему материку либо удивляя, либо уничтожая поселения. Где очаг их формирования, и жив ли вообще Льюис — главный вопрос на сегодня. Я обошел приблизительно две трети Кольца, но их количество, как на зло, нигде не выделяется.

— Странно, я родился в деревне, но ничего об упырях не слышал.

— А как ты думаешь, откуда в ваших лесах олени?

— Вы превращали приближавшихся монстров в мирных животных, Учитель?

— Да, Джек, поэтому перед нашим уходом следует также придумать, как защитить поселение от набегающих упырей.

— Да, надо подумать. Надо.

— И еще...

— Что?

— Теперь зови меня Соня, нельзя, чтобы кто-то хоть на мгновение заподозрил нас.

— Хорошо, Учи...

— ...

— Понял, Соня.

И каждый погрузился в работу в преддверие новых проблем, осыпающих их, как надоевший всем снег.

Карл донес себя до временного лагеря Лиги, используя гравитацию. Он сжал свои кривые обрубки гравитацией, чтобы остановить кровотечение, но капли его жизни неминуемо вырывались из его тела, окропляя пролетаемые территории.

Тело Карла с грохотом влетело в окно небольшого дома, разбросав кровавые осколки по полу. Вопреки его ожиданиям, на звуки никто не отреагировал, хотя это место не так давно было забито людьми. В углу потерянно валялась табуретка, а рядом лежала какая-то записка, кем-то тщательно скомканная. Воздух забился чем-то тяжелым, а свет неравномерно раскидывался по коридорам, игнорируя отсутствие нуждающихся в нем.

Раненый маг отбросил себя в сторону и вмялся в бетонную стену, отчего из его рта вырвалась красная лужица вперемешку с коричневатой рвотой. На оценку сил для перемещения не осталось времени и сознания, все, в чем он нуждался это в записке. С заплаканным, сопливым и облеванным лицом он с нескольких попыток разложил проклятую бумажку своим разбитым во время перемещения носом. Его задерганные зрачки еле различали текст, веки пытались в последний раз закрыться, но он держался из последних сил.

«Вы были приманкой, как только нам доложили, что Байрон здесь, мы ушли. Если это действительно кто-то читает. Ты везунчик.»

Ему захотелось сжаться в комок или обрушиться кулаками на пол, но ни рук, ни ног у него не было. Он просто плакал и истерически посмеивался в пустом помещении. Все что у него осталось — жалкая, избитая надежда.

И она себя оправдала...

..

— Сострадание? К убийцам? К врагам? Не убивать? Польза? Не понимаю.

С того момента, как неудавшиеся похитители сбежали, прошло от силы 30 секунд. Бром опустился в привычную для него безысходную позу, выученную в переулке Бруклина. Он схватил себя за колени и уперся тупым выражением лица в противоположную стену, будто высматривая там ответы на вопросы. Еще немного слюны сочилось из его рта после разъяренного всплеска души. Первого всплеска.

Рядом стояла потрепанная Марина, она дергала разворошенными волосами и на взрыде спорила с забытым магом.

— Бром, не надо убивать всех, кого ты называешь врагами...

— Почему?

— Разве есть польза от их смерти?

— Они не нападут еще раз.

— А если они не будут нападать?

— Будут. Человек умеет помнить, умеет мстить, постоянно хочет убивать.

— А тебе самому нравится такой человек?

— ...

— ...

— Если нет, то мне не нравятся все люди, а это не правда.

— Кто из твоих друзей убивает?

— Байрон, Данте...

— А я?! Ты мне скажи, те дети! Они кого-нибудь убили?!

— Я их почти убил.

— ...

— Я убил маму, убил папу, убил несколько детей в приюте, убил много бандитов в Бруклине, убил уже несколько магов, чуть не убил тебя.... Либо все люди убивают, как и я, либо я не человек. Если это так, скажи: кто я? Я должен умереть, если я убиваю, да? Я не человек, значит я скот — я должен стать вашей пищей, вашим объектом для мучений, кем я должен стать?

— Будь самим собой.

— А кто я сейчас? Как мне это понять? Как?!

— Несколько минут назад ты был Бромом. Неразговорчивым веселым парнем, спасшим мою и не только жизнь, пожертвовавшим собой во благо других, добродушным мальчиком, подружившимся с детьми в парке. Ты был человеком, Бром. Но не минутоу назад, когда твои глаза наполнились гневом, и ты был готов без разбора забрать чужую жизнь.

— ...

— Ты не можешь не убивать. Это неизбежно. Тебе придется кого-то защитить. Но, прошу, если есть возможность, не убивай! Спаси даже того, кто не достоин этого! Эти люди могли меня убить, я была другом их врага — их врагом! Но если бы они это сделали, сидела бы я перед тобой?! Были бы они живы?! Добро не оборачивается злом, так может казаться, но в итоге все рассудится в твою пользу! Пойми меня, Бром!

Разгневавшись, она схватила его за худые плечи и поставила на бетон. Его глаза не выражали замешательства, он до сих пор был сбит с толку и морально полумертв. Марина со всей силы прижала усталого мага к себе.

Мысли в его голове закончились, испарились. В первый раз, непонятно от чего, из глаз потекла непонятная для Брома соленая жидкость. Беззвучно плача, он положил голову на женское плечо и уснул с улыбкой.

— Довольно, неудобно.

Это сказала не Марина, глядящая пепельные кудри юноши. У переулка стоял Байрон. Когда он только он появился, его глаза с сумасшедшим блеском дрыгали из стороны в сторону, но его выражение переменилось после увиденного. Посреди переулка сплелись две жалкие фигуры, сбрасывая на асфальт продолговатую тень. Это было слегка неловко видеть такое спустя недолгое время их общения, но, все равно, это выглядело необъяснимо естественно и уютно, как будто обнимались брат и сестра, знающие друг друга всю жизнь, а не едва совершеннолетние маги с периодом общения в два дня.

— Тщщщ. Пойдемте.

Марина приложила палец к губам.

— Может, дашь мне, я...

— Нет.

В этих непривычных для нее словах прозвучала необычайная строгость, что даже Байрон слегка испугался.

Он отошел в сторону, скверно размышляя, и направился в штаб вместе с девушкой, несущей на плече молодого парня.

«Ласкай его, сколько влезет, мы уезжаем.»

..

— Вернемся к разговору о твоих сотрудниках.

— Что, Джордж?

Бальзак развалился на своем кресле, попивая теплый чай. Байрон успел переодеться в чистую одежду и вымыть нож, хранившийся в кармане от крови и прилипших кусков сухожилий. Была глубокая ночь, Бром с Мариной уже были в спальнях, а главы штабов решили устроить дружеское чаепитие. Луна будто и не светила в их окна, лишь лампочный свет озарял комнату.

— Я говорю, о сотрудниках твоих хочу поговорить.

— А что там спрашивать, ты вроде всех знаешь.

— Марина.

— Да она и не член штаба, ассистент.

— Не суть. Кто она?

— Ой, да что ты пристал?! Ну, пришла к нам девка местная, просится в штаб, «хоть кем-нибудь,» — говорит. Ну а что, монстр, пустил.

— Она хоть маг?

— Типо.

— Типо?

— Я могу ее магию использовать, а она нет, да я и условия толком и не знаю.

— Покажешь?

— Ах. Чего не сделаешь ради старого друга.

Бальзак выхлебал всю кружку и, выйдя из-за стола, принял статичную расслабленную форму, будто в комнате никого и не стояло. Он неожиданно приосанился, приподнял ручки, скрестив их на животе, и плавно вытянул одну из них в сторону стоявшей рядом тумбы. Из кончиков пальцев вырвался серебряный луч в форме полумесяца и насквозь пронзил мебель, раскроив ее на две части, которые с небольшим стуком упали на пол.

— Что-то у тебя в бригаде одни пулятели.

— Не свезло, что поделаешь.

Бальзак принял свою прежнюю растёкшуюся позу на кресле и прильнул губами к новой кружке чая.

Чтобы не сеять у вас панику, я объясню показанную одним из Селекторов способность. Оноре де Бальзак назвал ее «Тысячи лиц». Путем имитирования чей-либо походки, он на время позирования приобретает все навыки этого человека. По сути, если он скопирует походку Брома и всегда будет ей придерживаться, он приобретет и бессмертие, и возможность убивать либо воскрешать кого-либо. То же самое с Байроном, Гегелем, кем угодно. Бальзак был необычайно силен, но он копировал лишь магические способности. Если бы он использовал способности того же Федора Достоевского, попробовав превратить себя в снег, он бы просто убил себя, не зная об астральном устройстве, и не владея духовными механизмами.

— А почему, спрашиваешь, Джордж, надо убрать?

— Ты как всегда проницателен.

—

— Неделя, и она мертва, Оноре, или я сам ее убью, мне не тяжело.

— Она плохо влияет на твоего напарника?

— Да.

— Понял, не в первой, отсутствие агрессии с твоей стороны в такие времена и походка Брома. Ты оплатил ее жизнь сполна.

Последние фразы были прекрасным поводом злостно улыбнуться, но милостивый Бальзак так никогда не делал.

..

«Мы так неожиданно расстались»

Бром смотрел в окно самолета, улетающего из Сана.

«Сердце жмет. Наверное, это тоска. Только и успели, что сказать: «До скорого». Эти дни были важны для меня. Не зря остановились. Я понял, что такое «любовь», что такое «сострадание», завел друзей: Марину, Диму, Наташу. Когда я снова их увижу? Снова тоска. Скорее бы назад.»

Байрон нервно менял ноги в позе «бизнесмена», восседая на тканевом кресле. Он оглядывался по сторонам, осторожно изучая пассажиров, которые из себя ничего опасного на вид не представляли. Несколько неугомонных мальчишек, стучащих ногами в передние кресла, какие-то пухловатые мужики в деловых костюмах и с чемоданчиками, бабулька, кричащая на стюардессу. Что-то не так.

Тем временем мысли Брома набирали обороты.

«Может мне и правда покинуть штаб? Остаться жить в Санае с Мариной, детьми. Остаться без этой суеты. Без хаоса, боли. Пока у меня есть кольцо, все хорошо. Действительно...? Действительно ли Байрон мой друг? Я никогда об этом не думал. Он не сказал: куда мы идем, зачем все это, не объяснил мне ничего, что так четко выдала Марина, не помог мне в изучении моей магии. Использует меня, как отвлекающий прием в битве. А зачем...? Зачем я ему вообще помогаю?»

— Бай...

Он не успел произнести решающий вопрос, как Байрон закрыл его рот вспотевшей ладонью. По борту самолета расхаживали люди с автоматами, все сидели на местах и боялись пошевелиться.

— Бром, не дергайся, если на нас нападут, из-за способности я выпаду из самолета. Не привлекай внимания или нам конец.

Он испуганно прошептал это Брому после чего принял прежнюю позу, взяв в руки журнал из сетки на кресле. Мужики тыкали в лица пассажиров стволы. кого-то выискивая. Они были в банданах и кожаных куртках, лица были прикрыты масками. Где-то позади раздалась автоматная очередь.

— Идиот, это не он, ищи дальше!

Кто-то удрученно отошел от кровавое продырявленного трупа и направился дальше меж кресел. Боковым зрением Бром и Байрон заметили, как резиновые черные сапоги вышагивали рядом с ними. Бандит взглянул на Брома, а потом на Байрона. Он двинул бровями и сощурил глаза, после чего пошел дальше спокойно вздохнув. Но это было уловкой. Тут же по хромому магу открылся огонь со всех сторон, сиденье усеялось дырками, а сам маг исчез.

Остался только Бром. Он потянулся было, чтобы снять кольцо, но точный удар приклада ему в висок остановил мага. Потерявшего сознание юношу схватил лысый мужик и протащил его в туалет. Все нападающие повесили оружие на спину и зашли внутрь сортира, и, как не удивительно, ни на борту самолета, ни в туалете их больше не видели. Все произошло чрезвычайно быстро.

..

(Следующий фрагмент содержит жестокие сцены насилия, поэтому лицам не готовым

это читать, лучше пролистать до следующих точек, знаменующих конец фрагмента. К сожалению, этот момент, действительно, нужен для сюжета. Извиняюсь. Краткое содержание фрагмента сразу после него самого)

..

—

— Ты проснулся, Бром? Скажи что-нибудь.

—

— Шутка, у тебя во рту кляп. И глаза твои связаны, как и руки, чтоб ты знал. В моей комнате много вещей, очень интересных и веселых и знаешь... Я хотел бы, чтобы ты их проверил.

—

— Меня зовут Карл Маркс, совсем недавно мы виделись с тобой в переулке, помнишь? Вряд ли. Твой друг оторвал мне все конечности, оставил меня одного, брошенного и покинутого, но я нашел друзей, меня исцелили, вот — я машу руками и стою на ногах, а рядом верный товарищ и помощник.

— Да.

— Ты не нравишься мне, очень. Но причина всего того, что тебя ждет вовсе не в этом, нет. Ты узнаешь об этом после, а теперь начнем! Хм, я не объяснил, что именно сейчас будет. Видишь ли, в развалинах я нашел интересный журналчик, точнее статейку «10 самых жестоких пыток и казней человечества», и знаешь, так захотелось их опробовать, что мой друг уже доставил все нужное оборудование. Конечно то, что требует большого количества времени, мы оставим на потом. Наша программа начинается с распиливания. Она была очень популярна по отношению к ворам и богохульникам, жертву подвешивали вниз голову, чтобы из-за притока крови к голове он долго не умирал, и пилили пополам. Начнем.

Зубчики прошлись по голому паху Брома. Они спокойно разрезали плоть, разрубая мясо и двинулись дальше. Рваные движение кромсали все на части. Правая часть мочевого пузыря шлепнулся на пол, издав булькающий звук, ноги неистово задрогались в нестерпимой агонии. По лицу потекли слезы, а глаза под повязкой краснели, чуть ли не вываливаясь из орбит. Юноша издавал бешеные вопли, приглушающиеся кляпом. Ошметки живота кашей копились на ножовке после чего падали на пол, образуя кроваво-коричневые лепешки, ноги потеряли всю кровь, а грудь затряслась в бешеных конвульсиях. Наконец зубчики пересекли сердце, разорвав красный мешочек на кровавые тряпочки, разлетевшиеся по изнеможенному лицу Брома. Пила остановилась и отошла в сторону, давая Брому шанс на восстановление.

— Интересно, но это лишь только начало не раскисай так рано.

Плоть сплелась воедино.

— А ты быстро восстанавливаешься! Не зря я сказал делать все долго, но не слишком. Да. Бром, а что ты знаешь про дыбу? Она состоит из деревянной рамы с четырьмя веревками: две прикреплены к низу и две привязаны к ручке вверху. Когда палач поворачивал ручку, веревки натягивались, увлекая за собой руки жертвы, в результате чего ее кости вывихивались с громким хрустом. Если палач продолжал поворачивать ручку, то конечности просто отрывались от тела. Весело, не правда ли? Эй, ответь не будь таким скучным. Снимите кляп!

Его рот освободился, а тело уже перетаскивали на какую-то плоскость.

— Отпусти ме....

— Заткнись, я не для этого дал тебе право голоса. Начинаем.

Ручка с противным скрипом начала крутиться, веревки потащили конечности Брома в разные стороны.

— АААААААААААА!!!

Вены сильно набухли, изукрашив руки Брома, глаза вновь облились кровью. Кожа, как жвачка, растягивалась, оставляя отверстия, открывающие вид на красное мясо. Ступни свернуло вниз, по комнате раздался громогласный хруст костей, после чего обвисшие пальцы тупо откинулись вниз, покачиваясь в ритме воплей жертвы.

— АААААГХ! ГХЫ! УХ! ААААААА!!!

Ткани мяса медленно расползались, выпуская гейзеры алой крови, кожа свернулась в несколько слоев на оставшихся участках. Кости дробились и дробились, разносясь треском сквозь ор Брома. Наконец, его руки не выдержали. Они с треском оторвались, рассыпав накопившиеся в них косточки по полу. Кривые куски кровавой ткани никак не напоминали человеческое тело.

— Ого, каждая новая пытка интереснее предыдущей. Даже не знаю, что выбрать. Про грушу то, ты, скорее всего, знаешь. Это замечательное приспособление использовалось для пытки женщин, сделавших аборт, лжецов, богохульников и людей нетрадиционной сексуальной ориентации. Инструмент, по форме напоминающий грушу, засовывался в одно из отверстий жертвы: влагалище женщины, анус гомосексуалиста, рот лжеца или богохульника. А ты у нас — комбо! Жаль только отверстия у тебя всего два, столько груш мы, пожалуй, и используем. Начинаем, маэстро!

Два холодных железных штырька коснулось губ и ануса Брома.

— Не на....

Его глотка уже была занята железным прибором, как он не пробовал его вытолкнуть языком. Винт яростно закрутился, и пластины в обоих местах начали расходиться.

— АААААААААААА!!!

Бром мог свободно кричать, так как его щек уже не было. Кожа медленно порвалась от самого уголка рта до скул, оставляя кровавые свисающие ошметки и рваную улыбку на юношеском лице. Этот рваный лик дергался от боли, тем самым разбрасываясь кусками плоти. Из таза уже капала кровь, послышался хруст костей — это сдвинулась челюсть: зубы повывлетали с кусками десен, а подбородок резко сместился вниз, упав на трясущийся кадык. Ягодицы были разорваны, будто в них ковырялись ложкой и черпали мясо, а на месте их схода кожа также ужасно порвалась.

— Не дурно, продолжим наше веселье завтра. Для тебя, Бром, я выдам домашнее задание. Ребята!

Изуродованного, хилого, трясущегося Брома поднесли к деревянному кресту.

— Это, наверное, одна из самых известных пыток, но знаешь, в ней не хватает мучений, мы с друзьями решили ее усовершенствовать. Для начала, вобьем гвозди мы не только в руки.

Толстые железные гвозди с 3–4 ударов вбили в каждую руку, шею Брома и живот. Из рта потекла кровь и рвота, в то же время он орал и пытался инстинктивно зачерпнуть воздух, отчего рот, как слюнями, разбрасывался своими внутренностями

— Ты же у нас живучий, и это переживешь! Но это не главное, вместо венка кое-что другое.

Голову юноши что-то невероятно больно прожгло, окропив черепушку и пустив по лицу

струйку крови, затекшую ему в булькающий рот.

— Над тобой 5 литров раскаленного железа, было бы прикольно вылить все сразу, но это потеряет смысл, так что 1 капля в минуту! Твоя цель, чтобы железо в котле кончилось. Это примерно 42 часа, удачи!

С этими словами, Бром остался один в подвале заброшенного здания, находящегося глубоко в лесу. Боль потирала свои лапки, готовясь разодрать нашего героя на части, а он не мог и пошевелиться, чтобы дать мучениям отпор.

..

(Для тех, кто пропустил: Карл Маркс излечился и нашел новых друзей, пытал Брома и оставил его в подвале неизвестно где)

..

Карл опустился на серое кресло, за большим столом в умиротворенных позах расположились несколько магов.

По правую сторону от него сидел невысокий худощавый мужчина с всколоченными короткими волосами, большими мешками под карими глазами и широкой улыбкой. Его звали Эрнст Теодор Амадей Гофман, он был заместителем и правой рукой Карла. Его способностью являлось создание порталов, что хоть и было примитивно, но крайне полезно. Благодаря ему Бром и попал в это злополучное место.

Сам Карл совсем недавно умел перемещаться вертикально и горизонтально в пространстве за счет усиления либо послабления гравитации, оказываемой на него Луной и Землей, из-за чего нормально он мог действовать только ночью. Во время схватки он молниеносно раскрыл свою лазейку, хотя она, по сути, лежала на поверхности. Он мог менять гравитацию того же Солнца, Сатурна, Меркурия — бесчисленного множества планет во космосе, тем самым перемещая уже не только один предмет в 4 направлениях, а бесконечное количество вещей во всех векторах.

Оказалось, что в ту ночь Мэри Шелли отправила довольно много отрядов на поиски Брома и Байрона. В схватке с последним погибло порядка 17 магов, остальные 6 сейчас сидели в помещении.

— Господа, Бром у нас. Я обеспечил ему прекрасное времяпрепровождение в нашем подвале. Надо думать, что делать дальше.

— Убить Байрона.

Положив ноги на стол, среди них развалился лысый мужик с мускулистым телосложением и грубыми чертами лица.

— Ты его убьешь?

— Мы все, по-моему, мы достаточно сильны, особенно ты, Маркс.

— То есть ты считаешь, что надо использовать Брома не как мечь, а как приманку для этого ублюдка?

— В точку, Эрнст.

— Хм.... Как только он появится, телепортируй Брома куда-нибудь, Бруклинский Дьявол лишь придаст мощи нашему противнику.

— Приготовить лагерь?

— Да, стройте укрепления и готовьтесь к битве, этот маньяк не заставит себя ждать. Наша цель — убить его либо вывести на север, там его ждет неминуемая смерть.

— Ты нашел еще одного союзника?

— Со мной связался Неизвестный, он организовал охоту на Байрона. Это отличный

шанс, как для нас, так и для него — убить этого психопата одним махом.

— А что он думает о нашем дальнейшем плане?

— Не думаю, что если мы ему поможем, то он будет препятствовать нашему покушению на Мэри Шелли. Эта сука должна гореть в аду, в этом вопросе нам никто воспротивиться.

—

— Тогда, на этом все, начинайте приготовления.

Маги круглого стола разошлись по своим местам. Карл остался в полном одиночестве, рассматривая потолок.

— Знаешь, Байрон. Ты оказался прав.

Он сунул руку себе в рот и засмеялся тем не ушедшим истерическим смехом, подергивая головой.

— Убивать — так весело!

Последняя капля сокрушающе обрушилась на макушку Брома. Кожа зашипела, расплываясь по черепушке. Тем не менее, юноша уже не обращал внимания на эту боль. Его тело не переставало дергаться в агониях, разбрасываясь нескончаемой кровью, но разум занялся другим мучением, настигшим его разум. Он не мог понять, о чем он думал: мысль охватывалась его немощными ручками и отлетала, как только проходила трепетная минута, оставляя Брома даже без осознания того, что он думал. Он не мог понять: кому верить — состраданию Марины или жестокости этой неумолимой боли. Он ничего не видел, ничего не слышал, его язык перестал воспринимать железный вкус крови, а нос забился застывшим результатом его лопнувших сосудов. Бром оторвался от мира, и только невероятные вспышки, помутняющие рассудок, возвращали его в бессердечную реальность. Поначалу он пытался стянуть с себя кольцо, но пальцы не слушались из-за порванных нервов и болевого паралича. Теперь Бруклинский Дьявол просто висел, ни на что уже не молясь и ничего не ожидая.

Где-то наверху послышался грохот, что-то помимо железа посыпалось на его голову, орошая красные слипшиеся волосы.

— Твою мать! Быстрее!

Несколько рук резво отцепило его от креста, случайно оторвав ногу. Это уже не имело значения.

— Дружок, если честно я не такой монстр, и мне тебя жаль. Отправлю тебя туда, где ты нужен. Не забудь мое имя — я Гофман. Удачи!

Его запихнули в непонятную пустоту, Бром почувствовал вакуумную пелену, обнимающей его рваное тело. Спустя секунду он приземлился головой на почву, свернув шею. Бром полежал некоторое время на сырой земле, не понимая, что происходит. Свежий ветерок сладостно обволакивал его нагое тело, облизывая дырки в плоти и торчащие кости. Наконец, его раны заросли, повязка на глазах снялась осторожным движением руки, и его тупое сознание обнаружило себя в лесу. Вокруг него стояли тополя и липы, теснящие друг друга под блеском луны. Она радостно встретила с расставшимся с ней Бромом, нежно обрызгав его своим молочным светом. Сознание потихоньку возвращалось в его окровавленную голову, окропляя полумертвые участки памяти.

Рядом лежала какая-то девушка с оторванной головой. Она была в ночнушке, ее пятки были истоптаны и покрыты грязью, что свидетельствовало о том, что она долго куда-то, а скорее от кого-то бежала. Умеренно красивое тело распласталось на траве, рисуя на ней кривой кровавый овал. Голова валялась неподалеку, повернувшись Бромом затылком. Коричневые волосы пропитались кровью, раскинувшись локонами в разные стороны.

Бром приподнялся, чтобы рассмотреть объект его тщательного изучения. Несколько раз споткнувшись от частичной потери координации, он дотопал до оторванной головы. Он пригнулся и аккуратно повернул окровавленный лик.

Это была Марина.

..

В это время бетонное здание страдало от нахлынувшего потока молниеносных шаров. На этот раз они рвались с самого небосвода перпендикулярно вниз, раздавливая окрестности в лепешку. Стальной град был организован Байроном.

Он стоял перед зданием, грозно скрестив руки. Его взор не смешался с привычным безумием, а лишь сузился в суровые точки, разъедающие уверенность любого, кто посмотрел бы в эти зеленые зрачки. Толстые и густые брови собрались в узкие полосы, стягивающие лоб в яростные морщины. На плечах висел белый халат, будто взятый из кладовой одной из клиник, а ноги прятали джинсы. Байрон меж тем был абсолютно босой.

— Свины могут хрюкать, могут визжать, когда их режут или кормят. Но бодать хозяина и кусать его за руку им запрещается.

Скорость небесных снарядов увеличилась, от чего движения метеоров, действительно, напоминали дождь.

В это время за уничтожающимся зданием курчавый парень старательно лечил магией сломанное колено своего друга — Эрнста. Из глаз первого из них, как из фонарей, лился яркий свет, залечивающий раны.

— Что нам делать, в здании осталось еще двое! Каждая секунда в здании приближает их смерть!

— Успокойся, Антон! Быстрее доделывай мое колено, и я отправлюсь за ними, твой ор никому не поможет.

— Хорошо.

Он вытаращил глаза, что ничего не ускорило, а лишь повысило напряжение в этой ситуации.

— Все спасены, ребята. Идем на запад.

Из здания с двумя магами вышел Карл. Снаряды чудесным образом отлетали от него, приземляясь в бетонные воронки. Его спокойные глаза горели торжеством, а на лице играла победоносная улыбка. Отросшая борода и растрепанные волосы развевались вслед бушующему ветру, дополняя его полусумасшедший образ.

— Быстрее.

— Я закончил.

Антон Чехов перестал выливать свет на ногу товарища, который уже создал портал. Он представлял из себя не более чем неподвижное черное пятно размером с человека. Разлом по очереди поглотил их внутрь, оставив на покрошенной поляне лишь развалины.

Байрон раздраженно направился в руины, не прекращая беспощадный град. Не удивительно, что шары не попадали в его хромающую фигуру, перешагивающую через внутренности бетонного трупа.

— Где Бром?

— Ха, ты меня заметил?

Позади стоял Карл Маркс.

— Мне некогда шутить.

Клинок с невообразимой скоростью устремился в шею Карла, но тело Байрона мощно отбросило в сторону, а само оружие улетело далеко в лес.

— Не стоит меня недооценивать.

Хромой маг усмехнулся и все снаряды резко устремились в его противника, породив взрыв, стерший весь гектар вокруг с лица земли. Невероятная волна мощи оставила от холмика с зданием равнинную пустыню с огромным кратером по середине.

— Ха, твоими детскими трюками меня не проймешь.

Шары, недавно посланные Байроном, поднялись в воздух и устремились ему в тело. Он молниеносно уворачивался от каждого, пробираясь к тылу противника, вынуждая его

переключиться на защиту. Карл продолжал невозмутимо стоять на месте. Кулак Байрона почти впечатался ему в лицо, но кисть отбросило в сторону, как и клинок до этого. После этого битва перешла на невообразимую скорость.

Байрон атаковал со всех возможных позиций, появляясь из неоткуда и обрушиваясь на жизненно важные точки мага. Карл, в свою же очередь, посылал куски раздробленной земли и железа в спешащее тело хромого мага. Удары всплесками молний ударялись меж друг другом, накаляя воздух. Каждый из дуэлянтов пытался подловить другого, так как одна ошибка одного из них предопределила бы исход битвы.

Град вспышек, рассекающий землю, должен был закончиться — никто не хотел сдаваться, подставив нутро врагу. Силы граничили на пределе их возможностей, заставляя распределять мощь на атаку и защиту при каждом последующем ударе по-разному.

Нескончаемые рывки Байрона к оппоненту и отскоки от летящих снарядов, наконец-то остановились.

Взгляды магов встретились, они оба были сумасшедшие. Бешеная жажда крови потряхивала их зрачки, и дергала их уголки рта, усеивая дуэлянтов широкими улыбками.

— Наконец-то, появился хоть один соперник, способный мне что-то противопоставить. Тем не менее...

— У тебя нет шансов.

За хромого мага договорил Байрон, появившийся рядом с ним. Двойники презрительно взирали на недоумевавшего Карла. Не успел он опомниться, как они понеслись в разные стороны, стремясь к его шее.

Всплески удвоились, невообразимый грохот стучал по лесу, стряхивая луну с ее спокойного неба. Теперь Карл только защищался, со всех сторон в него мчались невообразимо быстрые удары, воспроизводимые копиями его противника.

«Что?»

Их стало трое. Молниями линии их движения усеивали весь его обзор. Тем не менее, удары все также перенаправлялись в сторону, оставляя кровожадных Байронов без их любимого лакомства.

«Четыре. Шесть. Десять. Двадцать пять. Их слишком много, надо отступать.»

Карл беспокойно устремился в сторону зияющей в небе Полярной звезды. Его тело поднялось в воздух и с бешеной скоростью рвануло на север.

— Ну что ж....

— Самое время....

— Убивать!

Толпа бешеных магов пословно произнесли эту знаменательную фразу. Они все с сумасшедшим оскалом взирали на удаляющуюся точку. Догнать его было невероятно легко даже для одного Байрона, что уж говорить о 25. Они все были идентичны, единственное различие заключалось в том, что одежда новоприбывших магов была не белой, а коричневой, какая и была у Байрона в штабе с самого начала. Они одинаково свирепо и возбужденно дергали губами, посмеиваясь над предстоящим исходом.

— Стой, впереди только смерть.

Перед оригиналом неожиданно появился еще один Байрон, на этот раз в таком же белом одеянии.

— Кто?

— Неизвестный.

На лице первого Байрона всплыла гримаса непритворного ужаса и несоизмеримого страха, которая распространилась и на всех его клонов. Все они исчезли спустя мгновение, а только что появившийся Байрон одобрительно покачал головой и тоже испарился.

Последним, кто покинул это место, был самый первый Байрон, удрученно сдавшийся перед надвигающейся бедой.

..

Надеюсь, вы не разозлились, что я не объясняю свои истинные способности. Да? Я рад. Всему свое время, юный господин.

..

Голый юноша перетаптывал босыми ногами по ночной земле. Облака устилали небо, оставляя простор сердобольной луне. На руках у Брома лежала бледная Марина, она уже не была бездыханна, но ее глаза никак не собирались открываться — видимо, для ее натуры смерть была тяжелым событием, настолько чтобы потерять сознание после возрождения.

Кудрявый парень до сих пор плохо осознавал, что он вообще делает. Его белое тельце медленно проползало в полуночной тьме.

Вдали показалась деревня.

— Терка....

Бром ускорил шаги, но слегка пригнулся со своей ношей. Чуть ли не на каргашках он приближался к тихим домикам. Шурша сквозь листву деревьев и кустов, он дворами добрался до крыльца дома Димы и Наташи. Будить их было несправедливо, Бром нагнулся к доскам, образующих ступеньки, и, поковырявшись в щели, достал небольшой железный ключ. Он легко вошел в замок затворенной деревянной двери. Бром тихо пробрался внутрь, аккуратно переминая на носочках, и дошел до терраски. Как он и думал, в маленькой комнате стояла одинокая кровать, шкаф и какие-то бытовые вещи, за которыми лень было бегать до кладовой. Он уложил испачканную бессознательную Марину под одеяло и сам укрылся рядом. В обычной ситуации он бы пошел проведать Анну с детьми, но на этот раз его измученный мозг действительно нуждался в отдыхе. Он прижался к ледяной девушке, чтобы хоть как-то ее согреть и мгновенно заснул.

Вскоре луна тоскливо скрылась за горизонт, а на ее место выполз кроваво-огненный шар, окропивший сырую траву утренним светом.

..

Бром поднялся с мягкой постели. Он оглядел Марину, к ней, наконец-то, вернулись краски жизни: лицо порозовело, а грудь спокойно поднималась и падала вместо резких болезненных рывков. Она до сих пор спала, уставившись закрытыми глазами в светло-деревянный потолок.

Юноша прошел в гостиную дома, смущаясь от отсутствия каких-либо звуков. На диване никого не было, все как будто стало пустым: разбросанные по полу игрушки, стоящие на подоконнике газеты и очки, устилающие стол недоеденные с обеда плюшки или яйца — все исчезло. Спальни тоже опустели, на кухне предметы обихода бессовестно пропали.

— Хм.

На столе лежала записка.

Бром подошел к нему и раскрыл бумажку, поспешно свернутую четыре раза. Это было письмо, слова которого были написаны в такой же спешке. После каждого прочитанного предложения неспокойное сердце Брома все более погружалось в бездну.

«Дорогой Бром,

К сожалению, мы вряд ли еще свидимся. Из-за обстоятельств на работе мужа, мы вынуждены переехать в другой город. Раз вы читаете это письмо — значит, вам понадобилась наша помощь. В доме мало что осталось, но само здание в вашем распоряжении, мы собирались завещать его Диме, но он не скоро станет совершеннолетним, так что не стесняйтесь располагаться внутри. Дети просили передать вам привет и взять с вас обещание, что вы встретитесь с ними после. В ближайшие полгода вы можете найти нас в Карпине.

Всего наилучшего,

Ваша Анна.»

— Печально. Еще одно расставание, еще одна проблема. Еще один провал.

Бром вернулся в терраску и уселся рядом со спящей Мариной на небольшой стульчик, погрузившись в раздумья.

..

Она проснулась только к полудню. Ее сознание полностью восстановилось, так что Марина тут же осознала все, что произошло после ее смерти кроме их местоположения. Она удивленно смотрела на усевшегося рядом голого Брома, даже не заметившего, что его спящая красавица открыла свои очи.

— Постоянно встречать меня без одежды — плохая привычка.

— Марина....

— Иди сюда.

Она протянула руки в его сторону и прижала его кровавую грязную голову к груди. Из ее глаз потекли слезы, она жадно поцеловала Брома в щеку, и сильнее прижала его к себе.

— Бром, как же мне было плохо без тебя, как же... Плохо. Ты вернулся.... Любимый.

Марина еще некоторое время подержала кудрявую голову у себя под подбородком и отпустила его, сложив испачканные руки на одеяле.

— Кто посмел? Кто сделал это, Марина?

Бром серьезно уставился девушке в лицо, схватив ее за ладонь.

— Это.... Это был Бальзак. Мой начальник. Он.... Он гнал меня по лесу, а потом мне стало очень больно, больно, Бром.

— Не волнуйся, все закончилось. Мы с тобой в безопасности, а все страдания остались позади. Этот дом только для нас.

— Для нас?

— Да, я не оставлю тебя, не беспокойся. Отныне только ты и я.

— Ты.... И я?

— Да.

— Это.... Бром, это просто восхитительно. Я... так признательна тебе, спасибо. Спасибо за все то, что ты сделал ради меня. Это бесценно!

Они еще некоторое время пялились друг другу в глаза.

Бром с этого момента, действительно, решил ни за что не покидать Марину, невзирая на все дела, положенные ему, как члену оперативного магического штаба. Ему хватило тех страданий, что он перенес за последние недели, чтобы удостовериться в бессмысленности происходящего. Когда Данте читал ему красивые нотации о своей организации, у него не было какого-либо выбора. Теперь он был. Защита любимой женщины в спокойной и счастливой жизни или бессмысленные убийства и мучения на поле необъяснимой брани. Его мнение было очевидно.

Марина в свою же очередь, наконец, нашла человека, полюбившего ее. Родители выгнали ее из дома, сверстники смешали с грязью, а коллеги просто убили — до этого ее судьба представляла собой беспроглядную тьму, распростершую свои не щадящие клешни на девичье сердце. Бром не предал ее, не обманул ее, послушал ее, понял ее — он стал той самой жизнью, которой у нее до этого не было.

Полежав некоторое время около своего спасителя, девушка обнаружила, что ее уровень наготы не далеко ушел от Брома. Мало того, что ее прикрывала лишь ночнушка, она была изорвана и смята.

Вся ее грудь и шея были в крови, частично в своей, частично в Бромовской. Да и сам юноша весь был в алой краске. Волосы, как было уже сказано, полностью окрасились в этот яростный цвет, а остальное тело было в кровавых пятнах и грязи.

— Здесь есть баня?

..

Спустя несколько часов они уже сидели в другой спальне. Отмыться они отмылись, но их тела до сих пор укрывали лишь найденные кое-где неиспользованные простыни.

— Они вообще не оставили одежды, ну как так? Даже денег нет.

Марина тщательно пыталась вышить рубашку из найденных кусков ткани, порицая негостеприимных хозяев дома, оставивших им пустой дом.

— Нам нужна еда. В погребе ничего не осталось, добра на грядках надолго не хватит.

В ответ этим упрекам шли разочарованные замечания Брома.

— Ну, одна голова — хорошо, а две — лучше. Что-нибудь, да придумаем.

— Сошьешь балахон с капюшоном?

— Да, это попроще рубашки будет, а тебе зачем?

— На первое время нельзя, чтобы кто-то видел нас. А выходить из дома все равно придется.

— А, понятно. К вечеру будет готово.

— Я тогда пока в огороде собираю тебе что-нибудь.

— Хорошо, Бром.

Он вышел на заднее крыльцо, перетапывая босыми ногами по земле. Слава богу, что у них был достаточно высокий забор, чтобы никто не увидел голого Бруклинского Дьявола. На опустевших грядках остались только несколько огурцов и помидоров в теплице и укроп. В маленьком сарайчике у земляных полос был найден мешок с собранной недавно картошкой. Этой крахмальной диеты едва бы хватило на 2 недели с учетом того, что Бром бы не прикасался к оставшимся пожиткам.

Он взял с собой 6 желто-черных картофелин, пару огурцов, помидор и вернулся в дом. На кухне юноша помыл собранные овощи и сложил в одну тарелку, Данте показывал ему, как готовить себе примитивную пищу. Бром снял кожуру с картошки, несколько раз порезав себе палец, что никакого беспокойства у него не вызвало, нарезал овощи и сгреб все в чугунок, найденный им на полке. Видимо, для этой массивной посуды в семейном багаже не хватило места. Юноша оставил все на столе, а сам пошел в дровяник, располагающийся у бани.

— Хоть дрова не убрали.

Он взял несколько поленьев и кинул в печку, после чего поджег ее березовой корой, которая стопочкой стояла на белом подоконнике. Руки Брома протянули собранные продукты в пламя и оставили их на горящих дровяшках. Он не надевал никаких перчаток,

так как их не было, да он и не страдал от новоиспеченной боли.

«Когда больно во благо, мучения исчезают» — так он заключил.

Он еще некоторое время сидел у жарящейся картошки, помешивая разгоряченную еду обгорелыми пальцами. Наконец, из пекла понесся приятный аромат, и юноша вытащил голыми руками котелок, расположив его на столе.

— Марина!

— Да, иду.

Девушка оказалась в комнате. В отличие от неумелого повара, она была одета в белое подобие платья, сшитое из простыней. Марина радостно взглянула на зажаренную картошку и овощи, усаживаясь на стул.

— Ничего себе, ты умеешь готовить?

— Что-то около. Соли нет, да и мяса тоже, так что вкусным это в любом случае не будет.

— Раз ты приготовил — значит будет.

После воодушевательной речи, девушка отсыпала себе еды и принялась поесть ужин. Она дула на обгорелую картошку, пихала в рот, после чего резко заедала овощами, прогадав с температурой поедаемого.

— А ты что не ешь?

— Это все для тебя.

— Да что ты? Кушай.

— Я не умру от голода, не волнуйся, все в порядке. Это только на первые времена.

— Это не обсуждается, а ну! Скажи «А».

Бром не знал об этой детской уловке и недоумевающе разинул рот, отчего ему влетела ложка с едой. Он испуганно отскочил, пережевывая засунутое ему на язык.

— Ха-ха-ха. Бром, ты такой смешной.

—

Юноша обиженно смотрел на Марину, не понимая в чем дело.

— Ладно, не дуйся. Раз не хочешь есть, пройди в гостиную, балахон готов.

Бром вытер испачканное картошкой лицо и пошел за своим заказом. На диване, действительно, лежала большая белая накидка с капюшоном, скрепленная аккуратными мелкими швами белого цвета. Он схватил ее и надел на свои худые плечи, спрятав абсолютно все части своего голого тела. Юноша прошел на кухню, где девушка продолжала, подувая на картошку, есть приготовленное им блюдо.

— Я ненадолго.

— Куда?

— Потом расскажу.

Не успела Марина возразить, как он вышел на улицу.

День близился к вечеру, луна трепетно поглядывала из-за края горизонта на шагающую белую фигуру, выходящую из деревни.

«Для начала краски»

Бром уже шагал по улице Сана, всматриваясь в окружающие его витрины, выискивая что-то увиденное в журнале. Редко кто проходил мимо загадочного ходящего мешка, поскорее от него отступаясь, тем не менее, магазины не спешили закрываться.

Юноша вошел в салон красоты, стоящий в углу торгового ряда. Повсюду были расставлены шампуни, лаки, расчески, гели, краски для волос и тому подобное. Продавец

спал на прилавке, не ожидая, что кто-то войдет. Это был молодой парень с короткой стрижкой. Он зарылся в свои локти и спокойно посапывал, оставив товар без присмотра.

«Идеально»

Бром аккуратно прошелся меж стеллажей, взяв черную, желтую, белую и рыжую краску для волос в красивых флаконах. Он с преспокойной душой направился на выход.

— Стой!!!

Как назло, паренек проснулся и обнаружил бесшумного похитителя прямо перед собой. Он схватил электрошокер, совсем забыв о телефоне.

«Плохо»

Бром беззвучно снял капюшон и приставил к кудрявой голове два пальца левой руки, изобразив рога. Его зрачки хладнокровно уперлись в испуганный взгляд продавца.

Парень с электрошокером выронил свое грозное оружие и прижался к стене, пустив теплую струю по штанине.

— Смотри.

Бруклинский Дьявол выставил руку перед юношеским лицом, покрытым беспредельным страхом.

— Напиши на этом листке свой адрес.

— Что?

— Живо, написал свой адрес.

Продавец озабоченно схватился за ручку, которая начала писать только со второй попытки. На кассе теперь лежал листочек с накарябанными кое-как буквами и цифрами.

— Если хоть кто-то в этом городе узнает, что здесь Бруклинский Дьявол, я приду и убью тебя и твою семью. Ты понял? Если адрес неверный или тебя не окажется дома, я просто начну убивать всех подряд. Повтори.

Бром хладнокровно взирал на продавца из-под сжмурившихся бровей, не менее бессердечно произнося свою жестокую речь.

— Если.... Кто-то узнает. Вы убьете мою семью, а если.... Меня не будет.... Вы убьете всех....

— Все верно. Забудь обо мне.

Капюшон вернулся в прежнюю позицию, спрятав серьезный лик кудрявого юноши. Он открыл стеклянные двери и покинул место происшествия.

«Волосы мы перекрасим. Одежда новая. Нам нужны новые имена. Еще надо мясо, столовые приборы, мыло, туалетная бумага.... Осень. С огорода ничего не получишь, а после изменения облика шантаж не сработает. Слишком много проблем, но у них хотя бы есть счастливый конец. Следует избегать всех магов в окрестностях. Особенно...»

По сумасбродному велению судьбы шагающая фигура заметила рядом с собой какого-то мужичка. Это был Оноре де Бальзак. Пухловатый маг нес в штаб пакеты закупленного чая и других лакомств для вечерних посиделок. Его ненавистное лицо было в полуметре от Бруклинского Дьявола. Всего одно прикосновение, и месть свершилась бы. Всего одно касание.

Бром прошел мимо

Марина проснулась рядом с Бромом. Он вернулся домой намного позже, чем она легла спать, оставив гору купленных вещей в предбаннике. Полусонная девушка отправилась на кухню, потирая слипшиеся глаза. Осмотрев опустевшие полки кладовки, она сделала неутешительный вывод

— Даже яиц нету.

Она одела свое сшитое платье, собрала тот же ряд продуктов, что и Бром прошлым днем, и отправилась к дровянику за поленами. Солнце ласково расплевалось своим светом сквозь кроны шуршащих деревьев, а облака исчезли с голубого небосвода.

Она подцепила пару полен под локоть и зашагала в сторону дома. Что-то скрипнуло, и Марина заметила открытую настежь дверь в баню. Деревянный скрип продолжал трещать мелкой дробью, сопровождая потоки выходящего воздуха.

— Я же ее закрывала.

Поленья опустились на траву, а ноги девушки поплыли в сторону бани. Она зашла в предбанник, осматривая маленькое пространство, где располагалась одна большая скамья и ковши с вениками, висящими на бревенчатой стене. Казалось, она посмотрит на эту обычную обстановку, удостоверившись в отсутствии происшествий, и вернется к работе, закрыв эту чертову дверь. Но глаза Марины заметили небольшой мешок, спрятанный под лавкой.

Спустя минуту, на лавке были разложены самые разные предметы необходимые для человеческого выживания. Расчески, мыло, упаковка мяса, коробка соли, туалетная бумага, спички, кружки, вилки, ложки, сахар, молоко, яйца, шапка, шуба, пара сапог, несколько случайных книг, свечи, краски для волос, карандаши и фломастеры, резинки и заколки, серьги и очки — великое множество вещей рассортировались по деревянному полу бани, надобность некоторых Марина не могла никак понять.

— Так вот куда он ходил ночью.

Она взяла с собой все съедобное и отправилась обратно на кухню, даже забыв о валяющихся теперь поленьях. Она перемещалась быстрыми и нервными шагами, в женскую голову лезли отвратительные мысли, разгоняемые на волнующееся сердце.

«Он же не убил никого. Да?»

Марина глупо раскинула продукты на кухне, заметив свою оплошность. Она вернулась за поленами и, подняв их взглянула на деревню. Сквозь щель можно было заметить, как по улице бегали шаловливые дети, размахивая палками и лопухами.

«Он никого не убил?»

..

Спустя полчаса Бром уже встал с постели и уселся на кухне, наблюдая, как его сожительница поела приготовленную яичницу с помидорами. Он опустил веки, умиротворенно наслаждаясь этой сценой.

Марина неожиданно закончила уплетать завтрак и строго уставилась на Брома.

— Ты никого не убил?

— Нет.

Юноша уже по яичнице понял, что девушка нашла награбленные им запасы, поэтому он ответил быстро и без всяких недоумений.

— А как ты все это достал?

— Мари....

— Скажи, здесь же только ты и я, да?

—

—

— Я угрожал им, никто не пострадал. Они все прижимались к стенке, а я просто выносил немного товара с полок, в этом нет ничего плохого.

— А если бы кто-то потерял сознание и что-нибудь себе сломал?

— Хах. Только ты, чуть что, теряешь сознание.

Как ни странно, эти довольно едкие слова прозвучали крайне дружелюбно и мягко, сопровождаясь улыбкой.

— Ладно.

Марина покраснела и опустила взгляд в тарелку. Бром еще несколько секунд улыбочиво пялился на обиженную девушку, после чего скорчил серьезную физиономию.

— Марина, нам надо кое-что обсудить.

— Я не буду участвовать в твоих разбоях.

Девушка пытался защемить Брома в ответ, но он никак не отреагировал на этот подкол.

— Я больше не буду так делать. Это нужно было для адаптации. Такого больше не повторится.

Юноша отчеканил подготовленный ответ и уперся взглядом в растерянную Марину.

— Ты же понимаешь, что мы не можем оставаться такими?

— В смысле?

— Если кто-нибудь встретит одного из нас, нам придется снова прятаться. Только теперь нам негде это делать.

— Кстати, Бром, а как ты появился здесь после отлета, может, ты все-таки объяснишь, раз на кону серьезная тема. В прошлый раз ты не захотел это озвучивать.

— Не самая приятная тема для разговора. На нас с Байроном напали в самолете, он был вынужден сбежать, а меня взяли в плен. Дальше....

Он замолчал, надеясь, что девушка не спросит его.

— Тебя мучили?

— Ты обещаешь не падать в обморок?

— Боже, что же там произошло?

— Распиливание, дыба, груши, крест, железо — эти слова все крутятся у меня в голове, отзываясь острой болью. Я пробыл под пытками примерно 42 часа, после чего какой-то человек, назвавший себя Гофманом, отправил меня к тебе.

— Как?

— Я ничего не видел, прости.

— Все хорошо, Бром, — Марина положила руку на сердце, но решила не спрашивать Брома, чтобы не поднимать у него болезненные воспоминания, — Я.... сочувствую тебе. Ну.... Что там насчет того, что мы должны измениться?

— Ты, должно быть, видела краски для волос. Это первый шаг. Я, чур, рыжий.

— Я тогда тоже.

— Хорошо. Еще надо поменять наши имена, не думаю, что на этом островке есть много Марин и Бромов.

— О, давай тогда ты придумаешь мне имя, а я тебе.

— Хм. Имя? Мне нравится твое имя, я не хочу сильно его менять. Как насчет Марии?

— Хорошо придумал, ну а я. Хммм.... Тц. Ыыыыых... Фууух....

— Мы можем и потом это обсудить.

— погоди, не мешай! Так, так, так.

Провозглашенная Мария стучала ладонями, выпячив губы, тем самым проводя невероятные умственные расчеты в своей голове.

— Хибор Гадол! (גיבור גדול)

— Ты.... Точно уверена?

— А, ммм.... Тогда соединим их. Хига Бордол!

— Да, да. Это очень красиво звучит.... Наверное.

— Тебе лишь бы упрекнуть, Хига!

— Ты же понимаешь, что такого имени не существует?

— Тогда — Хьюго Бордо.

— Ну, хоть что-то.

— Какой же ты вредный.

—

— Кстати, а что насчет моей фамилии?

Вряд ли Марина так представляла себе этот момент. Конечно, каждая девушка, так или иначе, воображала себе эту секунду, но только не таким образом, как это произошло у кухонного стола. Солнечные лучи начертили желтые полосы на стене, где-то вдали раздавались детские выкрики, а на ветке близстоящей березы неутомно трезвонила маленькая черно-бурая птичка.

— Насчет этого....

Глаза Брома направили свой ясный взор на девичье лицо, загоревшись восторженным блеском. Он против воли улыбался, а руки слегка дрожали. Юноша опустил на левое колено, спрятав руки за спину и закрыв глаза. Лицо девушки начало заливаться краской.

— Ты....

Мария смущенно закрыла лицо руками, не в силах спокойно на это реагировать.

— ...Выйдешь за меня?

Бруклинский Дьявол вытянул в своей худой ручонке кольцо в бордовой коробочке, поблескивающее на утреннем солнце. Ясные глаза, ставшие намного насыщеннее с предыдущей встречи, пронзили женское сердце сквозь полуприкрытые изумрудные очи, выпускающие из себя слезы.

— Да.

Это были последние слова Марии Бордо перед обмороком.

..

Естественно, этот неожиданный шаг в их бурно развивающихся отношений Бром сделал не из-за неожиданного порыва любвеобильности или страсти, а преимущественно с практической точки зрения. Во-первых, у людей не возникло бы подозрений насчет молодой парочки, по непонятной причине живущей вместе в таком далеком месте. Ну а во-вторых, если бы кто-то захотел выследить Брома по наличию кольца, деревенские не сказали бы, что какой-то паренек носит кольцо на руке и никогда его не снимает. Его привязанность к этому ювелирному изделию теперь объяснялось браком, что было естественно и, соответственно, скрытно.

Так забавно получилось, что журналы, выдаваемые Данте для Брома, когда он только

учился читать, были сплошь и рядом о тех вещах, которые он уже применил в своей совместной жизни с Мариной. Он узнавал о женитьбе, готовке, стрижке волос, разновидности магазинов и еще о многом другом, думая, что это абсолютно бессмысленные для него знания. Но, как оказалось, безмерная удача Данте коснулась и его.

Прямо сейчас черноволосый Хьюго Бордо сидел рядом со спящей женой и проводил кисточкой по своему кольцу, придавая грубому черному цвету золотой окрас. Кольцо на руке Марии было чрезмерно дороже и красивее магического артефакта мужа, но главное, что они были примерно одинаковы и не вызывали подозрений.

Как можно было заметить, Бром отказался от рыжего цвета, так как посчитал, что Хьюго — не свойственное для рыжего имя. Девушка так и не встала с той трепетной минуты, так что ее каре осталось коричневым.

«Помимо этого, хорошо было бы мне укоротить прическу, а Марине удлинить. Так никто нас не найдет. Заморачиваться с цветом глаз — это уже перебор, линзы надо оставить до лучших времен. Но что самое главное. Что со мной происходит?»

Бром закрыл глаза, и его взору предстала картина, как он, сидящий в комнате, был подернут за плечо своей женой.

Юноша распахнул очи, спустя несколько секунд их раскрыла и Марина, потерев при пробуждении мужа за плечо.

«Как я и думал»

— Бром. Хьюго. Дорогой, я так рада. Но.... Это было так неожиданно, не пугай меня так больше. Я понимаю, что ты меня очень-очень сильно любишь, но....

Не успевшая пробудиться девушка уже залилась краской.

«Как же хорошо, что она не знает об истинной причине предложения. Мне повезло!»

После внутренней похвалы, Хьюго сжал руку жены и посмотрел ей в лицо.

«Поцелуй?»

Мария резко приподнялась с постели и впилась губами в губы Брома. Учитывая обстоятельства, это был недолгий и небрежный поцелуй, вогнавший молодожен в смущение.

— Я....Это.... Пошли краситься.

— Пошли.

Она встала босыми ножками на ковер.

— Ну ка погоди! А ты почему черный, ты говорил, что покрасишься в рыжий!

— Эм. Тут такое дело....

— Ты обманул меня, воспользовался беззащитной девушкой в своих корыстных целях. А что потом? Без спроса заберешь все имущество, и бросишь меня? А?

Новоиспеченный мужчина не понял сарказма и на полном серьезе расстроился в себе.

— Я.... Ну, прости.

— Да, ладно, я пошутила. Ну что ты, давай идем, так и быть, я свое решение менять не буду.

Они улыбнулись и продвинулись в баню. По дороге Бром о чем-то думал.

«С момента пыток меня больше не преследовал сумасшедший смех, хотя я и думал о плохом большое количество раз. А что самое интересное — я вижу будущее на 5 секунд вперед»

..

Солидный мужчина с седой гривой расхаживал по улицам Санмортилонгиандроаполя, переминая чистыми ботинками по серому тротуару. Это был Данте. На время отсутствия

своих коллег он был назначен временным лидером магического штаба «Собака», и на него легли множественные обязанности.

Но он скинул их на Агнию, отправившись в случайном направлении в поисках новых магов, так как в их штабе объявилась свободная вакансия.

— Сан-морти-лонги-андропль,
Как смиренна твоя статья,
Как плывут по граду ноги,
Как мягка здесь будней сталь!

Невзирая на озирающихся прохожих, он громко напевал себе под нос придуманные стишки. Тучи заполнили осеннее небо, но сильные потоки холодного воздуха, как волны пред Моисеем, расступались у самого лица Данте, пропуская к нему лишь освежающий прохладный ветерок. Солнце было вынужденно, пробуждаясь из спячки, освещать дорогу поющему магу.

— Дааааааанте!!!

На дальнем конце замаячила чья-то изукрашенная голова. Статная женщина, подобрав подолы роскошного платья, бежала сломя голову к новоприбывшему Данте.

— Нет. Только не Энн.

Уверенный до этого седовласый певец нервно оглянулся по сторонам и спрятался в ближайший переулочек.

— Дантушка, ты где?!

Женщина беспокойно озиралась по сторонам на том месте, где недавно стоял Данте.

Сам он прижался к бетонной стенке, закрыв рот элегантными руками.

«Только не удача. Только не удача. Только не....»

С балкона, торчавшего над узким кирпичным переулком, упал цветочный горшок, приземлившись рядом с Данте, но, не задев его осколками.

Маг разочарованно наблюдал, как на шум к нему стремглав бежала беспокойная девушка. Его глаза мучительно прикрылись, а брови состроили уставшую гримасу.

— Боже, Данте, ты не поранился? Дай я тебя посмотрю.

Энн Бронте жадно облапывала понурившего голову мага.

Так вышло, что Шарлотта Бронте, Эмили Бронте и Энн Бронте бездумно влюбились в неудачливого мага, еще много лет назад. Не трудно было догадаться, что они были сестрами, и Энн являлась самой младшей, что частенько отмечал Байрон, получая в ответ выстрел света. Способности у этих сестричек были одинаковые, что было чуть ли не парадоксом в магической истории. Единственное отличие заключалось в том, что луч Энн был размером с мужскую голову, луч Эмили с канализационный люк, а Шарлотта могла аннигилировать одним выстрелом грузовик, не оставляя и намека о его существовании. Эта, казалось бы, незначительная разница в силе существенно влияла на их взаимоотношения. Энн оставалась в штабе в качестве обычного мага, комплексуя по поводу своей неполноценности в семье. Эмили тоже была официально обычным магом, но в отличие от сестры, она переоценивала свои силы и не подчинялась приказам «мерзкого Бальзака». Шарлотта же вышла на невероятный уровень магии, потому в Сане ее вовсе не было: она организовывала рискованные операции в самых опасных уголках планеты, выполняя чуть ли не половину контроля над магической преступностью среди всех штабов.

Уверенная, самоуверенная и неуверенная беззаботно и чуть ли не мгновенно втрескались по уши в Данте спустя несколько месяцев после его сражения с Байроном.

Назвать это удачей было бы глупо, но божественные силы этого мага всячески направляли его на контакты с каждой из них, что было проиллюстрировано в произошедшей только что ситуации.

Естественно, Данте не брезговал женщинами, но они его вовсе не привлекали, особенно их фанатизм и щенячье отношение к нему. И, как назло, меньше всего ему была приятна Энн. Она пыталась выглядеть красивее своих сестер, читать больше своих сестер, готовить лучше своих сестер. Ее неполноценность довела чуть ли не до паранойи, она во всем искала потенциальное преимущество над своими родственниками, а, когда кто-нибудь затрагивала эту тему, она показывала свое настоящее безудержно гневное лицо, которое уже видел Бром в день приезда в город.

— Привет, Энн...

— Привет, как ты здесь оказался? Если ты ищешь Байрона, он давно уехал. А, хотя, что это я говорю? Ты, наверняка, искал меня!!!

Она бросилась к нему на плечи, прижавшись своей объемной грудью к смутившемуся Данте.

— Да, да, конечно. Ты не можешь, пожалуйста, купить мне Шропшир Блю и Мильбенкензе? Я буду ждать тебя здесь, а потом мы пойдем в парк и покушаем вместе. Только вдвоем.

От последней фразы золотистые очи женщины засверкали, и она без расспросов побежала в магазин.

«Пожалуйста, боже, здесь не могут продаваться такие виды сыров.»

Данте проводил устремившуюся девушку взглядом, после чего помчался в противоположную сторону со всех ног. Он бешено передвигал ногами, жадно и часто проглатывая воздух. Его крест подпрыгивал в воздух и снова приземлялся на широкую грудь.

Наконец, он убежал достаточно далеко, чтобы понять, что сюда она точно не заявится. Он стоял посреди ряда гаражей с ржавыми дверьми. Белые кирпичные домики, изрисованные граффити, стояли на уже заросшей земле с кусками щебня и песка.

Маг облегченно нагнулся, чтобы отдышаться, рассматривая пыльную землю.

— Да, я вам, *****, сказал, что не могу я вам танк удвоить!

— Слышь, сопляк, выбирай выражения.

Послышались выбитые зубы и детское кряхтение. В соседнем гараже очень громко разговаривали люди, разбрасываясь звуками ударов по всей округе.

— Бинго.

Данте отряхнул свой костюм, поправил растрепавшуюся прическу и крест и направился в приоткрытую дверь здания.

Шесть накаченных и не очень мужиков в спортивных костюмах и черных шапках наблюдали, как седьмой колотил мальчика в ушанке. О волосах из-за головного убора было нечего сказать, по расквашенному лицу разве что можно было заметить, что мальчишке было очевидно меньше 12 лет. Один глаз был серовато-зеленый, а второй прятался под огромным фиолетовым синяком. В данный момент он висел на руке самого сильного взрослого в этой тусовке, схватившего его за шиворот и наносящего мальчугану глухие удары в живот своим кулаком.

— Ребята, мне кажется, вы должны разойтись.

— А ты, *****, кто?

Компания агрессивных зрителей угрожающе обернулась на вошедшего Данте, разминая

кулаки.

— *** в пальто.

После этой фразы седовласый маг ударил с разворота по лицу одного из готовящихся мужичков.

— Ах, ты ж!!!

Все тут же накинулись на Данте, отправившего в нокаут одного из их друзей. Он двинул локоть выставленной руки вправо и попал в шею одного из негодяев, пока он падал, в лицо мага полетел суровый кулак с наколками. Данте наклонился назад, пропустив удар перед лицом, опустил руки на пол, став тем самым на мостик, после чего резво вынес ноги за голову, втаранив их в пах напавшего бандюги.

«Осталось 5»

В его колено устремилась мужицкая нога, он ударом вниз остановил ее, прохрустев вражеской голенью. Лицо мага уже было мишенью для еще одного кулака, Данте пропустил его мимо лица, и вражеская рука вонзилась в лицо напавшего на колено мужика. Рука мага, пролетевшая мимо летящего недавно кулака, схватила бойца за голову, и столкнула его с башкой раненного в голень и лицо мужиком.

«Трое»

Оставшиеся бандиты растерялись, Данте направился к одному из них, и тот, не успев опомниться, словил апперкот, отправивший его в нокаут. Стоящий в сторонке мужик достал нож и просек линию у кадыка мага, лезвие прошло мимо. Оружие упало на пол после удара ногой по руке, а очередная точная атака в подбородок унесла неудавшегося убийцу в сторону.

«Ноль»

Последний нетронутый мужчина в шапке убежал. В гараже остался только отплеывающийся кровью мальчик.

— Витя Астафьев, да?

— Чё, *****?

— Тебе, действительно, надо поучиться манерам.

— Чё те надо?

— Мне ничего, а тебе?

— Что б ты ***** побыстрее.

— Хм. То есть тебя только что не били?

— Ну по ***** разок, чё с того, отстань!

— А все те драки в приюте?

— С чего ты взял, что меня постоянно избивают?

— Да тебя не могут не бить.

— Мужик, ***** , не смешно. С***** уже!

— А, может, со мной пойдешь?

— С*****?

— Будешь делать то же самое, только бить не будут.

— Ага, конечно, *** тебе. Не первый такой.

— Ты умеешь копировать предметы, которые меньше тебя по размеру. Не удивительно, что к тебе прутся бандиты и такие, как я.

— Ну, хоть, ты, ***** , это понял. Ах... Что мне сделать, что б ты уже с*****?

— Может, сыграем в угадайку?

— Чё?

— Загадай любое слово, а я попробую угадать. Если я выиграл — пойдешь со мной, а в противном случае — я, так и быть, уйду.

— Попахивает *****, но ты ж болван, *****! *** отстанешь! Давай, я загадал.

— Твою мать не так зовут.

— Че, *****?

— Твою маму звали Софья, а не Екатерина. Тебя надули, понимаешь?

—*****, да кто ты такой?

— Пойдешь со мной — узнаешь.

—*****, я обычно никому не доверяю, но интуиция подсказывает, что тебе можно верить. Ладно, пошли, дай только вещи возьму.

— Не притворяйся, у тебя их нет.

—*****, да иди ты *****!

..

— Везунчик, говоришь? Ну и куда твое ***** везение нас выведет, у меня дома нет, а ты бомжара *****!

"Ну вообще я просто не хочу видеть эту доставучую Энн,"- подумал про себя седовласый маг.

— Ты можешь хоть на людях не орать? Тебя так мало мутузили, что ты, вообще не понял, как разговаривать?

— Я нормально с ***** не разговариваю.

— Знаю я одного, как ты, тоже постоянно сквернословит.

— Противный, наверное, ***!

— Ты сам себе противоречишь.

Звонкий детский голос выговаривал грубые матерные фразочки, пока Данте ввел побитого Витю по лесу. Луна где-то пряталась, и ландшафты были неразличимы в темноте.

— А ты меня не ***** хочешь? Нормальные люди детей в лес не водят.

— Не парься, все *****.

— О, зачет, так и разговаривай.

— Я... Не могу.

Данте стало плохо, он побледнел от сказанного, как будто мучаясь от тошноты, и пошел дальше.

Они пробирались через заросли опущенных колючих березовых ветвей, пока не вышли к какому-то дому, стоящему на пригорке деревни.

— И что это за *****?

— Сейчас узнаем.

Седовласый маг громко постучал в деревянную дверь потертым после драки кулаком. Перед ними вылезла кудрявая башка какого-то брюнета, он взирал на них мутно-голубыми глазами, на его левой руке сияло позолоченное кольцо.

— Пошли вон.

Бром захлопнул дверь.

— И что это было?

Витя с недоумением смотрел на растерянного Данте. Тучи заслонили небеса, и лунный свет не пробрался до ошалелого взгляда седовласого мага.

Это был первый раз в жизни, когда ему не повезло, по крайней мере, он так считал. Жители остальных домиков, наверняка, пустили бы нуждающихся в свое жилище, но удача привела Данте именно к двери нелюдимого и грубого юноши. Несмотря на свою сверхъестественную проницательность, он не узнал своего старого спасителя. В голове догадками рисовались образы чернявого кудрявого парня с позолоченным кольцом, но сознание, почему то, не давало ему каких-либо резких черт лица, по которым он, может быть, и распознал бы Брома.

«Этого не может быть»

Он еще раз постучал по двери, создавая неприятные глухие звуки. На этот раз из щели не показалось лица негостеприимного хозяина. Лишь краешек света просочился через растворившееся пространство.

— Мы хоте....

— Я сказал: пошли вон.

Дверь снова громко захлопнулась. Хьюго по ее сторону направился к жене, сидящей в гостиной с беспокойным лицом. Он наклонился к ней, обращаясь шепотом.

— Это мои знакомые, мне придется их пустить. Они не должны знать нашей тайны, хорошо?

Мария положительно покачала головой. На ней было уже не то убогое сшитое платье, а нормальная одежда. Как она и говорила, ее волосы воспламенели, окрасившись огненно-рыжим окрасом. Да и ее муж был одет в белую рубашку и синие домашние брюки. В гостиной появились книги, шкафы одежды и телевизор начал работать. Заканчивался восьмой день их супружеской жизни. Бром подошел к двери и снял засов.

— Заходите.

«Я не ошибся»

Данте, как никогда восторженно порадовавшись своей удаче, поспешно вошел внутрь, протаскивая за руку побитого мальчика. Бром захлопнул за ними дверь и закрыл ее на ключ. Гости выстроились шеренгой спиной к входу, слегка наклонив свой стан. Спину Вити пришлось нагибать седовласому магу.

— Благодарю вас за гостеприимство, перед вами Данте Алигьери и Виктор Астафьев — заблудшие души, нуждающиеся в ночлеге. Мы крайне признательны своим спасителям и, если вам не сложно, не могли бы вы представиться жалким путникам?

— Сложно.

Суровый черноволосый юноша резко отверг расспросы своего удачливого друга.

«Он предан Байрону, естественно, он ему все расскажет, а тот привлечет меня обратно в эту мишуру и расскажет своему дружку, Бальзаку, про Марину, поставив ее жизнь в опасность. Лишь бы его везение не сыграло против меня»

— Я Мария Бордо, а это мой муж Хьюго.

«Так просто все не получится»

Бром удрученно глянул на представившуюся девушку и ушел на кухню, потирая пальцем

свое кольцо. За время пребывания в доме он получил привычку тереть этот артефакт во время раздумий.

— Пройдемте на кухню, мы как раз собирались есть.

Мария с улыбкой указала гостям ладонью путь в комнату.

— Премного благодарен.

Данте поднялся, раздумывая над природой гнева хозяина дома, и направился с мальчиком на кухню.

— Что за *****?

Витя потянул Данте за руку и прошептал согнувшемуся магу этот щепетильный вопрос, на что в ответ получил лишь многозначный удар по затылку.

— Давай, хотя б в гостях ты помолчишь.

— Мужик, я с тобой пару часов, ты не раскомандовался случаем?

— Я тебе раскомандуюсь, посиди молча, я все сам скажу.

Нашептавшись по пути в комнату, они присели на стоявшие до этого без дела стулья у обеденного стола. На нем разложена по тарелкам была картошками с жареной курицей и овощами. Помимо этого, посередине величественно стоял чайник, из которого выходил приятный чайный аромат. У тарелок были разложены вилки и примитивные белые фарфоровые кружки без каких-либо узоров. Муж молча начал уплетать пищу, а жена, попивая горячий напиток, беседовала с гостями.

— Что ж вы ночью в такие дебри ходите?

Данте с Витей так же распределили роли между друг другом: мальчуган жадно пожирал пищу, пока его седовласый представитель рассуждал с Марией.

Только, в отличие от отстраненного мальчишки, Бром прислушивался к разговору, поглядывая исподлобья на вдохновенного друга.

«Он собирается читать стихи»

— Я явился с мест далеких,

Я пр....

— Попроще.

Данте без раздражения взглянул на Хьюго, который уже безразлично его перебил.

— Хорошо. Я рожден в Бенедике, а работаю в Виззире. Слышали что-нибудь об оперативных магических штабах?

— Нет, что это?

В разговор вернулась Мария.

— Маги, защищающие покой горожан. Собрания таких и есть эти штабы. Один как раз и находится в Санмортилонгиандроапле. Его лидера, вроде, зовут Бальзак.

Мария скрыла тревогу в своем взгляде, но ее отношение стало намного осторожнее.

— Понятно, — это скорее обращалось к Брону, — вы тоже из этого штаба?

— Нет, что вы, я же сказал, что я работаю в другом штабе. Наш начальник Джордж Гордон Байрон, он недавно проезжал через ваш город. Он, наверняка, погостил у Бальзака, они с ним самые близкие друзья.

Жена беспокойного Хьюго все больше понимала его грубость к старому другу.

— Скажите, а как вы относитесь к Джорджу Гордону Байрону, я слышала, что все маги злые и постоянно сражаются друг с другом.

— Нет, вам солгали, мой начальник — очень хороший человек, я его чуть ли не боготворю.

Все частички встревоженного паззла Брома встали на свои места в сознании Марины.

— А что вы делали в нашем городке?

— Пополнял ряды бравого братства магов.

Данте хотел было погладить Витю по голове, но интуиция подсказала, что сорванец что-нибудь ляпнет в ответ, поэтому он воздержался. Повисла неловкая пауза.

— А не хотите сыграть в игру?

Данте поднял палец вверх, предлагая очередную хитрую уловку, в которой он бы непременно одержал победу.

— Что за игра?

— Давайте все по очереди загадаем слово, а остальные попытаются угадать.

— Вот пи....

Витя получил по затылку прежде, чем его красноречивая мысль дошла до собеседников.

— А что давайте, я попробую первая.

— Придумали слово?

— Да.

Мальчик злостно засмеялся, воображая невообразимое количество похабных вещей, которые он мог присвоить молодой девушке.

— Картошка.

Доевший Бром обогнал сорванца, выпалив примитивное слово.

— Да, ты угадал. Как ты так быстро?

«Способность помогла»

— Неважно, я следующий.

— Ху....

— Натюрморт.

— Угадал.

Теперь мальчика облапошил Данте, мгновенно угадавший слово, загаданное Хьюго.

— О, значит, я следующий!

— Шапка?

— Нет!

— Синяк?

— Нет!

— Ты загадал слово «аккордеон».

Данте впился в него суровым взглядом, препятствуя озвучиванию настоящего слова, которое Витя задумал в своем озорном мозгу. Он с грустью понурил голову.

— Да, да это «аккордеон». Конечно.

— Хорошее слово, Витя. Теперь постарайтесь угадать мое.

— Без комментариев.

Мальчик разочарованно облокотился на стол, подперев голову, в ответ на вопрос Данте.

— Может, магия?

— К сожалению, вы не угадали, Мария. А что думаете вы?

Он направил заинтересованный взгляд на Хьюго, пока тот переваривал ход дальнейших действий.

«Чертова удача Данте. Даже, если я скажу неправильно, он все поймет».

— Бром.

В комнате повисла тишина. Бруклинский Дьявол беззвучно опустил голову, Мария с

недоумением смотрела на своего недалекого мужа, а Данте будто застыл на месте, поймав какую-то мысль.

— Да ты угадал, Бром.

Это можно было понять по разному, но, к сожалению, все оказалось, как хозяин дома и ожидал.

— Бром!

Данте бросился к другу на плечи, на что он ответил легкой улыбкой, вылезшей из-за его сурового облика.

..

— Нам надо серьезно поговорить, Данте.

— Да, я готов. Хьюго, верно?

— Абсолютно, тебе лучше забыть о моем прежнем имени.

Они сидели на кухне, где недавно произошло их воссоединение. Мария стояла рядом с Бромом, участвуя в разговоре, а Витя уже спал в терраске после сытного обеда и печальной игры. Свет от найденной на чердаке старой, но прочищенной люстры лениво лился на их рассудительные лица.

— Так, как ты здесь оказался?

— После пребывания в этом городе, где я и познакомился с Марией, мы с Байроном сели на самолет. Во время полета на нас напали, он сумел сбежать, а я попал в плен. Там меня пытали примерно двое суток, после чего некий Гофман отправил меня в ближайший лес.

— Гофман говоришь? Случайно не Эрнст Теодор Амадей Гофман?

— Ты его знаешь?

— Да, я же некоторое время находился в Лиге.

— А «Карл Маркс» тебе о чем-нибудь говорит?

— Да, он тоже оттуда.

— Понятно, значит, меня удерживала Лига.

— Вряд ли. Названные тобой маги не более чем сошки в этой преступной иерархии, никто бы не позволил им общаться с пленниками.

— А... Много ты вообще знаешь магических организаций?

— Только Лигу и оперативные магические штабы.

— А что подсказывает тебе интуиция?

—

—

— Около сотни.

— Ясно. Речь о другом, Бальзак убил Марину, поэтому мы прячемся здесь. Если верит твоим же словам, Байрон его близкий друг — он как минимум все расскажет Бальзаку, а как максимум, твой начальник и отдал ему приказ.

— Этого не может быть....

— Данте, а ты не думаешь, что удача не просто так направила тебя на схватку с Байроном? Может.... Он не так свят, как ты думаешь?

—

— Я не прошу тебя примкнуть к нам или довериться. Просто не надо никому разглашать, что мы здесь.

— Может, выйдем?

Хьюго переглянулся с Марией, на что она ответила одобрительным кивком.

..

— Мда, друг, ты изменился.

Бром с Данте стояли у бани, оперевшись на ее бревенчатое строение. Ночь стала еще темнее, влага начала подниматься с земли, застилая округу молочным туманом. Воздух обдавался по всему телу, вызывая мурашки на коже обоих магов.

— Ты стал взрослее.

Седовласый Данте продолжал свой задушевный разговор с остепенившимся Бруклинским Дьяволом.

— Я так не думаю.

— ...?

— В моей жизни все стало спокойно, но очень глупо.

—

—

— Скажи, Бром, а ты любишь эту девушку?

—

—

— Нет.

—

— Это скорее, какая-та жалость или долг. Я поставил себе цель, первую в жизни — защитить Марину. Ей будет спокойнее, если рядом человек, который говорит, что любит ее.

— То есть это банальное утешение?

— Можно сказать и так. Мне кажется: любовь надо заслужить.

— Ей?

— Нет, мне.

— Женился на ней ты тоже из жалости?

— Это было необходимо, чтобы у людей не возникало вопросов по поводу моего кольца.

— Как оно?

— Глупый вопрос, с ним-то все хорошо. Данте....

—

— Я, похоже, понял: в чем моя сила.

— Неужели?

— Я что-то вроде душесоса, те, кого я убиваю собственными руками, не отправляются на небеса, а остаются со мной. Помнишь того подрывника?

— Который появился в первый день твоего прибытия?

— Да. Когда я думал о смерти своих близких, его душа вызывала во мне злорадный смех. Это продолжалось до пыток. Видимо, он простил меня и перестал относиться ко мне враждебно после пережитого. Именно после этого я и стал видеть будущее.

— В смысле?

— Ты не слышал, но его магия заключалась в том, что он видел будущее на 5 секунд вперед, эта сила обратилась и ко мне неделю назад. Когда я напрягаюсь, перед взором четко отображаются следующие 5 секунд.

— Так вот, как ты угадывал слова в игре.

— Верно.

— Бром, это необычайная сила, надеюсь, ты понимаешь какая ответственность теперь легла на твои плечи.

— Понимаю, я могу, как спасти, так и уничтожить этот мир.

— Главное — не давать воли своим эмоциям.

— Спасибо, обойдусь без советов.

Его выражение лица снова стало суровым.

— И долго собираешься здесь сидеть?

— Байрон так или иначе найдет меня, моя цель — лишь оттянуть этот момент.

— Ты уверен?

— Мне кажется, что он нас всех дурит, что он самый опасный наш враг, самое мощное создание в этом мире.

—

— А как ты думаешь, как маг со способностью слабее наших с тобой стал главой магического штаба с учетом того, что их всего 5?

—

— Куда исчез Говард? Почему Бог послал тебя на его убийство? Зачем меня взяли в плен, если срок моего пребывания был лишь двое суток? Может они кого-то выманивали, не думаешь?

— Нет, я так не думаю. Я имею обыкновение — один раз довериться человеку.

— «Я хотел бы, чтобы все люди были моими друзьями, но мир суров, пусть ими будут хотя бы те, кто спас мне жизнь», — ты так сказал. А кто твой спаситель?

— Ну, хотя бы ты.

— Без обид, Данте, но если бы не Мария, я бы убил тебя на месте вместе с тем мальчишкой.

— Ты преувеличиваешь.

— Нет, если бы я прятался в одиночку, я бы и тебя не подпустил. Да и Байрон. Сколько раз он лично спас твою жизнь?

— Мне всегда везет, так что я спасаюсь сам.

— То есть, у тебя нету никакого повода, чтобы считать его своим другом.

— Спокойной ночи, Хьюго.

Данте молча повернулся спиной к говорящему магу и ушел в дом.

Бром остался один на бушующем ветру. Где-то вдалеке трещали кузнечики, а из-за дырявых туч виднелись звезды. Маг тер кольцо, рассматривая непроглядный силуэт луны.

«Байрон загадочен и жесток, Данте наивен и простодушен, а Марина бесполезна и чувствительна. Все вокруг грешны, или я слишком злобно смотрю на мир? Скорее, первое. Он скоро явится и разрушит эту наигранную идиллию, а что потом? Завершить командировку и уйти? Но тогда мое местоположение раскроется, как и живучесть моей псевдо жены. В то же время, могу ли я оставить ее одну, раз столько наобещал? Если возьму с собой, она будет обузой. Может оставить ее на Данте? Отправить ее в Виззир, подальше отсюда? В этом есть смысл».

С неба полились капли ледяного дождя.

«Ну почему именно я оказался самым разумным в этой самодовольной и лицемерной компании?»

Кудрявый парень вернулся домой.

«Где же он?»

Посреди гор на лавке восседал, скрестив ноги, Байрон. Он был одет в тот же белый халат, развивающийся на прерывистом горном ветру. Заснеженные глыбовые пирамиды виднелись не так уж далеко, закрывая собой вид на восходящее солнце, от чего свет проникал в это место лишь вечером, в остальное же время размеренное серое свечение блуждало меж деревянных столбов, усеявших скалистые окрестности. Волосы хромого мага вальяжно развевались на ветру, подражая движению пламени.

— Ты опять здесь?

К нему на улицу вышел ужасающий мужчина с перевязанными руками, он еле двигал своими тряпичными ручками, проходя по каменной тропинке.

— Я не могу смотреть, как ты накладываешь нити на руки, это ужасно.

— Ты долго еще будешь у меня гостить?

Несмотря на кошмарный взгляд, Гегель сейчас чуть ли не умирал от страха. Байрон несколько дней назад ворвался к нему в штаб, приставив нож к горлу. В последующие дни он обитал здесь, называя постоянную угрозу «сиделкой в гостях».

— Когда узнаю, где Бром, тут же уйду.

— То есть...

— Да не убью я тебя, не парься. Ты бесполезен, какой смысл тебя устранять, угрозы ты не представляешь.

— Спасибо.

Один из Селекторов, серых кардиналов всего магического мира, склонился на коленях перед медитирующим Байроном.

Почитаемый маг довольно улыбнулся, направив свой взгляд в высокую даль.

— Ты лучше займись своими магами.

— Конечно.

Гегель поспешно встал и отправился в штаб.

— Так-то лучше.

Перевязанный маг уселся в своем кабинете. На красных деревянных полках лежали книги в красивых переплетах, стол украшал анатомический макет человека, а на стене висела шерстяная голова оленя с большими ветвистыми рогами. Сам Гегель встревоженно приземлился на свое сиденье, схватившись за сердце.

— Слава богу, что он меня помиловал. Таким злым я его еще не видел. Его прошлое пугающе, что уж говорить о настоящем. Он монстр, таких надо убивать, но.... Это сделаю не я, я слаб и труслив, я не на что не годен.

Он начал нервно плакать, слезы потекли из его матово-черных глаз, опрокидываясь на убранный пол. Он резко открыл верхнюю полку тумбы, и достал оттуда маленький нож. Лезвие раскроило ему несколько вен на левой руке, пустив густую кровь из перевязанной руки. Гегель застонал и опрокинулся назад, чуть не свалившись на пол. На лице расплзлась улыбка, а глаза умиротворенно закрылись.

— Я не мешаю?

В комнате стоял в черном сюртуке и белой рубашке какой-то молодой мужчина. Его продолговатая бледная голова покрывалась скоплением черным длинных волос. Они

загнулись у ушей, пытаясь пробраться к его подбородку, и разделились одним сплошным пробором чуть левее середины лба. Карие глаза спокойно взирали на мазохистскую сцену, располагаясь между обширным лбом и длинными усами, прячущих его рот. Он вошел и вел себя аристократично, согнув одну из рук за спиной и выпрямив высокую спину.

— Ты кто?

Гегель отошел от экстаза, осторожно уставившись на вошедшего мужчину. Он выглядел очень глупо, будто его заметили за чем-то неподобающим, и он шокировано пытался осознать, что произошло. Хотя, да. Так и произошло. Почти.

— Лига же должна нападать на штабы, не так ли? Селекторы отправляют магов в одиночку либо попарно в заранее предупрежденные штабы, чтобы покончить с ними. Не правда ли, сир Гегель?

— Кто ты, черт возьми, такой?

— Я новый Селектор, позвольте представиться, Роберт Льюис Стивенсон, можете звать меня Стивенсоном.

— Давно ты в наших рядах?

— Нет, меня назначил Неизвестный буквально пару дней назад.

— Из Лиги вышел?

— Да, мистер, миссис Шелли выдвинула мою кандидатуру на пост нового Селектора.

— Слава богу! Так что, какую же должность доверили новичку?

— Вашу.

Гегель резко поднялся, пытаясь выпрыгнуть в окно, хоть под ним и были около 5 метров. Его гримаса вся перекорчилась, а кровь, не прекратившая алый фонтан, будто застыла в воздухе, сосредоточив в себе пугающее мгновение.

Выстрел. Пуля, выпущенная из поднятого Стивенсоном магнума, пронзила черепушку сердобольного гиганта, посчитавшего себя мошкой. Кровь разбрызгалась жалкой лужицей по деревянному полу.

— Как печально, я не желал вам такой ужасной смерти, мистер Гегель. Царствие небесное вашей утомленной душе.

Прочитав напутствие трупу, новый начальник магического штаба «Тигр» направился в каменный сад, где Гегель до этого ублажал Байрона. Хромой маг не изменил своей позы, из-за разряженного высокогорного воздуха он не услышал выстрел, покончивший с его товарищем, продолжая топорщиться в скалистые дали.

— Прошу простить мое любопытство, не вы ли синьор Джордж Гордон Байрон?

— С кем честь имею?

— О, извините, я совсем забыл представиться, меня зовут Роберт Льюис Стивенсон.

— Тебя Гегель отправил?

— Да, мистер. Он хотел, чтобы вы оценили мою способность и посоветовали ему: на какую должность меня назначить.

— Ну, давай поскорее, у меня не осталось времени.

— Ох, конечно, только прошу вас, не удивляйтесь смене моего поведения, мне чрезвычайно стыдно за то, что произойдет.

— Ну.

Усы мага расплылись в улыбке, он снял с руки перчатку и закрыл ею свое длинное лицо. Сначала пальцы невозмутимо и без колебания прикрыли его лик, потом начались слегка трястись, а в итоге бешено заколебались, опустившись вниз.

Его карие глаза покраснели, окропившись в кровавый цвет, зрачки бешено мотались из угла в угол, причем каждый глаз исполнял свой несвязанный танец, больше похожий на предсмертную агонию. Его сжатые ладони раскрылись и скорчились, подражая лапам дикого зверя. Стивенсон вытащил свой язык и оголил клыки. Все его тело пульсировало в неопределимом такте, принимая боевую стойку.

— Шикарно, я думаю должность замест....

Лавка раскрошилась на мельчайшие частички, а хромой маг испарился из обзора. Сверкнула молния, и клинок почти вонзился в шею обезумевшего джентльмена, но лезвие лишь разорвалось на 6 частей, раскинувшись по тропинке на гору.

— Что?

— МЯСО, МЯСО, МЯСО. РУБИТЬ, КРОМСАТЬ, ПОЖИРАТЬ, КРОШИТЬ, МЯСО!!!!

Воздух затрещал от протяжного воя, разверзающего спокойствие снежных вершин.

Стивенсон обрушился на Байрона своим громоздким телом, выпрямив когти в сторону вражеской шеи. В ответ хромой маг лишь исчез из обзора, а разъяренный мужчина приземлился на выставленную руку.

— БОООООЛЬНО!!!

Ладонь вместе с предплечьем, локтем и плечом оторвались от опустившегося тела и распались на 10 частей левитирующей плоти. Куски мяса без какого либо намека на кровотечение разлетелись по округе, раскручиваясь и вертясь в случайных орбитах и направлениях.

Хромой маг снова попытался рассечь одним молниеносным ударом, хотя бы отлетевшие куски руки, но клинок за мгновение до встречи с желанной плотью распался на части и отлетел так резво, что чуть не задел своего же обладателя, который взволнованно скрылся в пустоте.

— ЕДАААААААА!!!!

Стивенсон набросился на свои же куски тела и начал жадно их пожирать, терзая свое мясо заостренными клыками. Но тут, он остановился и сжался в комочек. Байрон исчез, чтобы его уши не лопнули от услышанного — наидичайший визг распотрошил окружающий воздух, разверз небеса и разрушил все ближайшие сооружения, разбив деревянные укрепления в щепки. Кричащий маг оторвал голову от земли, уставившись в разгоряченные небеса. Его лицо скорчилось в невообразимую маску ужаса, кожа сложилась в безумное количество складок на лбу, глаза чуть ли не вышли из орбит, расписавшись красными кривыми полосками, а язык весь был в дырах от собственных окровавленных клыков.

Он издал последний вопль, и распался на части. Миллионы кусков нетронутой крови и мяса разлетелись по огромной площади одним мощным взрывом. Все, что находилось близко к левитирующим частичкам, распадалось на части, либо делясь надвое, либо распадаясь на мельчайшие песчинки. Сотни скрипов, грохотов, тресков и скрежетов разбежались по горам. Здания, столбы, деревья, каждый кустик и камешек распотрошило на части. Одну из громадных скал, застилающую горизонт, разнесло в щепки, отчего каменный исполин разлежся серым прахом на лежащей внизу равнине.

Из неоткуда появился Байрон в коричневом плаще, заносащий с бешеной скоростью свою ногу. Не успела стопа коснуться хоть чего-то, как пролетающая капля крови превратила возникшего из пустоты хромого мага в гору жилистого трясущегося мяса.

Кровавая каша захлюпала по камню, продолжая дробиться безудержной частичкой тела Стивенсона. Но пространство стянулось, тело обезумевшего мага вернулось в

целостную звериную форму. Он бешено засмеялся, проводя раздирающими кожу пальцами по своему трясущемуся лицу.

— МЯСООООО!!!

Маг накинудся на останки Байрона, вцепившись в его мясо. Он раздирал красное месиво, пожевывая измельченное сердце Селектора. Кровь сочилась из его губ и покапывала на дергающиеся колени. Он уткнулся лицом в мясо, бешено уплетая столь желанную пищу. Уродское чавканье, звуки летящих в сторону порванных сухожилий и противные протяжные хлюпы от слизывания стекающей крови порванным языком сопровождали эту чудовищную и раздирающую сердце сцену.

Спустя минуту Стивенсон уже посасывал свои пальцы, вытаскивая из острых ногтей куски застрявшего мяса и растирая по глотке оставшиеся пятна крови, появившиеся во время раздиранья бедного Байрона.

— Мясо. Не надо.

Монстр укрыл свое лицо трясущейся ладонью, после чего невозмутимым жестом Стивенсон открыл свой облик. Его раны заросли, а земля не оставила и следа от чудовищного пиршества, так как он сам же до этого жадно слизал разбрызгавшуюся кровь с пыльных каменных крошек.

— Как же омерзительно. Мистер Байрон....

Он поднялся с земли, вернувшись в прежнюю статную позу.

—Я крайне сожалею о вашей мученической смерти, к сожалению, того требовали обстоятельства. Будь моя воля, мы могли бы завести дружескую беседу и стать приятелями. Царствие небесное вашей неукротимой душе.

Стивенсон поклонился в землю, так как труп Байрона сейчас находился у него в желудке. Маг молча развернулся и направился вон с поля брани.

— Ну почему я все это помню? Этот кошмар, кровь, кишки. Хотя, если внутренне подискутировать на эту тему: мое раздвоение личности хотя бы сдерживает этого монстра от непрерывной жатвы.

Ветер ошарашенно прошелся по ровной платформе из каменной пыли, распростершейся на километре. Гора, прячущаяся дневной свет жалко обрушилась, пустив желтые волны в уничтоженный ландшафт.

— Осталось всего 4 Селектора.

..

— Твою мать! Кто это был?

Байрон скорчился у деревянного забора какой-то деревушки где-то неподалеку от разрушенного штаба и рыдал себе в колени.

— Он разодрал меня на части, окунул свое поросычье рыло в ангельские потроха и сожрал все, абсолютно все. Лишь бы это животное не поняло, что сожрало не того.

Видимо, он в очередной раз использовал непонятную магию, связанную с призывом клона и отдал его на съедение. Это был первый раз в жизни Байрона, когда он проиграл, он участвовал просто в сумасшедшем количестве смертельных схваток, но никогда не выходил так позорно проигравшим.

По песку, на который уселся маг, пополз муравей. Насекомое переминало микроскопическими лапками по земле, направляясь в щель забора. Байрон с невероятной скоростью вонзил в муравья палец, раздавив внутренности бедного существа. На его заплаканном лице расплылся довольный оскал, и он расслабленно откинулся у забора,

посмеиваясь над мертвым муравьем.

— Он в Санмортилонгиандроапле в парке в беседке, сказал, что ждет тебя.

— В смысле?

Перед ним стоял Байрон в белоснежном халате, как и он сам.

— Он сидит там где-то около часа, ожидая нашего прихода.

— Он не мог узнать, что мы всеведущие.

— А те, кто узнали, уже давно погибли.

— В том городке, говоришь?

— Да, торопись, он хочет что-то предложить.

— Понял.

Оба Байрона исчезли в одно мгновение.

..

— Ты не заставил долго себя ждать.

— Бром.

Безразличный Бруклинский Дьявол, наивный Бром и серьезный и рассудительный Хьюго — все они сидели в беседке, раскачиваясь на легком ветерке. Река стала ему гораздо дороже, чем в первый раз, в ее кривом контуре он находил что-то красивое, что-то простое, но загадочное, сумбурное, но гениальное.

— Присядь.

—

— Я одел кольцо.

Юноша повертел рукой перед недоверчивым магом. Байрон сел.

— Красиво, не правда ли? Вот бы такая красота всегда нас окружала, заполняя собой убогий мир.

— Ты позвал меня, чтобы обсудить речку?

— Почему бы и нет, мы никогда такое не обсуждали.

— Может ты объяснишь: что ты здесь делаешь?

— Что-то мне подсказало, что здесь ты меня точно найдешь.

— Хм, и где ж ты пропал эту неделю?

— Там же где и ты, в месте, о котором тебе не следует знать.

— Говори правду, Бром!

— Сразу же после тебя.

—

Над тихомирной водной гладью пролетел роскошный журавль, его перья озарились в ветвистом зеркале, разлившись по трясущемуся отражению.

— Ты же убил Говарда?

— Нет.

— Значит, ты был рядом.

— К чему эти обвинения? И с какого перепуга, я должен с тобой откровенничать?

Их взбудораженные голоса застыли в низких тонах, готовых заглохнуть в неожиданной битве.

— Я мало что понял, но, видимо что-то не так после его смерти, верно?

— Это было так очевидно?

— К сожалению, нет. Дай угадать, что-то связано с душой?

— Откуда ты все знаешь?

Байрон ошарашенно взирал на своего ученика.

— Не нервничай, я понимаю твои чувства. Ты не ждал от пушечного мяса развития. Представляешь, мне хватило всего 3 недели, чтобы тебя обыграть, Байрон. 3 недели, чтобы раскусить цель нашей командировки.

— Так что, ты просто решил вернуться в строй? Не уж то ты, действительно, ждал меня для этого?

— Знаешь, я осознаю, что я для тебя опасен. Сейчас я мало, что понял, но не прошло еще и месяца. Кто может предсказать, как много я о тебе узнаю через неделю или две. Но тебе нужна моя помощь, это твой приказ. Теперь это просьба.

— Ты до сих пор мой подчиненный.

— Кто? Я обычный парень из деревни, у меня темные волосы, а не пепельные кудри, как у твоего тупоголового ученика.

— Не превращай это в цирк.

— Так ведь приходится. Ты хочешь моей помощи, а я твоей — при этом я не могу тебе повредить, а ты не способен меня убить. Соответственно, никакая сторона не может надавить на другую, чтобы доминировать. Остается лишь компромисс.

— И что же ты предлагаешь?

— Я устраню ту проблему, ради которой мы тогда сели в автобус, а ты уволишь меня и забудешь о моем существовании. Каждый что-то даст и что-то возьмет.

— А что если я найду способ надавить?

— Ты его не найдешь. Моих слабостей попросту не существует. Да и тогда, мне будет легче банально тебя игнорировать.

— То есть, мы объединяемся против общего врага, а после расходимся в разные стороны?

— Ты имеешь что-то против?

— Нет, что ты.

Байрон протянул ладонь Брому, после чего их руки слились в рукопожатии Кровавый блик заката, уходящего под горизонт, как фотоаппарат, запечатлел этот знаменательный момент.

«Идиот»

«Идиот»

Одинаково оценив решение друг друга, Бром с Байроном уставились на голубой небосвод. Где-то вдалеке упала звезда, ознаменовав что-то мистическое.

— Кстати, продавец из книжного магазина передавал тебе пламенный привет, Байрон.

— Как он там?

— Поставки научной фантастики сократили, а вот фэнтези навезли целую кучу, что ему сильно не понравилось.

— Да, этот грубиян постоянно от чего-то ноет.

— Я думал, что ты в первый раз его увидел в день нашего приезда.

— Нет, он когда-то работал в штабе Бальзака, мы еще тогда с ним поругались.

— С каждым днем я узнаю о все большем количестве магов, это точно редкий дар?

— Да, нет, что ты, не подумай. Он просто привозил продовольствие и вещи на грузовичке.

— Упс.

— Постоянно выбирался из кабины и кричал: «Твою ж направо и налево! Опять

заглохла, кабанья селезенка! Иди сюда, балда хромая, поддержишь!»

— А ты что?

— А я ему: «Мисье, конкурс по самым тупым фразочкам в 5 километрах на запад»

— Ахаха, и что он ответил?

— Лучше тебе этого не слышать, это мультивселенский уровень оскорбления.

— Ладно.

Луна расплзлась по водной глади, окрасив берега в молочный цвет.

— Тогда встретимся здесь же завтра утром, Бром.

— Хорошо, до завтра, союзник.

В то время, как Бруклинский Дьявол приглушенно смеялся в полуночной темноте, Байрон как всегда испарился.

Хьюго внутренне возликовал своим переговорам. Пока что все шло по его плану.

«Даже Байрон не оправдал своего величия»

..

Да, молодой господин, вам что-то не понятно в моем повествовании? Уверенность Брома? Я хотел бы описать его план позже, ведь.... Слушаюсь.

..

Стратегия Бруклинского Дьявола не была гениальной или же очень муторной, весь его план заключался лишь в одной вещичке.

Буквально за несколько дней до его встречи с бывшим наставником, Бром наладил контакт с Виктором Астафьевым, гостившего у него дома. Способность мальчика заключалась в копировании любого предмета, по размеру не превышающему объем самого Вити. Конечно же, после одного только озвучивания этой силы, Бром протестировал его возможности на своем кольце. Как оказалось, все особенности и свойства копируемого предмета беспрепятственно передавались своему двойнику. Но сам Витя предупредил, что создавая копию копии, а после копию копии копии, некоторые внутренние качества могли исчезнуть. Не долго думая, Бруклинский Дьявол создал с помощью пацана 56 рабочих и одно бесполезное кольцо, причем каждое из них абсолютно ничем не отличалось внешне от своего собрата.

План заключался в том, чтобы доверить Байрону бездейственное кольцо, которое после выполнения их договора привело бы его к глупой и скоростижной смерти.

Марина отправилась в Виззир в сопровождении Данте, хоть и с досадой, но поклявшимся сохранить дорожку для друга девушку в сохранности.

Друг перестал быть другом, наставник перестал быть наставником и даже жена уже не была женой, потому что и Бром был уже не Бром.

Нравоучительные эпизоды в Сане, пытки, смерть Марины — все эти чудодейственные вещи оставили неизгладимое впечатление на его черством сердце, перевоплотив бездумного и мертвого Бруклинского Дьявола, опиравшегося на ледяную стену в Бруклине, в крайне осторожного, хитрого и сурового Хьюго, собиравшегося провести самую рискованную авантюру в его жизни.

Один из Селекторов глупо погиб, второй стал целью своих же товарищей, а остальные готовились к великой распре. Где-то далеко задумывал план по нападению заросший и обезумевший Карл. В горах располагался таинственный Стивенсон с неопределимой мощью. Некий Неизвестный дергал за загадочные нити,двигающие мир.

Вселенная готовилась к катастрофе.

Мир не спас красоту: Часть 2

Юноша в шерстяной безрукавке уже который раз за продолжительный день перебирал в воздухе руками, складывая из бесконечных снежных полей громадные стены, растолстевших на десятки метров. Белое небо уныло нависло над двумя магами, сердобольно передвигающимися меж однообразных сугробов.

— Теперь я понимаю ваше раздражение, учитель.

Старик в женском облики петлял вдоль стены, сдавливая получившуюся конструкцию деревянным брусом, лежавшим в его замерзшей руке. Девушка была одета все в ту же замшелую шубу из уже стершейся оленей шкуры.

— Этим людям было достаточно лишь одобрить наше участие, но их окостенелые принципы вынудили нас увеличить площадь оберегаемой территории чуть ли не втрое. Почему этим дикарям так чуждо новаторство, никогда этого не пойму.

Федор — Софья очередной раз шлепнула деревяшкой по шуршащему снегу, скрепив ледяные снежинки в одну лепешку. Ветер суматошно вдавливался в белую конструкцию, разбиваясь на невидимые вихри, возмущившиеся действиями Джека Лондона и Федора Достоевского.

— Может, вы что-нибудь мне расскажете, учитель, работа не обещает быстро закончиться.

— Что тебе рассказать?

Девушка вопросительна уставилась на юношу, скрестив руки за спину. У молодого мага, воздвигающего снежные укрепления, уже дергались беспрерывно крутящиеся руки, а ноги еле держали прошедшего несколько десятков километров мага. Софья ощущала примерно тоже самое, но виду не подавала.

— Вы же видели упырей, какой самый удивительный вам попадался и какой самый страшный?

— Хо-хо.... Хороший вопрос, навевает воспоминания....

Не прекращая постукивания по воздвигающемуся снегу, девушка начала свой рассказ, отбросивший всю их окружающую пустоту за область восприятия.

— Что ж, начну-ка я, пожалуй, с самого удивительного. Лично я его назвал: Серафим. В одно заснеженное, что не удивительно, утро я вышел к Ложу Бугров, что на севере. Свет еще не объявился на молочные поля, и лишь тьма орошала снежные бугорки. В то время я следил за тем местом, подозревая его в зарождении упырей. Как я и говорил, ничего не было видно дальше своего носа, но тут буквально из неоткуда появился Серафим. Тело упыря выглядело в точь-точь, как женское тело, оно было идеально стройное, идеально гладкое, бесспорно грациозное — будто в нем воплотилось само понятие красоты. На аккуратной девичьей шее сидело невероятно миловидное лицо, у него был прямой нос, идеальные губы, улыбающиеся всему вокруг, и великолепные сапфировые глаза, блистающие своими суженными, как у змеи, зрачками с ослепительным блеском, распростершимся по всему голубому пространству этих восхитительных глаз. Тонкие брови так естественно и умиротворенно легли на этот божественный идеал, что взгляд этого упыря мог свести с ума, затмить понятие красоты в моем разуме. К гладкой спинке крепились два огромных крыла, превышающие по высоте тело чуть ли не вдвое. Они выстроились грациозной вертикальной линией, белоснежные орлиные перья переливались радужными цветами, а с кончиков

крыльев сыпались разноцветные искры, будто замедленно падающие на обветшалый снег, украшая собой крошечную тьму. Перья крепились и к макушке, сложившись в длинную волну, развевающуюся по ветру. Вместо ног Серафим плавно и элегантно перебирал длинными синими отростками, похожими на щупальца. Не касающиеся земли ленточки двигали огромное создание по воздуху, разбрасывая его вневременную красоту по безжизненной округе.

У Джека была хорошая фантазия, а Федор имел особенность умело описывать прожитое им, так что молодой ученик совсем поглотился в образы, вставшие в его голове радужными всплесками. Он смотрел в одну точку, очередной раз, передвигаясь вдоль воздвигаемой стены.

— И что же с ним произошло в итоге?

— Я обомлел и потерял дар речи, рассматривая это чудное вневременное создание. Он повернул свою изящную голову в мою сторону, с улыбкой воткнувшись в мой любопытный взгляд. На меня смотрела мама, любовница, жена, лучший друг, сам Бог — все возможные вариации любви слились воедино в этом будоражающем взгляде. Он беззвучно двинул своими громадными крыльями, осыпав меня радужными всплесками искр и исчез, безмолвно расставшись со своим ошарашенным зрителем.

— И вы больше никогда его не видели?

— Нет.... Никогда. Он иногда приходит ко мне лишь во сны, одаривая тем вдохновенным и любящим взглядом, но это лишь мои сновидения.

— Да, а что насчет самого страшного упыря?

— К сожалению, я запомнил и его. Его я видел уже Впредкрожье, что вообще далеко на западе, в тот день, наоборот, было на удивление светло. Я залег у опушки леса, ожидая упырей, в то время часто вылезавших из тех дебрей. Черные деревья маленькими линиями рассеялись по снегу, исполосовав мой взор. Я напрягся, ведь рядом что-то зашуршало, перебирая конечностями по трескучей земле. Это был обычный олень. Я отдышался, испугавшись неожиданной беды и даже не заметил, что зверь не шел своей обыденной горделивой походкой, а поспешно подпрыгивал на копытах, пытаясь от кого-то убежать. За ним гналась черная сфера, она вилась вокруг себя, затягивала окружающую ауру в себя, поглощая воздух и свет. Из необъяснимой густоты на оленя бешено уставились три глаза, свободно торчащие в темной материи. Они вонзились ему в голову и залезли вместе с закручивающейся дымовой воронкой в звериный рот. Его таз разверзся, выпустив из себя бесчисленные кишки, смякнутые на снег. Пока животное мученически выло, его органы выбрасывались из тела, улетая на несколько метров во все стороны. Окровавленное и пустое нутро упало на снег, но голова продолжала держаться, упираясь рогами вверх. Некая сила оторвала оленю голову, глаза зверя повылезали из орбит и вытекли на снег, а во лбу выжглась черная дыра. Голова подлетела в воздух, и глазницы вместе с дыркой в черепе залились темным светом. Трехглазое создание вселилось в оторванную часть звериного тела и полетела вглубь леса, покачивая свисшими кусками костей.

— Твою ж.... И что? Что вы сделали?

— Я попытался напасть на него, но страх сковал мои ноги, вцепился в мои мускулы, не пуская их к этому чудовищу. Я просто остался на месте, не пошевелив и пальцем. Ну, слава богу, ни одна из соседних деревень не повстречала такого чудовища, и никто не пострадал от этой непонятной силы.

— Я же правильно понимаю: упыри бывают и разумные?

— Да, я видел несколько таких. Кто-то умеет разговаривать и мыслить, но они безобидны из-за своей разумности. В основном они просто оставались в лесу, становясь для местных богом или дьяволом: это уже зависело не от них, а от человеческой фантазии.

— А вы не спрашивали разумных упырей: помнят ли они, где именно они появились?

-Они все говорили, что появились посреди белоснежных равнин, причем каждый указывал совершенно разное место, отчего их ответы стали бесполезными.

— То есть, мы ищем их логово чуть ли не вслепую?

— Ну да, до этого уровня нам остается только, действительно, ослепнуть.

Маги, не имеющие сил для смеха, молча пропустили шутку мимо ушей.

..

— Наконец-то!

Джек с грохотом свалился на землю, распластав руки и ноги. Все, что только можно было, затекло и посинело, еле живые маги стояли у той же огромной стены, отличие было лишь в том, что эта стена теперь образовывала огромное кольцо ледяных сооружений, обогнувшее примерно 16 квадратных километров сплошного снега.

Все это время молодой юноша вышибал стены, уходящие на 30 метров под землю и выпирающие на те же 30 метров ввысь. Стена была огорожена от остальных равнин маленькими комочками из резины, устилающими весь контур постройки с двух сторон.

— Отдохни, мы наконец-то закончили.

Девушка уже тряслась от напряжения, ее губы тоже налились синим, а лицо стало мертвенно-бледным. Она подошла к стене и тихо прошептала ключевое слово.

— Камень.

Длинное снежное кольцо вмиг превратилось из сомнительного сооружения в грозную булыжную стену. Высотой в 60 метров и толщиной в 10 метров она захлопнула неимоверно большую площадь.

— 22 километра работы, мы с вами молодцы, учитель.

Непоколебимая до этого Софья довольно улыбнулась их совместному достижению и свалилась лицом в снег, раскинув онемевшие руки.

— Учитель?

Джек резко отошел от недоумения и подбежал к девушке.

— Вы как, учитель?

Он несколько раз хлопнул по девичьему лицу своей ледяной ладонью, но его излюбленный учитель потерял сознание и не собирался так легко пробуждаться.

— Твою мать!

Юноша поднял низкорослую девушку на свои отягощенные от работы плечи. Загруженный тяжким трудом Джек поплелся по зыбучему снегу, норовящему вот-вот засосать его бедные ноги. Молодой маг вздохнул полную грудь холодного воздуха и с новыми силами зашагал через подлые сугробы.

Через час он добрался до их временного убежища. Джек громоздко топал по деревянному туннелю, проложенному глубоко под снегом Федором Достоевским, направляясь в их временный штаб. Наконец, приятное тепло коснулось его бледной щеки, и свободные от тяжести пальцы потянули за скрипучую ручку.

Софья мгновенно переместилась на кровать, стопка дров в печь, а Джек за стол. Он потирал разогревающиеся ноги, дрожащие от неожиданного и лаского тепла. Из юношеского горла вырвался болезненный кашель, нарушивший уютную тишину и трещание огня.

«Хорошо, что учитель спит, если мы еще будем разбираться с тем, что я болен Белой хворью, мы так никогда и не доберемся до нашей цели».

Он снова кашлянул, отчего в голове зазвенело, а глаза слегка помутились, пропустив сквозь себя неприятельскую тьму.

«Фух. Все хорошо. Мы все-таки доделали стену, подкопаться или перепрыгнуть никто не сможет, а если деревенские и вылезут, упыри быстренько их напугают, и люди спрячутся. Первый шаг сделан. Теперь надо договориться со старейшиной, чтобы они не покидали барьер. К сожалению, на это они горазды».

Джек прилег на кровать, вспоминая рассказы своего учителя и представляя того прекрасного Серафима.

«Вот бы его увидеть»

..

По комнате снова посыпался протяжной и тяжелый кашель.

— Учитель спит.

Юноша поднялся с кровати, утирая заспанные глаза от приятной дремы. Софья все также безмолвно находилась в теплой кровати, казалось, что она вовсе не сдвинулась с той позы, которую ей оставил Джек.

Маг несколько раз ударил по щекам, помотав бледной девичьей головой в разные стороны, но никакой реакции от этого не последовало.

— Надо идти, на этот раз одному.

Джек с испуганным предвкушением взглянул на дверь и покинул пещеру, оставив Федора одного под землей. На улице ничего не изменилось, что было неудивительно для застуженного Кольца: снежные хлопья яростно набрасывались на землю, складывая свои головы в блестящем поле. Вместо голубого неба с ярким солнцем, над макушкой лишь безмерно растянулось белое полотно, а ветер все также рвался необузданной толпой в непонятном направлении.

Юноша поплелся вдаль от входа, раздвигая ногами неподатливые слои снега. Джек быстро поводил руками в воздухе, вычерчивая необъяснимые геометрические фигуры. Перед ним приземлились в сугроб ледяные широкие лыжи с кривыми креплениями. Палки в таких зарослях лишь помешали бы, зато обширные стопы обеспечивали устойчивость. Деревенские жители с таким чудом природы не были знакомы. Вся древесина заканчивалась редкими елочками, да и то их еле хватало на протопку печей, так что о каких-то лыжах не шло и речи. Конечно эти люди ни за что бы не пожертвовали и полена за это приспособление, упорно продавливаясь сквозь бесконечные сугробы. Эти люди никогда бы и не поняли, что с лыжами они бы добыли в разы больше дерева, не говоря уже о других благах.

Это была вся суть обитателей Кольца: люди, каким-то образом не погибшие в этих просторах, сохранили свои правила выживания для потомков. В таких суровых условиях, разве кто-то осмелится отступить от проверенных заветов, даже если они губят сотни их же сородичей. «Шаг в сторону — смерть» — одно выражение, способное выразить устой этих обезумевших жителей губительных пустынь.

Джек как раз подошел к деревне. Чернявые кучки нелепо рассыпались по белоснежному простору, как мухи свалившиеся в молоко.

Мало кто понял бы какое сейчас вообще время суток, но жители четко знали, что нынче на улице шуляло утро. Это знал и Джек, он лично вышел из этого селения. К магии соотечественники относились крайне презрительно, отчего чуть ли не грудного мальчика с

удовольствием отдали еще не одряхлевшему Федору. Достоевский был и наставник и опекуном властителя снега, поэтому между ними выстроились теплые отношения, а сам юноша пропитался глубочайшей верностью и восхищением.

— Извините, можно я войду?

Джек заглянул внутрь одной из хижин, в которой, по идее, должен был сидеть старейшина. Приподнявший шкуры маг нашел внутри горячий спор между жителями, но, к сожалению, ему было, довольно, тяжело понять тему разговора из-за особенности их речи.

— Нех, вах уех захехат махо! (Нет вас всех зарезать надо!)

— Похших х чехту! (Пошел к черту!)

Бородатый мужик замахал кулаками и после не очень вежливой просьбы выскочил из хижины, задев незамеченного Джека огромным плечом. Все они на перебор были в оленьих шкурах, переливающимися серыми и корчневыми красками.

— А тых хто?

— Извините, можно войти?

Старый мужичок с узкими морщинистыми глазами и седой козлиной бородкой сидел на куче шкур, облокотившись на такое же скопление животного меха, развешенного на стене. Его круглое лицо сердито морщилось, а руки, сложенные на груди, то и дело вырывались наружу, указывая пальцем вверх. Хыкание, заменившее адекватную речь, рано покинувшему это место Джеку было не очень понятно, и он суматошно повторил свой вопрос.

Все следующие фразы жители, как на зло, говорили в том же диалекте, но Джек перестал теряться в их речи и смог распознать знакомые ему слова в куче непонятицы.

— Маг, значица. Вот вас тварей развелось, уже и в дом лезут. Что тебе надо?

Юноша довольно вошел в комнату и, потирая вспотевшие ладони, завел чуть ли не судьбоносный разговор.

— Я насчет стены....

— Мы уже видели, какую гадость вы нам сделали. Мало ли что от этой стены треклятой будет. Учудили, понимаешь.

— Так вот, не могли бы вы....

— Нет.

— Я же не договорил.

— Плевать, вам только и надо, чтобы мы что-то нарушили, запятнали наши священные заветы и обычаи.

— Я....

— Ну давай, что ты хотел сказать? Может мне сбрить бороду, начать грызть кору, охотиться днем или отправится в ваш штаб, чтоб из нас там мозги вышибли?! Что, что вам надо?!

— Не проводите в этом году Хат Абат.... Пожалуйста.

— Ты.... Ты, верно, смеешься надо мной. Выродок, мало того, что ты посмел себе здесь показаться, ты еще и говоришь мне такие поганые вещи. Я, мой отец, дед и прадед, все люди до этого проклятого дня проводили Хат Абат каждый год, почитая своих предков, а ты предлагаешь мне это отменить. Наплевать в душу своим умершим родственникам, чтобы помочь подлому и мерзкому выродку?

— Если.... Если вы пойдете, вы же выйдете всей деревней из стены, вы умрете!

— Этот бред нам плел еще тот тупой дед.

— Понимаете, если вы не прислушаетесь к нам, некому будет почитать вашу память в

будущем, все....

— Пшел вон, щенок.

Суровый взгляд пронзил молодое сердце

Джек опустил взгляд и, поклонившись разъяренному старику, вышел из злобной хижины.

Метель злорадно шлепнулась в его огорченное лицо, захлопнув черные ресницы.

— Извините, учитель, я все испортил своей вспыльчивостью.

Снег заполнил тяжелый воздух, а люди все также безвылазно томились в своих жилищах. Как комья, мысли Джека нарастали, запрыгивая друг на друга.

«Обычно я хожу сюда с учителем, и мы быстро уходим, как только выполняем наши дела, так что у меня не остается ни свободной минутки. Может воспользоваться своим одиночеством? Где-то здесь, по идее, мои родители, надо хотя бы встретиться с ними».

Юноша повиллял головой в стороны и решил повернуть направо, чтобы обойти все хижины, возвращаться с расспросами к старейшине ему не хотелось. Первой ему попалась маленькая хижинка чуть ли не напротив от главного жилища.

Внутри сидела седая женщина в посеревшей шубе и более молодые девушки, окружающие ее по всей хижине. Стертые пальчики перебирали пресноватое мясо в руках, вырезая косточками хрящи из животного тела. Занятые работой женщины не обратили внимания на вошедшего, только старушка повернула в его сторону голову.

— Извините, вы не знаете, где я могу найти своих родителей?

—

Она молча отвернулась от Джека и уставилась в пол. Юноша продолжал неловко торчать у входа, после чего понял, что от них он ничего не добьется и расстроено вышел.

«Может в следующей мне что-то расскажут»

Он снова раздвинул шкуры и на этот раз зашел в хижину побольше, на коврах посапывал рослый и усадый мужчина, завалившись на бок, а вокруг него игриво ползали маленькие дети, прижимающиеся к теплому отцу. Помимо двух младенцев внутри сидел молодой паренек двенадцати лет, перебирающий наконечники стрел в руке.

— ...!

Он неожиданно уставился на вошедшего мага, удивленно подняв толстые брови.

— Что....

Паренек хотел что-то проговорить шепотом в уютной обстановке, но ему в висок прилетел меховой сапог. Он смиренно обернулся в сторону отца, показывающего ему кулак, после чего безысходно пожал плечи и вернулся к делу.

«Значит и здесь мне не помогут».

Джек уже шагал по заснеженной улице, возвращаясь к дому старейшины.

«Теперь налево»

В следующей хижине вообще никого не было, все пространство припорошило снежком, а шкуры остались лишь мелкие либо совсем уж дрянные. Воздух оледенел, и казалось, что внутри холоднее, чем снаружи.

«Странно. Если здесь пустая хижина, то почему те женщины теснятся в одной?»

Не получив никакого ответа он пошел дальше, перетаптывая по безмолвной деревне, засыпанной снегом.

Следующая картина отличалась от предыдущих. Мужичок сжался в комочек, покашливая в углу, а его жена, согнувшись в три погибели, блуждала вдоль и поперек,

поднимая с пола редкие сучки и обрубки полен. Дитё беззвучно лежало на самой хорошо выглядящей шкуре, посасывая бледный пальчик.

Все жилище наполнилось кашлем: отец семейства нервно выплевывал мокроту, жена иногда прикладывала кулак ко рту, сдерживая противные болезненные звуки, и даже ребенок иногда кашлял, брызгая слюной в застывшем воздухе.

— Извините, вы не знаете, где я могу найти моих родителей?

— Демон. Уйди.

Женщина жалобно и безнадежно взглянула на Джека, ни воплей, ни криков — лишь обычная просьба тихо вышла из ее потрескавшихся губ.

— Извините.

Отец семейства никак не отреагировал на столь неожиданного гостя, лишь повернувшись на другой бок, а младенец бросил безразличный взгляд и снова уставился в потолок, в котором он выискивал что-то веселое.

«Все еще хуже, чем я представлял. Может, мне уйти? Не вижу смысла так беспардонно продолжать их опрашивать, все равно ответа я так и не добьюсь. Зайду еще в одну».

В следующем жилище яростно махал руками непонятно на что тот бородатый мужик, встретивший плечом молодого мага, когда он только вошел в дом старейшины. Хозяин хижины расселся на шкурах, разбросав какие-то костяные фигурки по меху. Он тыкал в каждую по очереди и попеременно вскрикивал, хватаясь за чуть ли не прямоугольную голову.

— Да что это?! Этот старик так нас погубит!

— Извините, вы не знаете, где я могу найти своих родителей?

— О, выродок, тут еще и ты!

— Вы говорите со мной?

— К черту запрет этого идиота, что тебе надо?

Маг радостно задергался, повторяя свою просьбу.

— Вы не знаете, где мои родители, мне хотелось бы их увидеть.

— Родители?

— Да.

— Ну что могу сказать, их сожгли.

— Как сожгли?

— Да как тебя забрали, так и сожгли.

— За что?

— Так они ж демона зачали, что ты ожидал, ты думал: почему с тобой никто не разговаривает, это все тот пердун придумал.

— А.... Их приказал сжечь тоже он?

— Да нет, их бы и так и сяк, чего уж таить. Я вот думаю, может, вы не совсем уж и говнюки — маги?

Мужик сощурил глаза, внимательно взглядевшись в замершего Джека.

— А хотя нет, ты не похож на хорошего человека.

— Я?

— Ну не я же. Ты все?

— Да.... Хотя нет, я же правильно понял, что вы против Ат Хабата?

— Кости сказали, что мы умрем, а этот полудурок решил, что его решения важнее решения богов.

— А вы не могли бы назвать свое имя?

— Хотых.

— Спасибо за все, до свидания.

— Пока, выродок, если что-то захочешь высказать этому старому соплежюю — приходи.

— Да, хорошо.

Джек поплелся в снежную даль, устилаемую белыми хлопьями. Ресницы покрылись льдом, а текущие слезы примерзли к щекам. Ветер играл заунывную песню, пока молчаливый маг нелепо передвигал сквозь сугробы своими ногами, совсем забыв о лыжах. Он шел бездумно и безмолвно.

..

— Ты был в деревне?

Замерзшего и поникшего мага встретила серьезная девушка, сначала рассматривающая карту, разложенную на столе, а после повернувшая голову на своего ученика. Ее взгляд понимающе и слегка сурово проникал в разбитое сердце юноши, сжавшегося у своего учителя.

— Да, учитель....

— Ну и как?

— Они жестко мне отказали.

— Оно и не удивительно, они крайне редко на что-то соглашаются. Ну ничего, ты сделал все, что смог. Винить тебя в их туполобости бессмысленно. А что еще?

— Я встретил некого Хотыха, он не против отмены Ат Хабата, и мы, в принципе, можем использовать его в диалоге с деревенскими.

— Это замечательно, я потом с ним поговорю, и это всё?

— Да....

— То есть, он ничего тебе больше не рассказал?

— Почему вы мне не говорили о моих родителях?

— А что я должен был сказать? Уж точно не то, что тебе, явно, открылось в деревне.

— Я думал, что родители просто бросили меня....

— Так и было. Они тут же выкинули годовалого ребенка, как только он зажал комочек снега в воздухе. Просто....

—

— Обычай такого не прощают. С этим ничего не поделаешь.

— Но.... Я....

— Я не говорил тебе об этом, так как не был уверен, что ты выдержишь. Выдержишь гнев.

—

— Ах, понимаешь, Джек, самое страшное в ужасных людях, то, что они тоже красивы. Даже самые отвратительные пороки можно понять. Они, как минимум, заложники своих традиций, не высунь я тебя оттуда, ты бы без промедления сделал тоже самое. Ну а вторых....

—

— Они просто боятся тебя, Джек. Представь себя: без магии, без тепла, без веры, что ты проснешься завтрашним утром, без каких-либо гарантий чего-либо. Маги — кто это? Не строят ли они козни? Можно ли им доверять? Как с ними справиться? Никак. Значит надо держаться подальше.

—

— Мы можем уничтожить этих людей, можем заставить их что-то делать, угрожать, шантажировать, но какой в этом толк? Пока на них безостановочно падает снег, они будут держаться за единственные устоявшиеся правила выживания, будут немислимо бояться всего нового и наслаждаться своими муками, зная, что это их личные мучения и что они их знают.

— Я мог стать таким? Мог бессердечно убить свою мать, винить во всем неповинного человека и идти на верную смерть наперекор здравому смыслу?

— Мы все могли.

—

—

— Спасибо, учитель, я, пожалуй, прилягу.

— Обязательно, Джек, только для начала умойся.

Юноша поспешно вымыл лицо комнатной водой, хранившейся в небольшом чайничке в шкафу, отчего застывшие ледышки, покрывшие его лицо, растаяли и разлились по полу. Джек забрался в кровать, накрыв себя толстым одеялом. Он мгновенно уснул, и только грудь иногда подрыгивала, показывая Федору, что спокойное состояние его ученика на самом деле таким не было.

«Нет смысла топить печаль, ничего плохого в этом чувстве нет, даже наоборот. А вот гнев, это другое дело. «Дай человеку проплакаться, но не подпускай к дубине» — где-то я такое слышал, или сам придумал? Неважно. Я надеюсь, Джек внемлет моему совету и забудет об этой трагедии. Раз старейшина так твердо стоит на своем решении, у нас нет никаких причин, чтобы здесь сидеть. Надо только встретиться с этим Хотыхом и обсудить с ним возможное спасение этих людей. Завтра двинемся на восток, а там и до Крапогорья не далеко. Удача бы нам не помешала. Если б она вообще здесь существовала».

Девушка пожала плечами и пододвинулась к спящему ученику, накрыв его поледеневшее лицо меховой шапкой.

— Ты пришел?

— А что, не заметно?

Бром показушно выставил руки в стороны, рассматривая прибывшего Байрона. Вопреки ожиданиям, абсолютно ничего в их обликах не изменилось: хромой маг был в белом развевающемся халате, а Бруклинский Дьявол напялил на себя белую рубашку и джинсы, что до этого для него было несвойственно.

Солнце тревожно маячила прямо в глаза собравшихся союзников.

— Раз мы больше не начальник и подчиненный, а союзники, связанные сделкой, у меня есть несколько условий.

— Ты ничего о них вчера не говорил.

— А ты и не спрашивал.

— ...Что за условия?

— Передвигаться будем отдельно, чтобы ни я, ни ты не боялись западни.

— Ты серьезно?

— Ну ладно. Чтобы я не боялся западни.

— У тебя слишком стрёмная магия, чтобы слепо тебе довериться, знаешь?

— Тем не менее, каждый раз мне слепо доверяются.

— Это было последнее условие?

— Нет.

— ...

— Отдай кольцо.

— Ты не слишком осторожничаешь?

— Лишняя уверенность не помешает.

— Держи.

Нахмурившийся Бром стянул с пальца кольцо и бросил его в протянутую руку Байрона, от чего он широко заулыбался и поскорее одел желательный артефакт.

— И последнее условие.

— Ты надо мной, верно, издеваешься.

— Коснись меня.

— Зачем?

— Проверить кольцо.

— Ты, серьезно думаешь, что в мире существует похожее кольцо?

— Не дури мне голову, Бром.

— Ну а что, если оно действительно фальшивое. Ты же просто умрешь.

— Это уже моя забота, я сказал: «Коснись меня».

— Как хочешь.

Юноша лениво хлопнул своего напарника по плечу, после чего засунул ее в карман, раздражительно поглядывая на Байрона.

— А у тебя....

— ...?

— У тебя есть какие-то условия?

— Не наблюдай за мной.

— Есть что скрывать?

— Да, раздражение от твоего недоверия.

— Что ж, тогда встретимся в Эйное.

— Это где?

— Помнишь дорогу до аэропорта?

— Примерно.

— Ищешь табличку с названием «Эйной», покупаешь билеты и летишь.

— Я может и тупой, но знаю, что мне нужны деньги.

— Боже, на.

Байрон вынул из кармана фиолетовую потертую книжицу и кинул ее Бруклинскому Дьяволу.

— И как мне это поможет?

— Меня пускают повсюду, покажешь, и билеты в кармане.

— Что-то мое лицо на твое лицо не похоже, вдруг подумают, что я просто забрал его?

— Ну, если ты смог его забрать, они просто обосрут и отдадут билеты.

Хромой маг высокомерно усмехнулся напоследок и исчез в утреннем воздухе.

«Удостоверение? Джордж Гордон Байрон, 1965 год рождения, пол мужской, не женат, ранг А. Что такое ранг, и какой сейчас год?»

Ни умиротворенно плывущие облака, ни чрезмерно доставучее солнце, ни дорога у входа в парк, покрытая опавшими листьями ему не ответили.

«Ну что ж, пошли».

..

«Прикол. А где я?»

Посреди многолюдного перекрестка потерянно стоял Бром, оглядывающийся во всех направлениях. Прохожие куда-то спешили, небрежно переминая напряженными ногами. Он стоял неподалеку от этой толпы, пытаясь меж движущихся голов разглядеть указатели.

«Сранный Сан».

— Извините, а вы куда?

Еще один потерявшийся путник нашел своего брата по несчастью и подошел на расстояние вытянутой руки. Когда Хьюго опустил голову, перед его взором предстала девочка лет четырнадцати в школьной форме. На спине висел голубой портфель, а золотые волосы были завязаны в пучок. У нее были ярко-каштановые глаза и правильные черты лица, она трепетно уставилась в лицо убийственному магу.

«Она мне кого-то напоминает»

— В аэропорт, а тебе какая разница?

— Ой, а мне тоже туда!

— Серьезно?

— Может, если мы объединим наши усилия, сможем добраться до туда вовремя?

— Это слишком подозрительно.

Бром отвернулся от нее и направился в сторону, но вскоре понял, что и уходить ему от нее некуда, так как пути он, действительно, не знал. Маг удрученно обернулся на девочку, победоносно смотрящую на его безысходность.

— Давай тогда отойдем.

— Давайте.

..

Юноша оперся на бетонную стену в затемненном переулке, уставившись на девочку, нервно потирающую перед ним рукава.

— Это не лучшее место, чтобы разговаривать с детьми.

— Тебя как зовут?

— Диана.

— Меня Хьюго.

— Приятно познакомиться, так что....

— А фамилия?

— Вам зачем?

— Да просто интересно, я, вот, Бордо.

— О, я тогда от вас недалеко ушла. Я Бронте.

«Так и знал. Надо выудить побольше информации у родственницы той психованной, а уже потом принимать решения».

— А как маму твою зовут?

— Это вам тоже просто интересно?

— Да.

— Мистер Хью, я не буду отвечать на такие вопросы.

— Хью?

— Мне так легче.

— Ладно, ну ее хоть не Энн звали?

— Нет.

— Слава богу.

— И?

— А, точно. Тебе зачем в Эйной?

— Я к бабушке на лето.

«Я даже не спросил, летит ли она именно в Эйной».

— На лето? Уже середина августа.

— Ну так. Самое время, чтобы навестить бабулю.

Бром посмотрел вверх.

— И что, как ты заблудилась, в первый раз к ней отправляешься?

— Да, я обычно к ней на пароходе добиралась.

— А почему теперь на самолете?

— Так морская болезнь начала мучить.

— Какая?

— Ну, когда тошнит от качки, знаете?

— Мда. Конечно знаю.

—

—

— Так что будем делать?

— Я не знаю, это вроде ты предложила мне помощь.

— Ну, а у вас есть что-нибудь по типу карты, может, вы просто не разглядели?

— Никакой карты у меня нет.

— А как же вы собирались добраться?

— По памяти.

— Ну, похоже, ваша память вас подвела.

Девочка растерянно мотала головой в ответ на безответственность своего спутника. Люди все также петляли по дороге, Диана расстроено выдохнула и поплелась в их сторону.

Бром с удивлением взирал, как девочка спрашивала всех прохожих подряд, показывая руками свою ситуацию. Спустя десяти минут кривляний Диана устало вернулась к рассудительному, но безмозглому магу.

— Надо идти в том направлении, а потом свернуть направо у торгового центра, там прямо и налево у книжного, так мы и доберемся.

— Ну что ж, тогда прощай, Диана, мы прекрасно сработались в команде и нашли путь.

Юноша похлопал ее по плечу.

— Вы издеваетесь?! Да я все сама сделала! Если б не я, вы б так здесь и торчали!

— Тебя кто-то заставлял делиться со мной полученной кровью и потом информацией?

— Нет, мистер Хью, вы пойдете со мной.

— Зачем? Ты же узнала дорогу.

— Будете меня охранять!

— И то дело, пошли.

— А, это было так легко?

— Так это же логично.

Маг двинулся в рассказанном направлении, не обращая внимания на ошеломлённую и рассерженную девочку.

— А вам зачем в Эйной?

— Дела.

— А поконкретней?

— Работа.

— И кем вы работаете?

«Мне она не нравится»

— Я врач.

— Ого, вы где-то учились?

— Нет, я самоучка.

— Мне бы так, а то я уже заколебалась учиться.

— А ты на кого учишься?

— В том то и дело, что не на кого, в этой школе все, что только могут задают учить.

— Ну, это, наверное, хорошо. Больше знать будешь.

— Вы как будто в школе не учились.

— Да нет, что ты. Я учился, но у нас была очень бедная школа.

— Насколько?

— Прямо очень.

— Сколько будет два плюс два?

— Что?

— Все настолько плохо?!

Походу движения спутники перекидывались вопросами и ответами, переходя через многочисленные зебры, расставленные чуть ли не через каждые 100 метров. Бром пытался вести себя скрытно, придумывая удивительные факты своего несуществующего детства, но последнее неосторожное признание крайне сильно отразилось на ошеломленном лице Дианы, схватившейся за свои недлинные золотые волосы.

— Не знаю, мне никогда не приходилось считать, только читать.

— Какая же узкая направленность у вашей школы, вы хоть знаете что-нибудь об оборотах там, причастных, деепричастных?

С надеждой в глазах девочка уставилась на мага.

— Ты это только что придумала?

— Да вы издеваетесь! Что вы вообще знаете?!

— Очень долго перечислять.

Бром закрыл тему очевидной ложью, заметив яркие буквы, украшающие крышу торгового центра.

— Это какой-то прикол?

— А что не так?

— ЭЪЫЬ, как вообще мне это прочитать?

— Так все просто....

Дальнейшие звуки, вырвавшиеся из девичьих уст, были больше похожи на что-то среднее между ревом медведя и брачным зовом какого-нибудь оленя. Она вытянула губы и, резко меняя положение челюсти, произнесла название торгового центра.

— Все жители этого города сумасшедшие? Ваши названия это нечто....

— Поразительное?

— Скорее, ужасное.

— Мне кажется, это от того, что вы неграмотный и грубый.

— Грубо было то, что ты сказала это в открытую.

— Тогда, наидичайше сожалею за следующий вопрос, но, мистер Хью, сколько вам лет?

Не то что бы мой неокрепший разум сомневался в вашей умственной компетентности, скорее, мне интересен следующий вопрос для обеспечения удобных для кооперативных работ отношений.

— Мне 25.

Естественно, человек, бездумно провалявшийся в переулке неизвестное количество лет, точно не знал свой возраст. Хоть Бром и был, очевидно, совершеннолетним, ни усы, ни борода, ни мужественные черты лица не давали даже намека на появление, так что он выглядел как раз на 18, довольно неопределенный возраст. Но в таком возрасте чёрт знает куда для работы не летают.

— А, понятно, вы, довольно, взрослый.

— А тебе сколько?

— А угадайте.

Бром вспомнил, что Данте советовал в таких ситуациях называть число гораздо меньше, чем ты подумаешь.

— 8?

— Вы издеваетесь, по-вашему, я вообще не похожа на взрослую?!

— Разве я тебя обидел?

— Мне 15, мистер остолоп!

Диана не сдержалась и ударила пару раз ладонями по груди растерявшегося мага.

«Твою ж мать».

Они уже повернули от торгового центра, завернув в менее разношерстный район. Красочные вывески превратились в угрюмые надписи, а прохожие подозрительно озирались по сторонам, шлепая по слегка потрескавшемуся асфальту. Серые тучи заслонили небосвод, будто растворив всю прелесть летнего дня в тоскливой воде. Все сгустилось в атмосферу

предстоящей беды.

Стрелой в мозг Брома воткнулось видение о предстоящем будущем: какой-то черноволосый кудрявый юноша шагал по тротуару вместе с девочкой в школьной форме; неожиданно с крыши раздался выстрел, и пуля пронзила хрупкий женский череп, вылетев из маленького ушка.

— Вправо.

Хьюго потянул разъяренную Диану в сторону, сильно работая руками и спиной, закрывающей ее голову.

— Что?

Пуля прорвалась сквозь воздух, расстроено пролетев мимо своей цели. Маг прижал девочку к себе, пробираясь сквозь обшарпанный переулок. После нескольких шагов он остановился, скорчив ужасную гримасу. Многочисленные шаги приближались к ним, перекрикивая друг друга в полуденной тиши. Бром заметил слева слегка приоткрытую дверь и быстро впрыгнул внутрь.

Это был подпольный магазин, внутри располагалось скудное разнообразие продуктов, за прилавком стоял толстый мужичок, уставившийся в телефон.

— Наконец-то ко мне пожаловали покупатели....

— Заткнись, бери девчонку и оставайся здесь. Если хоть пальцем ее тронешь или посмеешь сбежать — тебе конец.

— Чегооооо?

Пока продавец тянул свой вопрос, Бром уже оставил ошеломленную Диану в помещение, а сам вышел наружу, сбросив ботинки с ног. Как ни странно остальные составляющие своей одежды он оставил на месте. Немного покопавшись меж пальцев ног, он отворил дверь и показался людям с оружием.

Пока что их было шесть, несколько снайперов на крыше, и маг вдалеке: суммарно около двадцати, не учитывая подкрепления. Бандиты были одеты в самые обычные рубашки, штаны, кепки, шапки и сандалии, если бы не автоматы в их руках, вряд ли бы кто-то усомнился в их непричастности к преступному миру.

Без каких-либо разъяснений или матерных выкриков они пустили очереди свинца в юношескую голову. Его кожа, мясо, глаза, волосы порвались в клочья, упав на асфальт. Некая пародия на голову обрушилась на землю, потеряв опору в виде шеи, и тело грохнулось за ним, разбрасываясь алой кровью.

— Видимо, он надеялся задержать нас, чтобы дать нашей цели время на отступление. Отправляемся за ней немедленно, на главную улицу она не могла выйти, там снайперы. Она пролизула мимо нас глубже в переулок. За ней.

Бандиты повернулись спиной к обескровленному труп, направляясь в обратную сторону.

— Для начала разделимся, вы двое в сторону дороги, вы двое налево до мусорки, переверните там все, а мы отправимся вглубь, если что-то обнаружили — сообщите по рации. Всем по....

— Мне кажется, вы что-то забыли.

На плечо говорящего опустилась худая бледная рука, отчего он резко прекратил разговаривать, свалившись лицом в асфальт.

Бандиты тревожно обернулись в сторону встрявшего в разговор и обомлели от увиденного. Перед ними стоял худощавый юноша с кудрявыми пепельными волосами и

бледно-голубыми глазами, безразлично уставившимися на свою жертву. Он с тонкой насмешкой взирал на испугавшихся бандитов, медленно переставляя ногами.

— Дьяво....

Он вальяжно просек воздух рукой, задев кончиками пальцев четверых столпившихся до этого мужиков. Трупы глупо попадали на землю, врезаясь в друг друга безмолвными головами. Тела громко обрушились на асфальт, послышались звуки треска челюстей от неконтролируемого падения. Последний выживший бандит сжался у стены, жалко уставившись на Брома. Зрачки тревожно подергивало, а все штаны испуганного до смерти стали мокрыми.

Юноша с пепельными волосами подошел к нему в упор, опустив свое лицо на уровень его глаз.

— Беги. Беги и расскажи всем, что охота за девочкой отменяется, на ее стороне сам Дьявол.

Бром отошел отдрожащего и взглянул вдаль, наблюдая, как его жертва поспешно отдалается от него, спотыкаясь и плача.

Маг наклонился к асфальту и поднес рацию, лежавшую в руке недавно говорившего лидера, к своим спокойным губам.

— Внимание, на связи Бруклинский Дьявол, увижу кого-нибудь из вас, и вам конец. Повторяю, на связи Бруклинский Дьявол, одно дуновение в мою сторону гарантирует вам неминуемую смерть. Конец связи.

Юноша чуть ли не брезгливо выкинул аппарат и направился обратно.

«Когда убиваешь с понятной тебе целью, все становится намного легче. Я гляжу на эти трупы, и мне нечего сказать в свое оправдание. Но я себя и не обвиняю. Так надо было, вот и все. Наверное, только это и является верным. Святые злодеяния только те, которые необходимы».

Маг по очереди оттащил трупы за поворот, сложив их в мусорку. Когда контейнер наполнился людскими отходами, юноша повернулся в сторону магазина, беспокойно ускорив походку.

«А что если продавец с ними заодно? Я поступил опрометчиво. Надо срочно вернуться, пожалуй, кольцо подождет»

Дверь открылась уверенно сжавшейся рукой. Воздух будто замер в закрытом пространстве. Нагнетающая тишина заполонила юношеские уши, потрескивая в напряженном сознании. За прилавком никого не было, его разбросанные ботинки остались нетронутыми, и только муха смущенно пролетела под накаленной лампочкой, висевшей на бетонном потолке.

— Мистер Хью?

Из-за угла вылезла Диана, встревоженно потирающая руками свои плечики.

— Слава богу. Подожди, пока я надену ботинки.

Бром нагнулся и протянул обувь на ногу, заведомо поковырявшись с непонятной целью в пальцах.

— Можешь выходить.

Девочка вышла в центр.

— А где продавец? Я же говорил, что будет, если он убежит.

— Я здесь.

Испуганный вопль раздался из под прилавка, где, заложив руки на затылке, уперся в пол

лежащий мужичок.

— Вылезай, нам ничего не угрожает.

— Да, это хорошо, мистер Хь... АААААА!!!

Не успел продавец выпрямиться, как он снова обрушился в слезах на пол.

«Я же теперь с пепельными волосами»

— Ни слова больше, за предоставленную услугу ты помилован.

— Сп.... Спасибо!

— В чем проблема?

В разговор влезла недоумевающая девочка.

— Ни в чем, просто этот продавец должен мне денег, и он крайне скуп, но на этот раз я прощу ему долг.

Бром вонзил свой взгляд в потерянные глаза продавца, намекая, что все так и было.

— Да, да, конечно. Спасибо вам, мистер Хьюго, приходите еще, если что.

— Несомненно, пошли, Диана, нам надо поговорить с глазу на глаз.

..

— И что это было?

Маг уставился на девочку в школьной форме, прижавшуюся к бетонной стене, где совсем недавно голову этого же юноши раскрошили в щепки. Диана смущенно отводила взгляд от пристального взора своего защитника.

— О чем вы?

— За девочками, которые просто едут к бабушке, бандиты толпой не гонятся.

— Вы лучше объясните, когда вы успели перекраситься.

— Не уходи от вопроса, ответишь честно на мой — я отвечу на твой.

— Честно?

— Конечно.

— Ну....

—

— Я сбежала от хозяина.

— Кого?

— Видите ли, моя мама бросила отца, когда мне было примерно 8 лет. С каждым годом как отношение ко мне, так и наше финансовое положение постепенно ухудшалось. И....

—

— Отец меня продал одному из здешних криминалов, а я.... Я....

—

— Я сбежала еще вчера. Все, что у меня есть это школьная форма и надежда что кто-нибудь меня приютит.

Девочка вылупила жалостные глаза в сторону Брома.

— Тем не менее, ты намеренно подставила меня под удар. Как ты можешь мне это объяснить.

— Я думала, что мы успеем сбежать раньше, чем они настигнут меня, тем более, ничего ведь не случилось.

— Насчет этого....

— Что?

— Ты же, наверняка, слышала выстрелы из магазина.

— Ну.... Да.

— И это тебе ни о чем не говорит?

— Я думала, что вы погибли, но, несмотря на мои ожидания, вы вернулись.

— Ах, короче, сама ты ничего не поймешь. Слышала что-нибудь о Бруклинском Дьяволе?

— Нет, а что?

— Придется дольше объяснять. Одним словом, я маг, и моя способность — убийство через касание.

— В смысле?

— Ну, я коснулся тех бандитов, и они успешно и беспрепятственно погибли.

— А пули?

Диана дрожала.

— Я бессмертен.

— И... Что вы собираетесь со мной делать.

Девочка испуганно опустила глаза, уставившись в серый асфальт, разложившийся ковром по переулку. Ее брови виновато расплылись по маленькому лбу, а слезы были готовы вырваться из каштановых глаз.

«По сути, она виновата как в моих мучениях, так и в смерти тех парней. Если смотреть непредвзято, она определенно заслуживает смерти, но... Почему-то я не могу ее убить. Может, это совесть? Вряд ли. Скорее, мне просто нечего делать, и я помогаю всем подряд. Хотя, если вспомнить заветы Марины. Какая мне польза от смерти этой девчонки, ни подставить, ни навредить мне она не сможет, и ее смерть не решит ни одну из моих насущных проблем. Выходит, это и есть милосердие»

— Ничего.

«Крайне сомнительное чувство»

(P.S. следующие главы могут показаться сырыми, не обессудьте)

Бром снова сидел на приземистом сиденье самолета, посматривая боковым зрением на безграничные облачные просторы, простирающиеся под его взором.

— Как же здесь скучно.

Девочка по имени Диана не оценила магии полета, охватившей мага в его дебютный вылет. Она сложила руки на груди, недовольно осматривая одинаково синие ряды в поиске занятия для себя, но салон воздушного судна не оправдывал ее ожиданий.

— Ты не в первый раз летишь?

— К счастью, это мой первый раз. Я не думала, что здесь будет так скучно. Ну что ты предлагаешь мне делать эти 3 часа? Сейчас середина дня, заснуть я не смогу, а чтение правил безопасности удовольствия моей жизни не принесет.

Взгляд юноши вряд ли можно было бы назвать юношеским, он смотрел крайне устало и удрученно, прямо как Байрон при их первой встрече. В этот момент он понял, что значит быть наставником для его таинственного начальника. Одно время препровождение с этой молодой дамочкой невероятно выматывала, казалось бы, неподвижного Брома, что уж было говорить, если бы она, действительно, стала его учеником? Скорее всего, это малоприятное уныние усилилось бы в разы.

— Хм, может поиграем?

— Во что?

На предложение девочки маг ответил душещипательным вопросом. Как он сам заметил: он не знал так уж много игр, да и то ни в одну из них он не играл с целью убить время.

— Правда или действие! Правда придется играть без действия...

— Все игры направлены на то, чтобы что-то выпытать у человека?

— Ну, судя по твоим знаниям, ни в города, ни в слова мы не сыграем. Настолок у нас нет, салон по цветам однообразен, а в остальных играх ты мне руки отобьешь.

— Ну ладно, и в чем заключается игра?

— Да тут все просто, мы по очереди спрашиваем у друг друга вопросы и отвечаем лишь «Да» и «Нет», по желанию, можно рассказать подробности.

— Мудрено.

— Ты серьезно?

— Да, теперь я.

Поняв уловку недавнего тугодума, Диана легонько шлепнула его по голове.

— Подлый!

— Ты можешь выговорить название деревни, от которой был образован тот город?

— Да! Миртиславозулбодартинополь! Легче легкого!

— Похоже это я слишком тупой, а не все вокруг сошли с ума.

— Да!

— Это не был вопрос.

— Упс, ну, что поделаешь?

Девочка озорливо засмеялась, показав свои маленькие зубы, отчего Бром невольно улыбнулся.

— Твое время задавать вопрос.

— Тебе нравится быть магом?

— Наверное нет. Постоянно попадаю в крайне неприятные ситуации.

В голове всплыло «прекрасное» время, когда он «веселился» с Карлом.

— Ум, понятно.

— Ты когда-нибудь видела жирафа?

— В живую нет, только на картинках.

— Что ж, давай, твоя очередь.

— Ах, да, точно. У тебя есть какие-нибудь детские воспоминания, который ты бы рассказал мне?

— Нет.

— Тебя что били?

— У меня не было детства, справедливо будет сказать, что я родился таким.

— Ты и этого не знаешь? Ребенок выходит из....

— Я образно.

— Хорошо, поберегу вопрос на потом. Давай ты.

— Ты знаешь Данте Алигьери?

Лицо девочки исказилось ужасом.

— Да....

— Подробности?

— А вам они и правда так интересны?

— Ну, он мой друг, мне очень интересно.

Лицо девочки еще раз исказилось ужасом.

— Для начала, можно я задам один вопрос?

— Ну.

— Он тоже маг?

— Типа того.

Лицо девочки в третий раз исказилось ужасом.

— Ты чего?

— Моя мама, ее зовут Шарлотта. Она.... Она бросила папу из-за этого человека.

— Из-за Данте?

— Да, мать сильно любила отца, и у нас все было хорошо пока не объявился этот мерзкий человек. Он не уделял маме ни капли внимания, но она все равно, как собачка, умчалась ему в след, оставив нас одних.

— Это было.... Неожиданно?

— Естественно.

— Похоже, я понимаю ситуацию, только мне надо кое-что уточнить.

—

— Шарлотта была красивой?

— Да, очень.

— Хм....

—

— Могу сказать всего пару вещей: не стоит винить в этом Данте. Видишь ли, его способность заключается в феноменальной удаче, которая не всегда совпадает с его желаниями. Видимо, твоя мама приглянулась некому существу, решающему: что для Данте хорошо, а что плохо.

— Но при этом....

— ...?

— Он же не сделал ее счастливой?

— Я ни разу ее не видел, хотя провел с Данте длительное время, да и каких-либо любовных делах никто не упоминал. Но ведь....

— Получается, что он преднамеренно знал, что его сила способна разрушить чью-то жизнь, но несмотря на это он не готов понести никакого наказания за это, будто он совсем не при делах.

Повисла угрюмая тишина.

—

—

— Твоя очередь спрашивать.

— Ах, да, точно.

Дина потрясла головой, сгоняя набежавший слой гнева со своего лица, и подняв палец вверх произнесла очередной вопрос.

..

«А говорила, что в полдень никто спать не будет»

Прошел час, облака все также размеренно проползали под носом, а девочка тихо спала, облокотив голову на Брома и иногда посапывая.

Юноша переглядывался между иллюминатором и Дианой, погружившись в свои мысли.

«Все тяжелее, чем я думал. Всего за час мне пришлось усомниться в своих убеждениях. Насколько я понял, мир не однокбок, как и люди в нем. Я посочувствовал Байрону, хотя он мой враг, и разочаровался в Данте, хотя он мой друг. Хотя, стоит признать, его поведение действительно детское, лучше сказать — идиотское. Даже я понес полную ответственность за все неудобства, принесенные той же Марине, а он не решился. Довольно обидно осознавать, что твои союзники не лучше твоих противников, ну да ладно»

Он уставился на спящее девичье лицо.

«Что мне с ней делать? Если бы Марина осталась в Сане, я бы просто приютил ее дома, но в данный момент все в Виззире. Отправлять ее в такую даль в одиночку глупо, тем более там Данте. Байрон точно ведет меня не в райские сады, а на поле битвы, детям там делать нечего. Посмотрю по ситуации, авось встречу кого-нибудь, чтобы скинуть этот груз. Еще надо...»

— Извините, мистер, не могли бы вы пройти со мной на секунду. Мне необходима помощь с багажом, а весь салон спит, как-то неудобно будить незнакомых людей.

Перед ним стоял в черном сюртуке и белой рубашке какой-то молодой мужчина. Его продолговатая бледная голова покрывалась скоплением черным длинных волос. Они загнулись у ушей, пытаясь пробраться к его подбородку, и разделились одним сплошным пробором чуть левее середины лба. Карие глаза спокойно взирали на встревоженного Брома, располагаясь между обширным лбом и длинными усами, прячущих его рот. Он спросил и вел себя аристократично, согнув одну из рук за спиной и выпрямив высокую спину.

— Ну раз вы так просите, то почему бы и нет.

Юноша приподнял голову Дианы и протиснулся меж сиденьев, стараясь не разбудить свою спутницу.

— Крайне вам признателен, пойдёмте, здесь совсем не далеко.

Мужчина провел Брома на несколько метров и указал на сумку, застрявшую на полке.

— Я пытался сам ее вытянуть, но у меня не получилось. Видимо, зацепилась за какой-нибудь крючок.

— Давайте попробуем вдвоем.

Как оказалось, она действительно нехило так застряла. Двое мужчин из всех сил потянули на себя, и через несколько рывков она, наконец-то, приземлилась им в руки.

— Огромное вам спасибо. Меня зовут Роберт Льюис Стивенсон, будем знакомы.

— Хьюго Бордо, зовите еще, если что-то понадобится.

— Да что вы, я думаю ничего страшного больше не произойдет.

Стивенсон улыбнулся, растянув свои усы по лицу.

— Ну, тогда до скорого.

— Еще раз спасибо, хорошего вам дня.

Бром вернулся на место, застав девочку в той же позе и за тем же занятием. Диана свалила голову на сиденье юноши, отчего ему снова пришлось ее приподнимать, стараясь не потревожить ее сон.

«Сначала мне показалось, что это какая-то уловка, но Стивенсон максимально не подозрительный человек. Эх. Было бы побольше таких, в ком не надо сомневаться».

..

— Вставай, мы приземляемся.

— Ва, чево?

Диана открыла свои заспанные глаза и, оторвавшись от плеча Брома, непонимающе осматривалась по сторонам, протирая нахлынувшие от зевоты слезы.

— Мы почти прилетели, ты спала 2 часа.

— А, чего, я... Я... Не спалаааааа.

Последнее слово вытянулось в длительном зевке, и девочка снова закрыла глаза, расправив плечи на сиденье.

— Ты же не думаешь вновь заснуть?

— А, что? А, да. Конечно нет.

Диана встряхнула головой и похлопала по своим щекам миниатюрными ладонями.

— Все хорошо было, пока я медитировала?

— Медитировала?

— Ну не спала же.

— Понятно. Ничего не произошло, что неудивительно.

— Мало ли ты снова волосы перекрасил.

— Я же вроде объяснил, почему это произошло.

— Кстати, как раз-таки наоборот. Ты просто признался, что ты маг.

Бром раздраженно выдохнул.

— Изначально мой цвет волос такой, каким ты видишь его сейчас. Я перекрасился из-за необходимости, а потом мне снесли голову. Крашенными же они у меня не отрастут.

— Мне кажется тогда ты был посимпатичнее.

— Спасибо за оскорбление.

— А что? Покрасил бы еще раз.

— Это ни к чему.

— Но раньше же было к чему.

— Говоря об этом, никому ни слова, что я маг, или, что мы с тобой знакомы. Я-то это как-нибудь переживу, а вот тебе не поздоровится.

— Прямо-таки не поздоровится?

Глаза юноши сурово уставились на девочку: брови не изменили своего положения, но зрачки сжались в узкие дрожащие точки. Морщины проползли по всему лбу, мгновенно поменяв выражение мага. Настоящий ужас, мрачный испуг — вот, что вызвал этот поразительно убийственный взгляд.

— По.... Поняла.

— О, мы сели.

Лицо вновь расплылось в безразличную физиономию, и Бром направил свои неподвижные бледно-голубые зрачки на выход, у которого спешили столпиться люди.

..

— Мне кажется: погода как-то неправильно работает в этом мире.

Солнце беспощадно пожрало всю беззаботность прибывших туристов. Толпа сгорбилась, пытаясь спрятаться от палящего зноя, но лишь тщетно уперлась лицом в раскаленный асфальт, уложенный среди золотого песка.

— Ну, это как ни как Эйной, что ты ожидал?

— Ужас, сколько мне еще здесь находиться?

— Ну, хоть подзагоришь, а то больно ты бледный.

Несмотря на свои подколы, Диана чувствовала себя не лучше, обильно утирая пот, сочащийся из-под не самой свободной школьной формы.

Толпа, наконец-то двинулась на пропускной пункт, бессильно волоча свои саквояжи.

— Приятно снова с вами встретиться, мистер Бордо.

— Мне тоже, мистер Стивенсон. Не хотелось бы торопить события, но может сразу перейдем на ты?

Солидный мужчина с пышными усами снова подошел к юноше, согнув руку за спиной. Он стянул свой сюртук, запихнув его в огромную сумку, которую сам еле нес, и, оставшись в одной рубашке и брюках, пожал руку Брону.

— С превеликим удовольствием, Хьюго.

— Это чо за мужик?

Диана отвесила ему презрительный комментарий, отойдя подальше от усатого незнакомца.

— Это не мужик, а Роберт Льюис Стивенсон, тебе бы следовало поучиться у него манерам.

— Не стоит, приятно познакомиться. Как уже было озвучено ранее, мое полное имя — Роберт Льюис Стивенсон, но исключительно для вас просто Роберт.

— А я Диана! Диана Бронте! И мне очень не нравятся мужики с усами!

— Это что-то принципиальное?

Непонятно почему, но Бром вступился за усатого джентльмена. Несмотря на всю свою рассудительность, подозрительный маг без раздумий отдал свое доверие этому человеку. Но как только эта досадная мысль всплывала в его сознании, он чуть ли не машинально ее отвергал. Что-то в Роберте успокаивало и облагодетельствовало сомнения юноши.

— Ах, не суть, — Бром обернулся к Стивенсону, — Так что вы забыли в этом ужасном городке, если не секрет.

— Деловая встреча, а у вас?

— Да то же самое.

— Вы решили обо мне забыть?!

Девочка вновь влезла в разговор, яростно размахивая руками.

— Не мешай взрослым, когда они разговаривают.

— Хах, а вы, видимо хорошо ладите, Хьюго и Диана. Вы очевидно не родственники, что-то другое?

— Волонтер.

— Неужели, и в каком, извините, деле?

— Я врач.

— Извольте спросить, вы же знаете что-нибудь об одержимом диссоциативном расстройстве идентичности?

— Или по-другому — раздвоение личности, проявляющаяся как внешняя сила, захватывающая как физические так и умственные процессы человека.

— Как с языка сняли.

«Точнее с будущего языка»

— Может уже выйдем, Роберт, эта отвратительная жара меня до гроба доведет.

— Пройдемте.

— Наконец-то вы закончили трепаться!

— Ты в последнее время все грубее и грубее.

Тройка новоприбывших проследовала к пропускному пункту. Их проверили и пропустили через турникеты. Аэропорт был небольшим, но в нем, слава богу, был магазин с подходящей для такого пекла одеждой.

— Диана, не могла бы ты прикупить мне что-нибудь, пока я разберусь с остальными делами.

— Ты оставляешь меня наедине с этим усатым мужиком?

Девочка жалобно и потерянно уставилась на безразличные и упертые глаза Брома.

— Может, он и не пойдет с тобой.

— Ну, что вы. Не могу же я не составить компанию такой милой даме.

Улыбчивый и спокойный Стивенсон пытался хоть как-то стереть девичье недоверие, но в ответ на его комплимент он получил лишь недовольное фырканье и Диану, без предупреждения устремившуюся в магазин.

— Подождите.

Он подхватил тяжеленую сумку и помчался вслед истеричной девчонки.

«Хорошо, что Роберт подвернулся под руку. Оставить девочку в незнакомом месте было бы очень бессердечно и неразумно. Надо поскорее встретиться с ним и вернуться. Тяжело скрывать правду от обеих сторон».

Не имеющий расслабляющего кольца Хьюго устало засунул руки в карманы джинсов и направился к выходу из обширного сооружения.

На улице редко где катались такси, люди растерянно петляли меж указательных знаков, а томящее солнце все так же нещадно жгло раскаленный песок и мозги туристов.

На фоне всего этого в белом халате стоял Байрон, уставившийся на приближающегося юношу. Несмотря на жару, он вовсе не вспотел, игнорируя раскрасневшиеся физиономии прохожих.

— Что-то ты долговато.

— Долго не мог найти дорогу в аэропорт, оказалось, что моя память не так уж надежна, как я думал.

— Эх, ладно, не суть. Ты же не умудрился еще и посеять мое удостоверение?

— На.

Маг вытянул фиолетовую потертую книжицу и передал ее в руки разинувшего улыбку Байрона.

— Вот тебе в ответ.

— Мой телефон?

— Лежит у меня с отъезда, если что созвонимся.

— Так что, куда теперь?

— Следующая твоя цель — Мааравья.

— И долго мне так шляться меж городов?

— Не волнуйся, именно там мы и разойдемся окончательно.

— Мааравья, говоришь? На этот раз никаких сведений у меня нет.

— Держи карту, я надеюсь, ты научился где-нибудь ей пользоваться?

— Где именно тут Мааравья?

— Так вот же.

Байрон приложил палец к одноименной надписи на бумажном плакате, проведя кистью дорогу от Эйноя до Мааравьи.

— Тут километров 20!

— Не тебе одному переться, не жалуйся.

—

—

— Встретимся там?

— Да, до скорого, крайний срок — 3 дня.

Хромой маг исчез, оставив после себя неприятный холодок по коже.

Горячий ветер неохотно двинул пепельной прядью, огненный шар становился все кровавей, готовясь упасть в пучину горизонта. Песочные дали навевали тоску, подгоняемую звуками суетливых туристов, перемешанных в котле будней. Но что-то было не так, что-то неуклонно тянуло руку в карман в поисках заветного кинжала, предназначенного для кинжала. Сердце готово было лопнуть, повиснуть продырявленным мешочком в темной грудной клетки. Несмотря на внешнее спокойствие, Брома что-то напрягало. А что это было — юноша не был в силах осознать.

— Эй, Хью, ты что там стоишь, иди сюда!

— Диана?

— Идиот, скажи спасибо, что у Усатика есть с собой деньги. Ты головой думал, когда меня без денег за покупками отправлял?!

— Мда, что-то я не подумал.

-“Мда”?! Ты издеваешься, может хотя бы извинение попросишь у бедного Усатика?!

— Этой девочке хватило лишь дать деньги, чтобы она кардинально поменяла свое мнение обо мне.

Из-за ее спины своими невообразимыми успехами спешил похвастаться Стивенсон, несущий стопку одежду.

«Так бы и бродил с ними, оставив всех позади»

Подумал Бром и направился к кричащей девочке.

— Так ты с нами?

— Как ни удивительно, но мне с вами по пути. Не ожидал, что наши профессии пересекутся в Мааравье.

— Я-то не против, Роберт, хорошая компания никогда не повредит.

— Благодарю за признание.

— Ура, Усатик с нами!

Бледный и потный юноша с пепельными кудрями настойчиво шлепал по кирпичному тротуару зелеными шлепанцами. Тело покрывала тонкая белая майка на лямках, обожающая скомкаться снизу, чтобы потревожить усталого хозяина. На голове кепка, на ногах шорты — все беспрепятственно позволяло песчаному ветру хоть как-то сдувать налегающую жару, но, несмотря на это, пота и мученических морщин на лице мага не убавилось. Бром нервно потирал безымянный палец, попутно смахивая капли со лба.

Рядом яростно переминала короткими ногами девочка, пытающаяся не отставать от долгоногих приятелей. Что-то на подобие легкого летнего платья желтого цвета, синяя панамка и такие же синие сандалики — это тоже не оставило и шанса на комфортное пребывание пыхтящей и иногда покрикивающей для поддержания разговора Диане.

Последним членом этой группы был усатый долговязый мужчина в расстёгнутой рубашке и своих неизменных брюках. Черные волосы спрятались под банданой, а карие глаза спокойно бросали свои спокойные взгляды под круглыми солнцезащитными очками. Несмотря на свою неизменную элегантность и подвернутую за спину руку, усы выдавали его усталость, жалобно подергиваясь от текущего со лба прямо в них пота. Этот мужчина еще на свое горе тащил с собой огромную сумку, нехило налегающую на его бедные плечи. Все, включая Стивенсона, страдали под палящим зноем.

— Хьюго.

— Да, Роберт?

Запыхавшиеся собеседники боялись кидаться длинными фразами, еле регулируя поступаемый в разгоряченные легкие воздух.

— Что ты трешь? Шрам?

— А? Палец? Это от кольца.

— Вы женаты?

— Ну да.

— Вы очень.... Фуух.... Молоды.

— Так получилось.

— Как хоть ее.... Зовут?

— Мария.

— Красивое имя.

— Не то.... Ах... Слово.

— Мне бы.... Жениться.

— А вы усы сбейте!

— Не смешно.... Диана!

— Я уже начинаю привыкать.

С этими словами Роберт остановился у одного из кирпичных домиков, рассеющихся в

Эйное.

— Что-то болит?

— Давайте отдохнем, это ужас.

— Полностью согласна!

Они отошли несколько шагов в бок и расположились у стены домика с восточной стороны, чтобы благосклонная тень почтила их покрытые головы своим присутствием.

— Какая же здесь отвратительная инфраструктура, почему общественный транспорт вообще не передвигается в сторону Мааравьи?

— Кто его знает, Хьюго.

— Не ну серьезно, даже такси нету, мы пока шли, я ни единой машины в нашем направлении не заметил, а ведь мы вдоль дороги топаем!

— Как же тебя так отправили в командировку, ничего не сказав?

— Приеду — я этих уродов лично прибью, не вылетят!

— Я своих тоже.

Роберт общался с раздраженным Бромом, пока изнеможённая Диана лежала в беспамятстве на прохладном песочке.

— Может пока узнаем друг друга немного получше? Доверие в дороге не лишне.

— Ну, я родился в деревне Тёрке, получил обучение и устроился в городе на врача. Родители уехали на другой остров, оставив мне дом. Я, недолго думая, и женился, одному тоскливо, но вот — послали черти.

— А я из Басара, меня воспитывал дедушка, он обучил меня всему, что знал сам, и отправился на тот свет. Годы обучения и вот я здесь, вместе с вами.

— Что ж за профессия такая, ты не рассказывал.

— Да ничего необычного, если откровенничать, я состою в скрытой организации. У нее очень много видов деятельности: от переводки бабушек через дорогу до уничтожения синдикатов. Я, конечно, такие великие цели не преследую, меня больше волнует другая подоплека. Понимаете, в Мааравье обнаружили древний предмет, которому может быть несколько тысяч лет. Как только информация попала в СМИ, меня выслали сюда, чтобы обеспечить транспортировку артефакта в соответствующие археологические объединения.

— М, понятно.

—

— Ну, сейчас не об этом, нам еще надо подумать, где мы можем переночевать, не думаю, что эта жара будет настолько же занята нами в темное время суток.

— Добрые люди есть везде, найдем кого-нибудь.

Как раз в этот момент раздался протяжный звонок, доносившийся из шорт Брома. Он неуверенно достал телефон и посмотрел на имя звонящего.

«Говард Лавкрафт»

..

— Алло.

Юноша оперся об кирпичную стену, отойдя от своих отдыхающих путников. Только покинувший его пот снова осел на лоб, брови в ужасном недоумении схмурились над потрясенными глазами. Банальное любопытство и шок вынудили Брома нажать на зеленую трубку под именем мертвого человека.

— Алло.

По ту сторону раздавалось какое-то постукивание и протяжное завывание,

чувств. То, что должно расстроить, не трогает сердце, а то, что должно осчастливить, нагоняет грусть и тоску. Человек вешает на чувства ярлыки и обманывает себя, подгоняя мышление под стереотипы. И только слезы искренны. Только они одинаково печальны и радостны, только они не требуют сомнений....

— Что-то ты слишком далеко ушел.

— Не стыдно? Всю речь испортил, я, может, всю жизнь к ней готовился.

— С кем не бывает, я, может, всю жизнь мечтал увидеть край мира, а он оказался круглым. Представляешь: какое это разочарование?

— Во-первых, это очень глупо, а, во-вторых.... Ко мне то это как относится? Не я тебе глаза открыл, к чему такие контрмеры к невинному человеку?

— Да не сердись ты, продолжай.

— Ну так вот. Ыгхым! Только они одинаково.... Ум.... Ты меня сбил, я забыл свою гениальную мысль.

— Один раз я забыл подтереться....

— Ууууух.... Ты просто безнадежен в сравнениях.

— Это было грубо.

— И это ты говоришь?!

— В чем дело Усатик и Лохматик?

— У тебя заиграл генератор плохих кличек?

— Они не плохие!

— А почему они звучат, как имена кукол или собак?

Подскочившей к спорящему Брому и Роберту Диане нечего было ответить на столь внезапный вселиквидирующий аргумент, ядовито выплюнутый из уст пепельноволосого юноши. Бром не изменил свою сидячую позу, оперевшись об стену, Роберту пришлось вытащить руку из-за спины, чтобы, стоя перед своим собеседником, требовательно скрестить их на груди, а Диана подскочила с земли и встала рядом с усатым спутником, маша своим миниатюрным пальцем на кудрявого юношу.

— Короче, тебе нечего ответить.... Судя по тому, что вы так резко подскочили, отдых можно считать оконченным. День подходит к концу, нам надо найти ночлег. Предлагаю сначала проверить тот дом.

— Почему именно у поворота?

— Чистая интуиция.

— Давай ее проверим.

Со словами вызова Роберт протянул ладонь Брому, которой тот успешно воспользовался для того, чтобы встать.

— Пошли.

..

«Потерянное. Потерянное. Потерянное. Потерянное. Потерянное. Потерянное. Потерянное. Потерянное. Потерянное. Потерянное».

Несмотря на внешнюю уверенность и развязность, голова Бруклинского Дьявола, Брома Хьюго была готова взорваться. Мозги будто расплылись в молочную кашу вперемешку с повторяющимися словами, вычерпнутых из разговора с трупом.

«Я что-то потерял, старик, зачем, причем тут он?»

Роберт постучался в дверь, оттарабанив за несколько секунд какую-то невообразимую мелодию.

Ее отхлопнул старик. Маленький и сутуленький, глаза не выдержали града морщин и заплыли веками, зубы давно уже покинули родительский дом, а скрипучие ноги еле передвигались по деревянному полу.

— Сто надо?

По непонятной закономерности к закату жизни глаза неизменно голубеют, а зрачки этого дедка, видимо, и в молодости были таковыми, отчего его старческий хмурый взгляд напоминал слепого.

Старик нехило так шепелявил, уничтожая само понятие, как звуки «ш» и «щ».

— Дико извиняюсь, не могли бы вы приютить странников на одну ночь? Не за бесплатно, конечно.

— А?!

—

— Заходите!

Не услышав никакого ответа на свой ор, он приказал путникам войти в его жилище, продвинувшись в какую-то комнату.

— Эм, спасибо.

Роберт смущенно протиснулся в невысокий дверной проем и зашел в гостиную, пропустив с собой Брома с Дианой.

Воняло старостью, особенным запахом, который трудно объяснить для человека, который никогда его не чувствовал, но так легко определить среди сотни других дуновений. Комната и не требовала описания. Представьте, что вам абсолютно плевать на то, будет кто-то заходить или нет. Все не разбросано, не запачкано, не забыто, но просто лишне. Все предметы самые обыкновенные: ботинки, одежда, часы, зеркало и многое другое, но они будто чужие, такие же гости, как и вошедшие путники.

— Сколько вы потребуете за ночлег?

Роберт продвинулся в спальню, куда скрылся хозяин дома, но его застала совершенно неожиданная сцена.

— Серьезно?

Старик беззаботно и бессовестно спал на кресле-качалке, громко похрапывая в душноватой комнате. Видимо, он встал только, чтобы открыть дверь, а после снова вернулся к излюбленному занятию, за которым его и застал усатый джентльмен.

— Что здесь, Роберт?

— Да вот. Вот это.

Бром удивленно расширил глаза, взирая на сопящего хозяина дома. Хорошо, что его собеседник смотрел туда же, иначе бы он увидел бездонно потерянный взгляд юноши.

— Интересно, он часто к себе так гостей пускает? Если да, то это удивительно, что он дожил до такого возраста.

— Видимо, здесь слишком много добрых людей.

— Почему они тогда живут в этом пекле?

— Вряд ли мы их когда-то поймем.

— Точно.

—

—

— Я тогда пойду распакую свою сумку.

— Удачи, я посижу покараулю, авось проснется спящий хрыщ.

— Да вы с Дианой не так уж и далеки друг от друга.

Юноша уже не слышал горького замечания своего товарища, он присел на узенькую кроватку, располагающуюся у кресла-качалки, и пристально уставился на деда, боясь отвести от него взгляд. Роберт же, в свою очередь, пожал плечами и двинулся обратно в гостиную, успокаивая уже расшумевшуюся девочку в желтом платице.

«Потерянное. Что я мог потерять? У меня же ничего не было. У меня было тело и проклятая способность, испоганившая большую часть моей жизни. По сути, если бы не та встреча с Флобером, я бы в жизни не завел никаких отношений ни с детьми, ни с Мариной, ни с Робертом, ни с Витей, ни с Дианой. В этом колечке вся моя жизнь. Стоит ему исчезнуть, и я умру, не будет смысла, не будет счастья, только нестерпимое количество боли и горя. Я знаю. Я знаю, о чем я говорю. Посмотрев в их глаза, что я скажу? Прощайте, ни Брома, ни Хьюго больше не существует, а лучше признать, что их никогда и не было. Отныне только Брукли.... Просто Дьявол».

— Эй, пасан, скажи со-нибудь.

Спустя несколько часов мрачных раздумий Брома, по комнате раздался шепот, встревоживший юношеское сердце.

— Вы проснулись?

— Лисо показы.

Маг и так сидел, глядя в глаза старика, но подвинуться на несколько сантиметров не так уж и тяжело.

— А?

Дедок резко схватил Брома за лицо, придвинув его в упор к своему старческому лицу. Воздух замер, даже сердцебиение решило беззвучно наблюдать за действиями старичка. Он схмурил глаза, упорно разглядывая каждую часть юношеского лица.

Сначала он ужаснулся.

Юноша будто ждал этого, будто ждал всю жизнь. Вместо недоумения и удивления, да даже банального неудобства, он широко улыбнулся, наблюдая за неуверенными движениями потускневших старческих зрачков своими загоревшимися безумством глазами.

Этот жест смутил дедка, но только на мгновение, он еще пару секунд разглядывал черты юношеского лица, после чего довольно его опустил.

— Насёл все-таки меня....

—

— Внук.

..

— Что ты сказал?

— Внук... присёл убить меня?

— Возможно.

— Хм.

— ...

— Я был в тот день.

— ...

— Вместе с внуськом мне вынесли бездыханного сына и сноху.

— ...

— Просьло узе 19 лет с того дня, ненависти у меня не осталось.

— ...

— Бабка умерла в тот же день, от приступа.

— ...

— Остались я да ты, у мамки твоей никого не было.

— ...

— Я бросил тебя, решил забыть и покинуть на веки вековые.

— ...

— Моей смертью уже никого не обрадовать и не опеселить. Я пойму, если ты захочешь меня забрать. Сем-то же надо искупить мой грех перед богом, раз мы так скоро встретимся.

— Меня...

— ...?

— Как зовут?

— Кев. Кев Нора.

— А маму?

— Мавеот.

— А папу?

— Кхаим.

— А тебя?

— Ютсур.

— М. Понятно.

— Ты оставишь меня?

— Ты ошибся, когда решил, что твоя смерть доставит мне удовольствие. Я все понял, и я, определенно, никогда не прощу тебя, но это не дает мне повода на убийство.

— Кев.

— Не зови меня так. Человека, которого собирались так назвать не существует, меня зовут Дьявол, ты понял?

Бром схватил своего родственника за вялую шею, приблизив не шелохнувшееся лицо к своим устам.

— Кева знают только мама с папой, их нет. Брома знают только мои друзья, их нет. Хьюго знают мои союзники. А мои враги...

Он ужасающе прошептал ему в ухо.

— Знают только Дьявола.

Юноша отпустил деда, начавшего тяжело кашлять.

— Одно слово о том, кто я. Одно движение против меня или моих спутников, и ты умрешь. Я не отниму твою жизнь также просто, как сделал это с родителями, твоя душа познает муки, ты понимаешь?

— Вылитый отец.

Бром удивленно прошелся взглядом по покрасневшей старой роже и направился на выход.

— Когда, говоришь, я родился?

— 24 августа. 19 лет назад.

— Хм.

Юноша широко улыбнулся и исчез в проходе.

— Ты куда, Хьюго?

В прихожей его встретил Роберт с одетыми на нос уже квадратными и не солнцезащитными очками. Он был в целом расслаблен, но слегка встревожен бешеной

ухмылкой своего друга.

— Мне кажется, я по дороге удостоверение обронил.

— То самое, фиолетового цвета?

— Да, я немного пробежусь, может не так уж и далеко посеял.

— Ух, ладно, удачи. На улице уже темно, не задерживайся.

— Все хорошо. Как там Диана?

— Давно уже спит, прыгала и кричала что-то про минусы и минусы усов и чуть ли не отрубилась, не думал, что девочки так быстро умеют засыпать, мне бы так.

— Отлично, я пошел.

— Эй, погоди, как там хозяин дома?

— Проснулся уже, вот только поторопись, а то, наверное, уже заснул без нас.

— И правда, давай, я пошел.

Бром проводил Роберта безжизненным взглядом и вышел на улицу.

«Луна всегда одинаковая»

И правда, его круглощечая спутница, вечно преследующая его меж городами, неизменно светила своей мутной улыбкой на его мрачное лицо. Ветерок заметно похолодел, поднимая мурашки на распаренной за день коже.

Маг пробежал чуть ли не в случайном направлении и, забежав за угол какого-то опустевшего домика, спрятался в кустах под лоном одинокого дерева невысокого роста.

«Даже. Даже. Даже. Даже старик, даже он. Мерзок».

По ледяной щеке прокатилась слеза.

«Все вокруг такие мерзкие, такие безответственные, такие трусливые, такие небрежные. Разве я особенный? Я понял что-то запредельное, прожив несколько недель? Если что-то взял — что-то дал. Если тебе доверились — оправдай доверие. Если на тебя легла ответственность — делай все, что возможно, для нее. Если сделал кому-то зло — сделай вдвое больше добра. Раздели чужую боль. Раздели чужую печаль. Раздели чужую радость. Раздели чужую любовь. Раздели, и все. Раздели чужое и поделись своим. Это так тяжело? Это так больно? Разве это невыносимо?»

Голова задрожала.

«Любить всех — невозможно. Ненавидеть всех — глупо. Разделять. Разделять любимых и ненавистных. Это так сложно. Любовь к грешнику — грех. Ненависть к святому — грех. Я лучше всех. Я беру ответственность, я ручаюсь за свои действия, я делаю все ради других, я разделяю чужие чувства и делюсь своими. И поэтому. Я самый грешный...»

Он засмеялся.

«Бог, да? Он решил, что я грешен. Он решил, что я должен страдать. Он решил, что я должен быть предан. Он прячет от меня врагов, набрасывая пелену друзей на все и вся»

— Зачем?

— ...

— Я что-то сделал? Я что-то испортил? Чтобы я не делал сам — ничего не шло во вред. Я стараюсь изо всех сил, а каково мое поощрение. Боль, ужас, мука.

— ...

— Ты тоже безответственен. Ты тоже халатен. Ты тоже труслив. Ты боишься меня, тебе плевать на всю ответственность за мою судьбу? Ты такой же грешник, как и все. Ты мерзок. И при этом... Ты бог? Это смешно. Это глупо. Просто нелепо.

— ...

— Ты никогда не ответишь. Потому что ты мерзок, потому что ты труслив, потому что ты бог. А это слово ничего не значит. Все вокруг боги. Все, кроме меня.

— ...

— ...

Бром утер слезы с слюной и отправился домой.

— Премного благодарим вас за ночлег, мы, определенно, никогда не забудем вашей неизмеримой доброты.

— Спасибо.

Отряд из трех пешеходов выстроился рядом перед сутулым дедком, покачивая головами в такт речи Роберта. Одеты они были в те же атрибуты, что и вчерашним днем.

— Перед тем, как уйдете. Знаете, мой сын как-то раз сказал мне одну смешную фразу.

— ...?

— Прозить жизнь нужно так, чтобы никто не радовался твоей смерти.

— Я что-то не поняла, Усатик.

Девочка шепотом спросила Роберта о произнесенной цитате.

— Он сказал: «Прожить жизнь нужно так, чтобы никто не радовался твоей смерти».

— А, понятно.

Пока они тихо изъяснились меж друг другом, два родственника уперлись в друг друга взглядами, сопровождаемые улыбками.

— Надеюсь, у него получилось, старик.

— Нет.

Он печально кинул эту фразу своему внуку и повернулся к ним спиной, возвращаясь на прежнюю спящую позицию.

«У тебя похоже тоже».

Губы Брома снова сжались в безразличную полоску, и он повернул направо, развернувшись разом всем телом.

— Ну что ж, пошли.

..

Шаг. Шаг. Еще шаг. Еще шаг. Осталось немного. Осталось немного. Осталось немного.

— Хью... Город... Далеко?

— ...

Юноша вытянул ладонь с неутешительным ответом. Все пальцы были разогнуты.

— Усатик. Еще 5 километров. Я... Ах... Похоже, я умираю.

— Ты... Говоришь это уже седьмой раз.

— Значит. Я умерла уже 7 раз.

Тому, кто придумал жару, собеседники хотели бы выразить общую признательность. Солнце настолько сильно палило их головы, будто само небо объявило им войну, направив на них свои штыки.

— Скорее уж огнеметы.

— А?

— Я о своем.

Если поставить перед собой лицо человека, не обремененного никакими тяготами, а потом несколько раз долбануть какой-нибудь кияночкой, облить ледяной водой, дать пару пощечин, морально унижить и сильно ткнуть в висок, то вы получите чуть ли не полную копию раскрасневшихся рож, блуждающих по кирпичным дорожкам.

Прически стали какой-то пародией на волосы, глаза заплаыли потом и отказывались открываться, а плечи так немощно опустились, что со стороны могло бы показаться, что по

песчаным просторам шагает группа зомби.

И как на зло...

— Ни одной тени.

— А?

— Я о своем.

Действительно, хоть они и не шли по песку, глотающему стопы, но ничего похожего на домики, деревья, стены, холмы просто не было.

— Может... Остановимся?

— Где?

Нигде, в том то и дело. Спрятаться от этой невыносимой жары невозможно.

— Там пещера.

— Чего?

Бром устремил свой взгляд в сторону их движения, но абсолютно ничего не заметил.

— Справа.

— А.

Вдалеке виднелся холм, внутри которого зияла большая черная дыра, а в ней. В ней была тень.

— Пошли.

..

— Я заметил, что Диана слишком часто отрубается, что-то не так с ее режимом сна.

— Ну, тебе, как доктору, виднее.

Девочка уже посапывала на прохладном песочке, рассыпавшемся в пещере, яростно сражающейся с рвущимся к странникам теплом. Тени благосклонно закрыли обзор на каменные стены, а голоса двух мужчин эхом отскакивали от незримых стенок, уходящих далеко вглубь.

Роберт совершенно расслабился. Удивительно, что он вообще не свалился со своей поклажей, которою без устали тащил всю их нелегкую дорогу. Усы не было видно из-за темноты, и только карие глаза слегка поблескивали во тьме, дружелюбно перемигиваясь по ходу разговора.

— Тебе бы тоже не мешало поспать.

— Согласен, Хьюго, нам всем надо хорошенько отдохнуть.

— Спокойной ночи.

— Спокойной...

Роберт широко зевнул, отчего его глаза, скрываемые за очками, не хило прослезились, он улегся на землю и заснул.

Бром тоже повалился на песок, раскинув руки в разные стороны, давая мышцам заслуженную передышку. С потолка иногда сыпалась пыль, мешающая Брому заснуть. Хотя он и не пытался этого сделать, его сердобольно задумчивое лицо уставилось в темноту, будто разглядывая что-то среди не видимых ему каменных стен.

«Все-таки мы разные. Я не добр. Я не наивен. Я не вежлив. С чего я взял, что мы можем стать друзьями. Даже сон...»

Спустя от силы 15 минут Бром поднялся со своей произвольной кровати, направившись к выходу.

«Я его никогда не видел».

У входа в ущелье, озаряемого солнцем, лежала огромная сумка Роберта. Бром посмотрел

в будущее.

«Груда мяса. Зачем?»

Он провел кровожадным взглядом по неподвижному телу усатого джентльмена, раздумывая о его смерти. Брови устало согнулись в гримасу бешенства.

«Сострадание. И правда. Оставим все, как и есть».

Кудрявый юноша пригнулся перед разогретым песком на выходе из пещеры, водя пальцем меж песчинок, тем самым вырисовывая изученные им символы, и задумался над сущностью своего названного друга.

«Он очевидно маг. Ни одна машина, ни один дорожный знак, ни одна карта — ничего не показывает, где находится Мааравья. Только карта Байрона, значит. Такого города не существует. Как этого не понял Роберт? Никого кроме меня и Байрона там не будет, значит он собирается убить его. Меня бы он убил давно, а, если бы был союзником, не скрывал бы свою личность».

Указательный палец окончательно окунулся в песок, поставив жирную точку на кривом послании.

— Я Дьявол. Позаботься о девочке. Приблизись — убью.

Бром еще раз проговорил свое изречение, начерченное на земле и двинулся по пустыне, прищуривая глаза от неумолимого солнца.

«Ради кого я вообще это делаю? Марина? Скорее всего, да. Я устраню все угрозы, которые создал и покину ее. Но... Что будет дальше?»

Маска наконец-то спала с его лица: двигающиеся ноги задрожали, а по лицу потекли слезы, сметаемые огненным ветром.

«Я останусь один? Совсем один? Я приношу боль, я приношу невзгоды, я вызываю трудности. Я... Я, действительно, Дьявол. И мне... мне надо спрятать себя от этого мира, унеся с собой еще одного себе подобного. Способен ли я? Способен ли я пойти на такую жертву? Или я оставляю все, как и есть? Буду приносить людям горе, а после носиться, чтобы их осчастливить и обезопасить. Сострадание. А кому я должен сострадать?»

Он остановился, как вкопанный.

«Себе или другим? Кто больше заслуживает сострадания?»

Он не мог, он трясся. Как бы не были спокойны действия, произошедшие до сих пор, никогда Брому не было так плохо. Зарыться в песок, укрыться ото всех, ощутить ласку, ощутить заботу и при этом никого не ранить — он просто хотел покоя. Но вместо этого он был сбит с толку, растерян, в его голове творился сущий кошмар, и слезы бешеным потоком говорили о том, что в сердце все было также скверно.

«А мне? Мне кто-нибудь сострадал? Данте, который затащил меня в эту адскую пучину? Байрон, использовавший меня, как пушечное мясо? Агния, которая просто спустила на меня свои переживания? Говард, который использовал меня для непонятных целей? Марина, из-за которой я ношусь по пустыне и стою перед выбором? Дед, который не предложил мне ничего кроме убийства, посчитав меня за монстра? Диана, которая обманула меня, не беспокоясь о моей жизни? Роберт, который использовал меня, чтобы добраться до Байрона? Никто из них. Никто из них никогда не проявлял ко мне сострадания. Только я. Разве не только я достоин сострадания. Я столько пережил, столько боли и горя ощутил, но при этом... Сострадаю только я».

Он снова сделал шаг вперед.

«Значит, я буду делать это дальше. Не важно, чего мне это стоит и, что мне еще

предстоит пережить. Я отдам все свои долги и уйду с миром, оставив всех наделенными моей добротой. Это мой долг».

Бром выпрямил спину, направив свой разгоряченный взгляд на солнце. Сетчатка глаза сгорела, но юноша не отрывал взгляда от солнечного шара, тем самым бросая огненному кольцу вызов. На лице, возможно, впервые появилась искренняя улыбка, и она так естественно устроилась на его блещущем лице, что ее прежнее отсутствие показалось бы чем-то на уровне святотатства.

Он был готов к битве.

..

Он не был готов к такому повороту событий.

«Откуда она здесь?»

Байрон с опаской поглядывал на девушку с рыжим каре, расхаживающую по аэропорту и спрашивающую окружающих о пропавшем черноволосом кудрявом парне.

«Бальзак же ее убил».

Его зрачки испуганно подкашивались, падая вниз, и вновь нервно дрыгаясь вверх.

«Бром».

Он успокоился, облегченно схватившись за стакан кристально чистой воды. Хромой маг восседал в том же аэропорту Эйна, попивая стакан известной всем жидкости в каком-то подобии на ресторан. Никакого плаща или трости уже не было. На теле был коричневый жилет, увешанный невообразимым количеством подсумков, заполненных чем-то металлическим, а на ногах красовались легкие потертые брюки, спускающиеся до самых пяток, отчего его черных сапог, наделенных металлическими креплениями, создающиеся нечто вроде ножного катета, не было видно. На растрепанной прическе красовалась серая кепка, а недавно трясущиеся глаза закрывали темные квадратные солнцезащитные очки.

«Он воскресил ее. Значит, вот где он пропал. Она говорит, что он был черноволосый, и правда, когда мы заключили сделку его кудри таковыми и были, но после они вернулись в прежнее состояние. Почему? Ему снесло голову? Почему я заметил это только сейчас? Это опять вмешательство Данте?»

Девушка продолжала безуспешно расспрашивать прохожих, но в ответ она лишь получала одинаковые отрицательные кивки головой. Она была одета в развевающееся по теплему ветру бежево-серое пальто, в целом она сильно похорошела после их последней встречи. Хотя эффект должен был быть обратным.

«Кольцо?»

На ее безымянном пальчике изредка поблескивало в ответ солнечным лучам золотое толстоватое колечко с белым камешком.

«Бром, ты гений! Ты первая свинья, настолько приблизившаяся к моей смерти. Обмануть меня своей податливостью, прибавив дерзостью, и подсунуть мне липовое кольцо, чтобы в конце без промедления и сопротивления покончить со мной. Ты... Ты гений!»

Глаза Байрона заискрились под темными линзами аксессуара, но этого никто не заметил.

«Но ты допустил одну ошибку. И это она».

Марина отошла в сторону, решив передохнуть от нескончаемых расспросов.

«Ты стал рыцарем, а должен был стать мужем. Перед тобой не жена, а глупая принцесса. Ты... Ты допустил ту же ошибку, что и я. Так что я не виню тебя. Твое будущее зависит от нее, как она...»

Девушка незаметно для мага подошла к нему в упор, скрестив руки за спиной.

— Джордж Гордон Байрон.

«Что?»

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

«Дам ей шанс»

— Я Марина, мы виделись в Санмортилонгиандроапле, вы были вместе с Бромом.

«Я никогда не видел таких тупых свиней».

— Ах, это ты. И что же тебе от меня надо в таком неожиданном месте для встречи?

«Ты же не...»

— Вы не знаете, где Бром?

«...»

— Где Бром, говоришь?

— Да.

«...»

— А с чего ты взяла, что я знаю, где он?

— Так мне сказал Данте.

«...»

— И зачем же тебе Бром?

— Как бы это объяснить, Данте посетил Санмортилонгиандроаплъ в поисках новых кадров и завербовал крайне умелого мага Виктора Астафьева, но он, к сожалению, до этого события жил в трущобах, отчего его здоровье оставляло желать лучшее. И он... умер. Сила Брома сейчас крайне необходима, не хотелось бы терять такого полезного мага, да и в целом хорошего человека.

«Ты свинья. Ты не умеешь врать»

— Это печально, но к Брому сейчас очень тяжело попасть, я конечно могу обеспечить вам встречу, но не знаю обрадуется ли он ей.

«Это последний шанс. Все-таки Бром лишь поросенок, так грубо распотрошить его было бы грубо, если эта свинья не...»

— Давайте!

Марина протянула хромоту магу свою нежную и слегка покрасневшую от жары ладошку... Именно ту, на которой светилось кольцо.

«Простите»

Больше всего Байрону сейчас хотелось бы убить эту тупоголовую девицу, но он выбрал для нее более тяжелую участь. С невообразимой скоростью он провел пальцами по ее ладони, аккуратно стянув золотое колечко, и натянул на ее безымянный отросток свое черное кольцо. После этого действия он схватил не сумевшую заметить такую мимолетную скорость девушку за руку и на секунду исчез с ней из аэропорта.

Но это была лишь секунда. Он в одиночестве сидел в ресторане, попивая свою прохладную воду, а на его руке переливалось солнечным светом золотое кольцо с белым камешком.

Вряд ли кто-то сумел заметить, что недавно расхаживающаяся и щеголяющая своим пальто рыжеволосая девушка просто исчезла из здания, оставив после себя лишь расстроенного мужчину за бокалом воды.

«Пора уже подготовиться»

Он поднялся со стула, отряхнув слегка запачканные песком сапоги, и вышел из

аэропорта, оставив кучку серебряных и бронзовых монет на столе.

..

— Что?

Роберт ошарашенно рассматривал песчаное послание, оставленное его товарищем.

— Дьявол? Он все это время был Дьяволом.

Он упал на колени, его лицо исказилось от удивления и некоторого страха. Страх быть убитым.

Несмотря на то, что Бром большую часть своей сознательной жизни просидел без движения, его знали абсолютно все. И все его боялись. Дети, которых пугали страшилками о Дьяволе по ночам, взрослые, перегоняющие между друг другом слухи, богатые и влиятельные люди, с невероятным страхом вспоминая про самого бесшумного и опасного убийцу в мире, и даже маги. Не было в мире мага, который бы не боялся Брома. Все достижения, все силы, все чувства, все, что когда-либо было дорого, могло быть уничтожено примитивным прикосновением. Дьявол был опасен, он был смертелен, он был неопишимо ужасен. И за этого все его боялись.

И Роберт не был исключением, какую бы мощную силу он не демонстрировал при схватке с Байроном, прикосновения действительно бы достаточно, чтобы покончить с его жизнью.

— Но куда ты пошел? Что я должен сделать с девочкой?

— Не думал, что встречу тебя здесь.

Напротив растерявшегося усатого мага уверенно стоял Байрон все в том же жилете. Он презрительно взирал на убогую свинью, сложив ладони перед собой.

— Ты...

— Стоять, хоть намек на Хайда, и ты труп.

— Кто же ты такой?

— Меня зовут Джордж Гордон Байрон, тебе повезло недавно лишить меня жизни. Точнее говоря, Хайду.

— Откуда ты знаешь?

— Я просто знаю. Знаю, что ты никакой не маг. У тебя раздвоение личности, и магией владеет только Хайд, твоя вторая сущность.

— ...

— Ты таскаешь гору мяса в сумке, чтобы удовлетворять его голод, но при этом держишь себя молодцом.

— ...

— Хайям сказал тебя меня убить.

— Откуда?

— Запомни этот урок на всю свою жизнь.

— ...

— Ты всего лишь ничтожество, и тебе никогда не достигь моего уровня, уровня Хайяма, уровня Брома. Ты жалкая свинья, это все, что ты должен понять перед смертью.

— Я...

Роберт яростно взглянул в глаза диктующего ему заповеди мага, его зрачки начали наливаться кроваво-красным.

В мгновение ока Байрон схватил сидящего на песке усатого монстра за шиворот и одним молниеносным рывком выкинул его в воздух, отправив отчаявшегося Роберта в

стратосферу.

— Если бы не Хайд, я бы просто убил тебя.

Хромой маг проговорил это вслед уходящей комете, разбрызгивающей кровью по огненной траектории, создаваемой от невыносимо быстрой скорости.

— Ха.

Байрон схватился за свое лицо.

— ХАХАХАХАХАХАХАХАХАХАХАХАХА!!!

«Я не могу. Я просто не могу не смеяться. Все так идеально, все так филигранно идет в мою пользу. Марина, Стивенсон — все свиньи собрались в одном месте, чтобы быть выкинутыми из этого мира, быть опрокинутыми мой праведным мечом!»

Громогласный смех, хрипло и звонко перепрыгивающий меж каменный стенок, наткнулся на чей-то отчаянный плач. Жалкие притихшие всхлипы еле различались среди бешенных волн сумасшедшего Байрона. Но это не помешало ему четко услышать Диану.

— Кто?

Его глаза испуганно сжались, превратив лоб в скопление бесконечных морщин, а рот в злобный оскал. Его кровожадность возвелась до абсолюта: он упустил сразу двух свиней, не окунув свои руки в их распростертые кровавые тела. Ничто и никогда не передало бы все безумие, охватившее его зеленые зрачки. Сдаться, умереть — никаких других мыслей перед ними бы не появилось.

— Свиинииинья?!!!

Байрон устрашающе протянул гласную и с вопящим криком в мгновение ока добрался до девочки, приложив свой кинжал к ее горлу. Шея Дианы испуганно дергалась, двигая своей нежной кожей в упор к стальному лезвию, пока кровожадные глазницы мага варварски впирались в ее лицо, рассматривая сморщенные черты девичьего лица.

— Ты...

Он приблизил свое лицо, чуть не коснувшись носом побледневшего лба Дианы.

— ...Свинья?

Девочка понимала, что ничего легче у нее в жизни не спрашивали, и ответ был очевиден. Но страх крепко сжал девичью глотку, передавив горло, отчего из дрожащего рта вырвался лишь невнятный хрип.

— Ты не свинья.

Маг убрал кинжал и направился вон из пещеры, оставив смертельно напуганную девочку в полном одиночестве. Его кровожадность никуда не исчезла, он бешено осматривал окрестности, надеясь встретить там кого-нибудь, кого он смог бы распотрошить.

— Я не могу сражаться в таком состоянии.

Байрон вытянул правую руку в сторону, сжав ее в кулак, поднял наверх, слегка напрягая пальцы, и схватился левой ладонью за бицепс, причем так резко, что по пустыни раздался резкий хлопок.

— Вот.

Рядом появился другой Байрон, на этот раз в красном пальто, красной рубашке, красной шляпе, красных брюках, красных туфлях. Да что уж говорить, все его лицо было окрашено в тот же кровавый цвет. Ни одна частичка его тела не была другого оттенка.

Он держал в руке какого-то голого мужчину, у него было довольно мускулистое телосложение, короткая рыжая прическа и небольшая борода.

— Опять, опя...

Не успел он что-то сказать, как первый Байрон схватился за его кадык. Один рывок, и он был вырван. Оторвалось ухо. Распоролся нос. Вырвались глаза. Раздробилась челюсть. Выдавился мозг. Вырвался язык. Споролся живот. Выбросились кишки. Открылась грудная клетка. Взорвалось сердце. Выкинулись легкие. Разорвались гениталии. Оторвались ноги. Отодрался таз.

— Достаточно.

Байрон удовлетворенно отошел от кровавого месива, отряхая с себя кусочки костей и сухожилий. Красный Байрон взялся за скальп, отброшенный в сторону и исчез с этой незначительной частью тела.

«Такого со мной давно не было, что ж. Теперь...»

Он был готов к битве.

Очередная горсть песчаной пыли рассыпалась в знойном воздухе, разлетаясь вокруг бледной ноги. Тропинка следов отпечаталась по пустыни, прочертив по песчаному полю тонкую полоску отметин от зеленых перетаптывающих шлепанцев.

Яростно воодушевленные глаза уставились вдаль, не сводя с раскаленного горизонта взгляда.

Бром шел по пустыне. После недавнего душевного подъема не прошло много времени, от силы 10 или 15 минут. Пещера уже давно скрылась вдали, оставив о себе лишь смутные печально брошенные воспоминания.

— Байрон?

Посреди дюн появилась стройная фигура. Не очень длинные волосы, оттенки, сливающиеся с окружающей жарой, и сложенные на груди руки. Если бы кудрявый юноша всю дорогу так не топорщился вдаль, он бы возможно и не заметил появления этого силуэта.

— ...

Бром с опаской замедлил темп, а фигура начала набирать скорость, потихоньку приближаясь к нему. Кольцо маг оставил Диане, незаметно натянув его на палец сопящей девочке, так что его настороженность и готовность к битве не надо было выражать чем-то определенным. Хватило бы одного его присутствия.

— Что?

«Говард. Он говорил. Говорил, что она здесь будет, я знал, но при этом... Почему я так удивлен?»

— Марина?!

Маг уже слегка облегченно прокричал это сквозь горячий воздух, вздымающий жару белыми волнами ввысь.

Девушка замахала рукой, не прекращая свой усердный бег, финишем которого являлся ее муж.

— Бром!

Подбежав достаточно близко, она остановилась перед ним, поглядывая в его разгоряченные бледно-голубые глаза. Бром делал тоже самое.

— Что ты здесь делаешь, все хорошо?

— Да, все в порядке, не переживай.

— Я же вроде говорил, что скоро вернусь, зачем было так мчаться сюда? Я недостаточно ясно объяснил при отъезде, какому риску ты можешь нас подвергнуть, если явишься сюда?

— Прости меня, я... я не удержалась, мне было очень плохо без тебя.

— Ух, ладно, в принципе, ничего критического не произошло, что ты здесь. Но все равно, не стоит так безрассудно самовольничать в будущем.

— Хорошо, я запомнила.

Бром наивно полагал, что причиной ее появления был Говард, от этого никаких особых подозрений или возмущений с сомнениями в его голове не возникло, ведь его воля, наконец, окончательно окрепла.

— Ах, Бром, как же я давно не видела. Кажется, будто прошла целая вечность.

Она вытянула свои слегка покрасневшие от зноя руки, приближаясь к юноше. В ответ он

уже собирался обнять ее, окончательно залатав недавние душевные раны.

\\ \\ Она падает, падает замертво, глупо растормошив свои одряхлевшие конечности по песку. Она умирает. Тупо и бесцельно. \\ \\

Увидев будущее, Бром испуганно отскочил назад, чуть не опрокинувшись на землю. Марина изумленно остановилась, поглядывая на своего мужа.

— Что-то не так?

На его лице задрожали все мускулы, глаза ошарашенно тряслись от обозримого, мозг плавился от одной мысли о том, что это могло произойти. Он — убить? Ее? Это вершина греха, который он мог совершить.

Наконец, он заметил.

— Марина...

— Что?

Она до сих пор не понимала внезапно возникших на его лице эмоций.

— Что с твоим кольцом?

— А?

Она глуповато похлопала ресницами, разглядывая оттенок своего аксессуара. Оно стало черным.

И ей нечего было сказать в свое оправдание.

— Марина...

«Почему я подумал об этом только сейчас. Что так сильно затуманило мой разум? Почему?»

— Да?

Она уже поняла, за что ее будут отчитывать, отчего милостивое личико пыталось спрятаться за слегка дрожащими от волнения ладонями.

— Как ты сюда попала?

«Что могло произойти? Что могло произойти? Что могло произойти? Байрон? Нет. Данте? Нет. Виктор? Точно нет. Роберт? Это единственный маг, чьи способности мне абсолютно неизвестны и к кому Марина могла в теории обратиться, да. Да. Все хорошо, я зря так встревожился».

— Мне помог Байрон...

Она проговорила это невероятно тихо в невероятном испуге и стыде.

«*звуки треска*»

По-другому никак не описать его мысли. Это разлом, трещина, уничтожение, ликвидация, аннигиляция — весь его план... Рухнул в один миг. И именно тогда...

«*звуки треска*»

...Когда он был готов к битве.

— Зачем ты это сделала?

Улыбка? Оскал? Слезы? Нет, немое и безжизненно безэмоциональное лицо спросило это у трясущейся девушки.

— Мне... Мне было плохо...

— Ты уже говорила об этом, почему ты обратилась к Байрону. Ты же знаешь, что он стоит за твоей смертью.

— Я... Я подумала, что он решит, что Бальзак не справился с работой и огорченным отправит меня к тебе.

— Угу. Логично.

— Да?

— Нет.

— ...

Он не собирался разъяснить ей свое отрицание.

— Как он переместил тебя сюда?

— Он... Он просто коснулся меня.

— Просто коснулся?

«*звуки треска*»

— Да.

— Хм, понятно..... Марина...

— Что, Бром?

— Нам надо расстаться.

— Что?

— Прямо сейчас.

Никаких признаков чувств, сомнений, размышлений — ничего не осталось ни в его речи, ни в его взгляде.

— Бром, не надо...

— Когда я появился в городе, первой я встретил тебя. Это было незабываемое чувство. Смятение, смущение, необъяснимая неприязнь, вызывающая удовольствие. Ты открыла мне глаза на строение человеческих мыслей, без тебя бы не было ни Брома, ни Хьюго. Но на этом... На этом твоя польза закончилась.

— Что?

— Твоя смерть... Я посчитал ее своим убийством. Я решил взять на себя ответственность за нее, отплатить тебе сполна тем, чем ты, действительно нуждалась.

— То есть ты...

— Я никогда тебя не любил. Я никогда ничего не чувствовал. Ни страха, ни печали, ни радости. Я просто... Просто имитировал то, что видел у других, и из меня вышел замечательный актер.

— Не любил?..

— Что ты, что другие. Вы все чего-то желаете. И чем сильнее вы это желаете, тем меньше что-то делаете. По факту, у меня нет никаких причин сейчас с тобой разговаривать.

— Не любил?..

— Я дважды спас тебя от смерти, один раз вернул ее тебе, сохранил и обезопасил, обеспечил нормальной жизнью. Но тебе все мало. Я не получил ничего взамен. И ты все равно меня ограничиваешь.

— Бром...

— Я бы хотел сказать, что ты тупая. Хотел бы сказать, что ты поступила очень глупо, но теперь гнев и раздражение лишь иллюзии, чуждые мне.

— А?

— Я прощаю тебя, Марина, ты только что испоганила свою и мою жизнь. Испортила мне весь план своей недалёковидностью. Опорочила все то, что я так старательно для тебя сделал. Но я, все равно, прощаю тебя. Это же и есть милосердие?

— ...

— Так пускай ты и запомнишь меня милосердным. Никогда и ни за что не приближайся ко мне, не ковыряй в ране, которую же ты и поставила. Иди в пещеру по моим следам, найди

девочку — заботься о ней. Там будет усатый мужчина — выйди за него замуж, он как раз мечтает об этом. Если ты не сострадаешь мне, так сделай это другим.

— Бром, пожалуйста...

По ее лицу уже давно текли слезы, она не выдерживала всех этих хоть и тихих, но жестоко болезненных слов.

— Я не виню тебя, ведь ты человек...

Он шагнул мимо нее.

— ...а все люди одинаковы

У него осталось сил, не осталось нервов, чтобы выплеснуть хоть что-то похожее на гнев. Он, как мотылек, слепо рвался к огню, не думая уже ни о чем. Ведь он умер.

Бром. Хьюго. Эти двое были жестоко убиты и распотрошенными выставлены на показ.

Остался только Дьявол, ведь в нем нечего было убивать и потрошить. Он остался пустым.

«Без плана. Я просто разберусь с ним как-нибудь. Потрачу все усилия, но разберусь с ним. Чего бы мне это не стоило».

Бром бы сейчас усмехнулся.

«А мне это уже ничего не стоит»

Дьявол продолжал двигаться, приближаясь к заветной разлагающейся груди мяса. Уже неважная для него девушка осталась позади, скрючившись в опустошении и горе. История близилась к концу. И ее финал был предрешен.

..

— Привет.

— Привет.

Неважно, кто сказал это первым: их голоса звучали одинаково холодно и отдаленно.

Хромой маг в полувоенной экипировке с легка развивающимися на ветру коричневыми волосами и бледный пепельноволосый и кудрявый юноша, чьи пустые блекло-голубые глаза безразлично осматривают будущее поле жатвы.

Даже песок притих, кульминируя происходящее.

— Мы все-таки добрались до этого места.

Каждый понимал, что под этим подразумевался бой, но маги коллективно закрыли на это глаза, устремив свое незаинтересованное внимание на груды полусгнивших костей.

— Это Говард Лавкрафт.

В голове Дьявола ничего не сложилось воедино, ведь складываться было уже нечему.

— Просто коснуться два раза, да?

— Да, сделай это.

Юноша приблизился к серо-коричневой массе, чуть ли не полностью усыпанной песком. Он опустился на колени, приблизившись к побелевшим кусочкам костей, торчащим острыми краями к небу. По плоти еле заметно перебирали лапками жучки, пока песчинки заливались в появляющиеся отверстия в дряхлом мясе. Дьявол небрежно дотронулся до останков Говарда и направил свой взгляд на передвигающиеся капли крови, появившиеся из неоткуда.

Мышцы и сухожилия вновь покраснели, разбрызгав песок с жучками по знойному ветру. Кости сомкнулись воедино, образуя череп и позвоночник. Неумолимым вихрем кровь обволокла уродливое подобие человека, и на песке остался лишь сутулый мужчина с плешью и длинными черными волосами.

Только Байрон понял, что произошло, но было уже поздно.

Как только глаза Говарда распахнулись, его руки с невероятной скоростью поднялись слегка вверх и опустились на песок. Этот шлепок вызвал неопишимо громадный взрыв, перевернувший пустыню. Песок проглотил сам себя, унося магов в свои недра.

На поверхности остался только хромой и недоумевающий маг.

..

— Вроде бы здесь.

Кто-то двинул рукой в сторону отчего бесчисленное количество песка и земли уничтожилось в невероятном потоке мощи. Эта сила образовала некое подобие бункера. Снизу песок, сверху песок, по бокам песок — так выглядело произвольное помещение, в котором сидел Говард.

— Извини, все-таки, я немного ошибся.

Из потолка торчала босая нога, не подающая признаков жизни.

К бледной ступне приблизился говорящий сутулый мужчина и дунул на нее. Импульс от исходящего воздуха уничтожил песок, скрывающий его замурованного собеседника.

Перед ним теперь лежал Дьявол.

— Наконец-то, мы встретились.

— У меня нет настроения с тобой разговаривать.

— Действительно? И тебе нечего у меня спросить?

Пустые зрачки кудрявого юноши сполна бы ответили на этот вопрос, но Говард решил проигнорировать этот печальный факт.

— Какова твоя способность?

— Так ты понял.

— Я еще могу адекватно рассуждать.

— Моя истинная способность проста — я знаю все.

Хоть сутулый и голый мужчина говорил своим привычным хриплым голосом, он звучал очень взволнованно и воодушевленно.

— И зачем ты притащил меня сюда?

— Поговорить.

— Серьезно?

— Может тебя еще что-нибудь интересует?

— Нет...

— Эм... Может что-нибудь про свою способность или слабости Байрона?

— Нет.

— Ты мне не доверяешь?

— Назови хоть одну причину это делать.

— Ну...

— Погоди.

В голове Дьявола зажглась искра, отчего его глаза снова загорелись живым светом.

— Ты можешь убить меня?

Юноша умоляюще устремился взглядом в зрачки Говарда.

— Да, но я не буду этого делать.

— Тогда мне не о чем с тобой разговаривать.

Дьявол повернулся к нему спиной и зашагал вглубь туннеля, созданного его собеседником, в конце которого слегка заметно сиял свет.

— Но ты же должен убить меня.

Говард печально уставился на уходящий силуэт.

— Ты отказываешься убить меня и при этом требуешь от меня того же. До чего ты жалок.

— Но смерть — не подарок, почему ты так рассуждаешь?

— Ничто в мире не имеет большего значения, чем смерть. Ты должен знать это, раз тебе известно все.

— Понял...

Он молнией рванул до шагающего юноши.

— ...Но я готовился к этому всю жизнь.

Одно прикосновение. Говард упал замертво.

Дьявол остановился.

— Идиот. Жалкая, безрассудная, скупая и, как всегда, эгоистичная смерть. И такие люди ее достойны? Это жестоко.

Распластавшееся тело не могло что-то ответить не изменившемуся в лице юноше. Радостно растянувшиеся в улыбке губы мертвеца подогревали отвращение мага.

— А вот и он.

Абсолютная тишина ответила на это замечание Дьявола, но буквально через несколько секунд рядом с ним образовался Байрон.

— Ты... Ты сделал это.

— Да.

Хромой маг сдерживал бешенную ухмылку, как только мог.

— Я... Я... Отвернись ненадолго.

— Да.

Байрон подхватил труп, исчез и вернулся вновь уже без него.

— А теперь...

— Слушай, Байрон.

— ...

— А зачем нам сражаться?

— ...

— На тебе кольцо, а я бессмертен, так что это противостояние ничем не кончится. Я понимаю, что наше с тобой соглашение было условным и являлось лишь предлогом для окончательной победы над друг другом, но... Теперь у нас не осталось ничего кроме этого договора. Мои условия изменились, и они стали гораздо скромнее. Просто не трогай Марину, и все.

— То есть ты предлагаешь разойтись.

— Да.

Байрон закрыл лицо ладонью.

— Прости, Бром, но мои следующие поступки не зависят от моего отношения к тебе или каких-то соглашений. Это просо принципы.

Мгновенно маг оказался позади Дьявола, а юношеское горло рассеклось кинжалом в его руке.

— Прости за эту прелюдию, но мне необходимо, чтобы ты безмолвно выслушал мой монолог.

Кудрявый маг беспомощно хватался за горло и другие части тела, которые рассекались

каждый раз, когда его собеседник делал паузы в своей речи.

— На самом деле... Ты первый человек... С кем я провел так много времени, перед тем как убить... Перед тем, как ты стал таким... Ты, наверно, задавался вопросом: «А какова... Настоящая способность Байрона» ... Что ж, ты уже вряд ли кому-то это расскажешь... Так что слушай...

Юноша равнодушно хлюпал кровью, распластавшись в луже собственных внутренностей.

— ...

— Я, на самом деле, не соврал тебе о своей магии... Только вот лазейку я нашел уже давно... Скорость... Я сказал, что двигаюсь медленно из-за ноги... Но это не так... Я могу развивать абсолютно любую скорость... Скорость звука, скорость света, я могу двигаться в миллиарды раз быстрее скорости света... Ты, естественно, не изучал физику, но, знаешь, что будет если двигаться с огромной скоростью?.. Правильно — можно перемещаться во времени... И на этом откровении... Мы и закончим.

Байрон остановился, разглядывая свой окрашенный кровью кинжал.

— Ты, наверное, ждешь смерти, но поверь. Есть вещи гораздо хуже смерти.

— ...

Распростертое по песку тело, еще не могло выстроить речь.

— Я не в первый раз сражаюсь с бессмертными, на вас всех есть прекрасный прием.

Хромой маг схватил восстанавливающегося мага за руку.

— Знаешь, есть версия, что наш мир создал Бог. Другие люди говорят, что все произошло из-за большого взрыва. Но что было до взрыва, до Бога?.. Это ты сейчас и узнаешь.

Пара магов переместились в другой мир, то самое пространство, в котором Байрон свободно передвигался сквозь стены. Он устремился в небо. С большой скоростью, с невероятной скоростью, с неопишуемой скоростью, с неопределимо бесконечной скоростью. Их должно было стереть в порошок от сопротивления, но из-за силы хромого мага никакого эффекта не было.

И они оказались нигде. Хотелось бы сказать, что все было кристально черным или белым, но таких понятий не существовало в этом мире. Ничего не существовало в этом мире.

— Прощай, мой друг.

Байрон разжал руку, и Дьявол окунулся в пустоту. Он хотел кричать или плакать, но плач и крик еще не придумали в этой пустоте. Последнее, что он увидел в своей жизни, была бешенная улыбка.

..

История не кончилась. Ведь главный герой выжил. Он прямо сейчас перешагивали через бетонную плитку, уложенную на дороге одного из городов этого брэнного мира.

Солнце светило, облака передвигались по небу, а люди безразлично шастали из угла в угол, занимаясь своими делами.

Главный герой рассматривал голубое полотно, высматривая там луну, которую еще можно было заметить утром, но ее, видимо, прикрыли белоснежные пушистые странники.

— Марина.

Он направился по лесной тропинке, наслаждаясь запахом душистых цветов, раскиданных по зеленеющему полю.

— Эх, скоро осень.

Вот и Терка показалась на горизонте, треугольные деревянные крыши, покрытые шифером, устремлялись верхушками в безмятежную высь, дети радостно прыгали меж кочек во дворах, размахивая палками и лопухом.

А вот и дом, в котором поселилась семья Бордо. Он слегка похорошел после прошлых хозяев, но он не наполнился тем же уютом и естественностью, как в былые времена.

Главный герой распахнул дверь и вошел внутрь, сняв в прихожей обувь. Все вещи были на своем месте, а окна были открыты, запуская свежий воздух.

Девушка сидела на диване, заплетая косу невысокой девочке, но увидев вошедшего она невероятно удивилась. Она не ждала главного героя.

Она не ждала Байрона...

Больше книг на сайте - Knigoed.net